

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 1

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 1

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзётэ (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАНИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2022. Vol. 44, No 1

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrsu.ru

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

T. LÖNNGREN

Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHEKHOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTHAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (St. Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST

Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Зыкова И. В.</i>
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
<i>Лукин О. В.</i>		
Ф. Ф. Фортунатов и младограмматизм	8	
<i>Журавлёва А. Е.</i>		
Современные тенденции в произношении групп согласных	13	
<i>Новоселова В. А.</i>		
Образные сравнения как экспрессемы в медиатекстах телепрограммы «Вести недели с Дмитрием Киселевым»	20	
<i>Чертоусова С. В., Шумилова К. А.</i>		
Семиотическая гетерогенность текста в аспекте перевода	29	
<i>Кононченко Ю. А.</i>		
Этнокультурный концепт «природа» в поэтической картине мира писателей Донбасса	36	
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ»		
<i>Маркова Е. М.</i>		
Структура когнитивного содержания и когнитивного знания русской лексики	43	
<i>Попова Т. И.</i>		
Информационные волны и их текстовая реализация в медиадискурсе: лингводидактический аспект	50	
<i>Веселовская Т. С.</i>		
Особенности исследования цифровых учебных текстов	56	
<i>Захарова Н. Н.</i>		
Информационное, когнитивно-образное и прагматическое поле концепта «тульский пряник»	63	
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		
<i>Кобленкова Д. В.</i>		
Типология шведского романа второй половины XX – начала XXI века	76	
<i>Шарыпина Т. А.</i>		
Поэтологические функции авторской модальности в художественной практике Ф. Фюмана и Б. Шлинка	81	
<i>Александрова М. А.</i>		
Школьяры Булата Окуджавы: «маленький человек» в поисках благородства	89	
<i>Цуркан В. В.</i>		
Концепт «счастье» в прозе А. Битова 1960–1980-х годов	97	
<i>Суркова К. В.</i>		
Преодоление границы как способ инициации героев цикла «Легенды Западного побережья» Урсулы Ле Гуин	104	
Рецензии		
<i>Павлова Н. П.</i>		
Рец. на кн.: Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение	111	
Память		
<i>Патроева Н. В.</i>		
Памяти Л. Н. Колесовой	114	
Научная информация		
<i>Котов А. А.</i>		
ПетрГУ – научно-дискуссионная площадка для обсуждения актуальных проблем преподавания русского языка как иностранного	115	
Научная информация	117	
<i>Contents</i>		118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкоизнание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.01.2022. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Изд. № 7

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики
и лингвистической поэтики
Института русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Л. Л. Шестакова

Larisa L. Shestakova,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (Philology), Senior
Researcher, V. V. Vinogradov
Russian Language Institute
of the Russian Academy
of Sciences

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Поздравляем вас с Новым годом, искренне желаем
здравья и неиссякаемой творческой энергии!

В журнале традиционно публикуются статьи, обзоры, рецензии, имеющие широкий тематический диапазон, отражающие актуальные проблемы современной филологии. Подтверждение этому – первый номер 2022 года. Мы уверены, что он будет интересен лингвистам, литературоведам и тем, кто работает в смежных гуманитарных областях.

Раздел «Языкоизнание» открывает статья, посвященная влиянию идей младограмматизма на Ф. Ф. Фортунатова как лингвиста. Здесь также анализируются изменения, отмечаемые сегодня в русской акцентологии (на примере отдельных групп согласных), экспрессивный характер компаративных конструкций в социально-политическом медиадискурсе, содержание этнокультурного концепта «природа» в картине мира писателей одного региона; весьма выразительно исследование об особенностях переноса юмористических веб-комиксов немецкоязычных авторов в русскую лингвокультуру. Весомую часть названного раздела составляют статьи, подготовленные по материалам научных докладов. Эти доклады прозвучали на международной конференции «Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном образовании», прошедшей в сентябре 2021 года в ПетрГУ. Обратим внимание на разнообразие проблем, обсуждаемых в статьях: понятие уровневой организации смыслового объема слова и его важность для освоения русской лексики в славянской аудитории, семантизация топонима *Карелия* в иностранной аудитории с опорой на психолингвистический и коммуникативный подходы и др.

Авторы публикаций, вошедших в раздел «Литературоведение», обращаются к творчеству зарубежных и отечественных писателей. Анализируются типология шведского романа, поэтические функции субъективной модальности в текстах немецких писателей Ф. Фюмана и Б. Шлинка, выявляется специфика инициации героев цикла «Легенды Западного побережья» американской писательницы У. Ле Гuin. Впервые сопоставляются – как этапы рефлексии о «маленьком человеке» в ситуации войны – ранняя повесть Б. Окуджавы «Будь здоров, школьарь» и снятая по ней киноповесть «Женя, Женечка и “катюша”»; предлагается оригинальный анализ концепта «счастье» в прозе А. Битова.

Отрадно, что первый номер отличает широкая география авторов: Петрозаводск, Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Тула, Саранск, Ярославль и другие города.

ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛУКИН

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка
Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского (Ярославль, Российская Федерация)
oloukine@mail.ru

Ф. Ф. ФОРТУНАТОВ И МЛАДОГРАММАТИЗМ

Аннотация. Целью работы является исследование особенностей взаимодействия выдающегося российского языковеда Ф. Ф. Фортунатова с младограмматизмом как научной парадигмой, повлиявшей на его становление как лингвиста. Анализ лингвистических парадигм представляет собой актуальное направление современной лингвоисториографии. Известно, что по окончании университета двадцатитрехлетний ученый был командирован за границу и посетил такие немецкие города, как Тюбинген, Берлин, Кенигсберг и Лейпциг. В последнем он слушал лекции выдающегося представителя сравнительно-исторического языкознания Г. Курциуса и одного из основателей младограмматической школы А. Лескина. Несомненно, что эти ученые сыграли важную роль в формировании взглядов молодого языковеда. Существует общее мнение, согласно которому Ф. Ф. Фортунатова называют представителем младограмматической школы в России. Новизна работы состоит в том, что автор пытается показать, насколько правомерно такое утверждение в отношении творчества ученого и какие черты младограмматизма нашли отражение в его трудах. Основанная им Московская лингвистическая школа обычно называется «формальной», что само по себе демонстрирует ее явную противопоставленность лейпцигским младограмматикам. Развивая теорию своих немецких учителей, российский лингвист пошел дальше их, вплотную приблизившись к структурализму. Ф. Ф. Фортунатов опубликовал в течение 43 лет своего творчества 36 научных трудов, преимущественно в России и на русском языке, что делало его взгляды практически недоступными для мировой лингвистики. Свои новые оригинальные идеи он передавал ученикам в живом общении. Автор статьи подчеркивает особую роль Ф. Ф. Фортунатова как основателя признанной школы структурализма, чьи ученики преодолели границы предыдущей научной парадигмы, взяв все самое передовое из идей своего учителя.

Ключевые слова: Ф. Ф. Фортунатов, младограмматизм, лингвистическая парадигма, структурализм, Германия

Для цитирования: Лукин О. В. Ф. Ф. Фортунатов и младограмматизм // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.716

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о том, принадлежал ли Ф. Ф. Фортунатов к младограмматическому течению в языкознании, был ли он действительно «российским младограмматистом», на наш взгляд, остается открытым до настоящего времени. Палитра суждений современных лингвоисториографов о принадлежности российского академика к младограмматизму весьма широка. Причем она в известной степени отражает динамику развития взглядов самого великого русского ученого – от младограмматизма к структурализму как новой лингвистической парадигме. Так, В. М. Алпатов называет Ф. Ф. Фортунатова и его ученика А. А. Шахматова «двумя крупнейшими учеными, следовавшими младограмматической традиции» [2: 103]. Ср. также:

«Многое среди теоретических идей Филиппа Федоровича было сходно с идеями младограмматиков, особенно главного их теоретика – Г. Пауля» [3: 9].

Я. В. Лоя связывал младограмматический период развития языкознания прежде всего с распространением по миру сравнительно-исторического языкознания, в русле которого в России работали Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Потебня и И. А. Бодуэн де Куртенэ¹. Однако, говоря об академике Ф. Ф. Фортунатове, ученый указывает на то, что он

«...в общих вопросах языкознания мало самостоятельный последователь немецких младограмматиков, основатель грамматического формализма, но выдающийся ученый в области сравнительного изучения праиндоевропейского, славянских и балтийских языков»².

* * *

Вопрос о принадлежности ученого к той или иной школе и – шире – к той или иной лингвистической парадигме, на наш взгляд, ни в коей мере не следует смешивать с вопросом о влиянии этой школы, этой парадигмы на формирование его научных взглядов. Это представляется нам весьма важным при описании и интерпретации теорий, существующих на границе парадигм. Естественно, что молодой исследователь, еще не обремененный грузом собственного научного опыта, проходит обучение в некоей признанной школе, определяющей актуальную лингвистическую парадигму, однако с течением времени начинает убеждаться в том, что поступаты этой школы не дают ответов на те вопросы, которые он ставит перед собой, и приходит к необходимости новых теорий, образующих новую лингвистическую парадигму. Так было с самими младограмматиками, так было с Ф. де Соссюром, некогда прилежным учеником Лейпцигской школы, так было и с Н. Хомским, выросшим из школы американского структурализма и вскрывшим его недостатки. В этом контексте ясно, почему, например, С. В. Смирнов вполне справедливо считает, что Ф. Ф. Фортунатов «естественно, не мог не усвоить основных принципов младограмматизма» [9: 68]. Как прилежный ученик он не мог их не усвоить, вопрос только в том, что и как он использовал в своем научном творчестве. Понятно также, что выдающаяся плеяда ученых, на формирование взглядов которых оказала влияние младограмматическая школа, в конечном итоге не являются собственно младограмматиками: к ним относятся Ф. де Соссюр (Швейцария), И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатов (Россия), В. Томсен (Дания), М. Бреаль (Франция), У. Уитни (США) (ср. [11: 111]).

Н. А. Кондрашов подчеркивает, что Ф. Ф. Фортунатов примыкает к младограмматикам лишь по отдельным вопросам, и перечисляет эти вопросы:

«Внутренняя история языка, по Фортунатову, зависит от каждого индивидуума, так как она определяется индивидуально-психологическим соотношением мышления и речи. В этом отношении Фортунатов примыкает к младограмматикам: он также разрабатывал и исследовал звуковые законы, а в случаях отступления от них руководствовался ассоциативной психологией, подчеркивая роль аналогических изменений в языке»³.

Известный историк языкоznания В. Томсен (дат. Vilhelm Ludvig Peter Thomsen; 25.01.1842–12.05.1927), которого также причисляют к младограмматической школе, особо подчеркивал

заслуги Ф. Ф. Фортунатова в укреплении метода сравнительно-исторического языкоznания, но не относил его к младограмматикам,

«в то время как фортунатовская школа, к которой примыкают востоковеды В. Ф. Миллер (1848–1913) и Ф. Е. Корш (1843–1915), стоит на позициях охарактеризованного здесь так называемого младограмматического направления»⁴.

Т. А. Амирова отмечает уже двойственный характер научного наследия академика Фортунатова: с одной стороны, это классический младограмматический подход к языку, выражавшийся «прежде всего в строгом учете фонетических законов и психологическом понимании сущности языка», с другой – значительный интерес к

«вскрытию социальной сущности языка, стремлением к формализации лингвистических процедур и созданию точных научных определений, интересом к общелингвистической проблематике» [1: 407].

Ф. М. Березин указывал на то, что и Ф. Ф. Фортунатов, как и И. А. Бодуэн де Куртенэ, «эти так называемые русские младограмматики не поддерживали полностью концепцию младограмматиков и стремились отойти от идей теоретика младограмматизма Пауля» [4: 97] (похожее мнение см. [8: 142]).

В. А. Звегинцев пишет о том, что Ф. Ф. Фортунатов, как, впрочем, и Ф. де Соссюр, эти своеобразные и оригинальные лингвисты, создавшие признанные школы в языкоznании, лишь в той или иной степени приближались к позициям младограмматизма (ср. [6: 184]). В. Н. Топоров и Е. А. Хелимский считают, что Ф. Ф. Фортунатов «не может быть отнесен к числу младограмматиков», хотя и отчасти [10: 183]. Немецкая исследовательница С. Якобс однозначно не относит Ф. Ф. Фортунатова к числу младограмматиков и многократно подчеркивает его предструктурлистские идеи (см., например, [13: 34]).

Завершая анализ палитры мнений исследователей о принадлежности основателя московской лингвистической школы младограмматическому течению, нельзя не привести поистине мудрые слова академика Л. В. Щербы о том, что Ф. Ф. Фортунатов

«был головой выше большинства своих немецких современников. Этим и объясняется восторг некоторых приезжавших к нему молодых ученых перед пытливой и глубокой мыслью учителя и этим объяснялось бы и то раздражение, которое слышалось в тоне матитых основоположников младограмматизма...» [12: 92].

Как известно, на лекции Ф. Ф. Фортунатова в Московский университет приезжало немало молодых иностранцев, ставших впоследствии крупными лингвистами:

«Учениками Фортунатова были... зарубежные ученики О. Брок, А. Белич, Э. Бернекер, Н. ван Вейк, Х. Педерсен, Т. Торбьериуссон, Ф. Зольмсен, И. Ю. Миккола, Й. Богдан, М. Мурко и другие» [5: 317].

Двое из них – немецкие ученые Ф. Зольмсен и Э. Бернекер – были непосредственно связаны с младограмматической школой и в своем научном творчестве не переступали этой парадигмальной границы, несмотря на общение с великим российским лингвистом и знакомство с его передовыми идеями.

Ф. Зольмсен (нем. *Felix Solmsen*, 11.06.1865–13.06.1911) по праву считается одной из центральных фигур младограмматического периода в Германии наряду с известными классиками Лейпцигской школы и представителем Геттингенской школы младограмматизма А. Бецценбергером (ср. [10: 183]). Он учился в университетах Берлина и Лейпцига, где его учителями были Й. Шмидт (нем. *Johannes Schmidt*, 29.07.1843–4.07.1901), К. Бругманн (нем. *Karl Friedrich Christian Brugmann*), 16.03.1849–29.06.1919) и А. Лескин (нем. *Johann Heinrich August Leskien*, 8.07.1840–20.09.1916). Ученого особенно интересовали грамматика, фонетика и этимология славянских языков, латыни и греческого. В 1886 году в Лейпциге он защитил первую диссертацию «*Sigma in Verbindung mit Nasalen und Liquiden*», опубликованную в журнале «*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*». В 1893 году в Бонне он защитил вторую диссертацию и вплоть до своей трагической гибели работал в Боннском университете в качестве приват-доцента, впоследствии экстраординарного и ординарного профессора сравнительного языкознания. Идеи Ф. Ф. Фортунатова в области вокализма славянских языков так или иначе оказали влияние на его становление как лингвиста. Среди изданных при жизни Ф. Зольмсена книг следует назвать «*Studien zur lateinischen Lautgeschichte*», «*Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre*», «*Beiträge zur griechischen Wortforschung*». После смерти ученого его учеником Э. Френкелем (нем. *Ernst Eduard Samuel Fraenkel*, 16.10.1881–2.10.1957) была издана его работа «*Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte*».

Э. Бернекер (нем. *Erich Karl Berneker*, 3.02.1874–15.03.1937), которого также считают последователем младограмматизма, учился в университетах г. Фрайбурга (1892–1893) и г. Лейпцига (1893–1895), где изучал индоевропеистику и славянскую филологию и в 1895 году защитил первую диссертацию под руководством А. Лескина. После годичной стажировки в России

(1895–1896) он работал преподавателем русского языка в Берлинском университете с 1896 по 1899 год, в 1899 году защитил вторую диссертацию, в 1902 году стал экстраординарным профессором в Немецком университете в Праге, в 1909 году – ординарным профессором в университете г. Вроцлава. В 1911 году профессора пригласили в Мюнхенский университет, где он возглавил вновь открытую кафедру славянской филологии. Ученый был избран членом академий наук в Мюнхене, Геттингене, Вене, Кракове, членом-корреспондентом Российской академии наук, членом общества Шевченко во Львове. С 1923 по 1929 год Э. Бернекер издавал знаменитый журнал «*Archiv für slavische Philologie*», основанный в 1876 году В. Ягичем⁵.

За свою долгую научную жизнь он написал значительное количество книг в области славянских и балтийских языков, многие из которых многократно переиздавались и переводились на другие языки, среди них: «*Russische Grammatik*», «*Slavische Chrestomathie mit Glossaren*», «*Russisches Lesebuch, mit Glossar*», «*Die preussische Sprache; Texte, Grammatik, etymologisches Wörterbuch*», «*Russisch-deutsches Gesprächsbuch*», «*Die Wortfolge in den slavischen Sprachen*», «*Slavisches etymologisches Wörterbuch*». Несомненно, что идеи Ф. Ф. Фортунатова в области славистики и балтистики, с которыми Э. Бернекер познакомился во время своего пребывания в Москве, оказали непосредственное влияние на его научное творчество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Парадоксально, что в истории языкознания имя Ф. Ф. Фортунатова часто упоминается вместе с именем основателя структурализма Ф. де Соссюра. В этом есть своя логика: оба прошли выучку у младограмматиков в Лейпциге, оба в пору ученичества первоначально разделяли их учение, но пошли дальше, критикуя своих немецких учителей и преодолевая границы младограмматической парадигмы. Но если Ф. де Соссюр полностью преодолел эту парадигмальную границу, выйдя в поле структурализма и став его основателем, то Ф. Ф. Фортунатову в силу разных причин сделать этого в полной мере, к сожалению, не удалось, ср.:

«...революционные взгляды русского лингвиста по ряду причин не смогли получить отклика среди немецких ученых. Все это так или иначе привело к тому, что новая лингвистическая парадигма начала свое победное шествие уже в XX в. и не в Германии» [7: 21].

Разделяя мнение Л. В. Щербы о Ф. Ф. Фортунатове как гениальном лингвисте своего времени, которому лишь «внешние обстоятельства помешали... сделаться одним из вождей мировой науки о языке» [12: 93], нам хотелось бы подчеркнуть

особую роль в истории языкознания этого ученого – основателя признанной лингвистической школы структурализма, чьи ученики преодолели границы предыдущей научной парадигмы, взяв все самое передовое из творчества своего учителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лоя Я. В. История лингвистических учений (Материалы к курсу лекций). М.: Высш. шк., 1968. С. 79.
- ² Там же. С. 221–222.
- ³ Кондрашов Н. А. История лингвистических учений. М.: Просвещение, 1979. С. 94.
- ⁴ Томсен В. История языковедения до конца XIX века (Краткий обзор основных моментов). М.: Учпедгиз, 1938. С. 91.
- ⁵ Lettenbauer W. Berneker, Erich // Neue Deutsche Biographie. Bd. 2. Berlin: Duncker & Humblot, 1955. S. 107.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А м и р о в а Т. А. История языкознания. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.
2. А л п а т о в В. М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.
3. А л п а т о в В. М. Фортунатовская школа в российском языкознании // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 7. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532
4. Б е р е з и н Ф. М. История лингвистических учений. М.: Высш. шк., 1984. 319 с.
5. Журавлев В. К. Московская фортунатовская школа // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 317–318.
6. З в е г и н ц е в В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. 466 с.
7. Л у к и н О. В. Ф. Фортунатов и немецкое языкознание XIX // Фортунатовские чтения в Карелии: Сб. докладов междунар. науч. конф. (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск). Ч. I. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 19–21.
8. С а м а р и н Д. А. Г. Шухардт об учении Г. Пауля и Лейпцигской школы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 1. С. 141–147.
9. С м и р н о в С. В. Академик Филипп Федорович Фортунатов (к 150-летию со дня рождения) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57, № 4. С. 67–71.
10. Т о п о р о в В. Н., Х е л и м с к и й Е. А. Индоевропеистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 182–186.
11. Ш у л е ж к о в а С. Г. История лингвистических учений. М.: Флинта: Наука, 2004. 400 с.
12. Щ е р б а Л. В. Ф. Фортунатов в истории науки о языке // Вопросы языкознания. 1963. № 5. С. 89–93.
13. J a c o b s S. Zur sprachwissenschaftstheoretischen Diskussion in der Sowjetunion. Gibt es eine marxistische Sprachwissenschaft? München: Verlag Otto Sagner (Slavistische Beiträge. Band 283), 1992. 212 S.

Поступила в редакцию 13.09.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Oleg V. Lukin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation)
oloukine@mail.ru

FILIPP FORTUNATOV AND THE NEOGRAMMARIAN SCHOOL

A b s t r a c t. The aim of the work is to study the peculiarities of the interaction of an outstanding Russian linguist Filipp Fyodorovich Fortunatov with the Neogrammarian School as a scholarly paradigm that influenced his formation as a linguist. The analysis of linguistic paradigms is an important direction of modern linguohistoriography. It is known that after graduating from the university, the twenty-three-year-old linguist was sent abroad and visited such German cities as Tübingen, Berlin, Königsberg and Leipzig. In the latter, he attended lectures by an outstanding representative of comparative historical linguistics Georg Curtius and one of the founders of the Neogrammarian School August Leskien. There is no doubt that these scholars played an important role in shaping the views of the young linguist. According to a general opinion, Fortunatov is called a representative of the Neogrammarian School in Russia. The novelty of this study lies in the fact that the author tries to show how legitimate this statement is in relation to Fortunatov's works and identify the features of the Neogrammarian School reflected in his works. The Moscow Linguistic School founded by Fortunatov is usually called “formal”, which in itself demonstrates its obvious opposition to the Leipzig Neogram-

marian School. Developing the theory of his German teachers, the Russian linguist went further, coming very close to structuralism. Over 43 years of his scholarly life, Fortunatov published 36 works – mainly in Russia and in Russian, which made his views practically inaccessible to world linguistics. He passed on his new original ideas to his students in live communication. The author of the article emphasises the special role of Fortunatov as the founder of the recognized school of structuralism, whose students jumped the barriers of the previous scholarly paradigm by having adopted the most advanced ideas of their teacher.

Keywords: Filipp Fortunatov, Neogrammarian School, linguistic paradigm, structuralism, Germany

For citation: Lukin, O. V. Filipp Fortunatov and the Neogrammarian School. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.716

REFERENCES

1. Amirova, T. A. History of linguistics. Moscow, 2005. 672 p. (In Russ.)
2. Alpatov, V. M. History of linguistic schools of thought. Moscow, 2005. 368 p. (In Russ.)
3. Alpatov, V. M. Fortunatov's school of Russian linguistics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(7):8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532 (In Russ.)
4. Berezin, F. M. History of linguistic schools of thought. Moscow, 1984. 319 p. (In Russ.)
5. Zhuravlev, V. K. Fortunatov's Moscow Linguistic School. *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow, 1990. P. 317–318. (In Russ.)
6. Zvegintsev, V. A. History of linguistics of the XIX and the XX centuries in essays and extracts. Part 1. Moscow, 1964. 466 p. (In Russ.)
7. Lukin, O. V. Filipp Fyodorovich Fortunatov and German linguistics of the XIX century. *Fortunatov Readings in Karelia: Proceedings of the international research conference* (September 10–12, 2018, Petrozavodsk). Part I. Petrozavodsk, 2018. P. 19–21. (In Russ.)
8. Samarin, D. A. H. Schuchardt about the study of G. Paul and Leipzig school. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2016;1:141–147. (In Russ.)
9. Smirnov, S. V. Academician Philipp Fyodorovich Fortunatov (celebrating his 150th birth anniversary). *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 1998;57(4):67–71. (In Russ.)
10. Toporov, V. N., Khelemsky, E. A. Indo-European studies. *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow, 1990. P. 182–186. (In Russ.)
11. Shulezhkova, S. G. History of linguistic schools of thought. Moscow, 2004. 400 p. (In Russ.)
12. Scherba, L. V. Filipp Fyodorovich Fortunatov in the history of language science. *Topics in the Study of Language*. 1963;5:89–93. (In Russ.)
13. Jacobs, S. Zur sprachwissenschaftstheoretischen Diskussion in der Sowjetunion. Gibt es eine marxistische Sprachwissenschaft? München, 1992. 212 S.

Received: 13 September, 2021; accepted: 20 December, 2021

АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВНА ЖУРАВЛЁВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фонетики

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)

alsomova@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОИЗНОШЕНИИ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

А н н о т а ц и я. Исследование посвящено изучению произношения групп согласных в современном русском литературном языке на примере сочетаний -нкт-, -ркс-. Актуальность работы состоит в том, что она имеет значение для последующей кодификации орфоэпической нормы в области произношения консонантных сочетаний современного русского литературного языка. Новизна исследования определяется «факторным» подходом: в статье на основе экспериментальных данных определены факторы, влияющие на распределение вариантов при упрощении групп согласных -нкт- и -ркс-. Методику исследования составляют не только общенаучные методы, такие как факторный анализ и сравнение языковых единиц, но и экспериментальные – фонетический эксперимент, данные которого обрабатывались в программе Praat. При составлении эксперимента учитывались языковые и социолингвистические факторы: сильная и слабая просодическая позиция слова, морфемный состав слов, частотность употребления слова, отнесенность лексики к профессиональной или бытовой сфере употребления, длина слова, возраст респондента, коммуникативная ситуация. Целью исследования являлось установление корреляции между особенностями произношения заявленных консонантных сочетаний и влияющими на него факторами. Данные, полученные в результате эксперимента, сопоставлялись с произнесением исследуемых сочетаний согласных в живой спонтанной речи и в СМИ. Результаты эксперимента при их сопоставлении с кодификацией нормы в области произношения групп согласных в орфоэпических словарях русского языка показали, что она нуждается в дополнении и уточнении, при кодификации данной нормы необходим точечный подход, а в некоторых случаях пословное описание.

К л ю ч е в ы е с л о в а : орфоэпия, фонетика, сочетание групп согласных, консонантное сочетание, современный русский литературный язык, упрощение групп согласных

Д л я ц и т р о в а н и я : Журавлёва А. Е. Современные тенденции в произношении групп согласных // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 4, № 1. С. 13–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.715

ВВЕДЕНИЕ

В русском литературном языке на современном этапе происходит множество изменений: так, например, осваивается большой пласт новой заимствованной лексики, идут активные процессы в грамматической системе, появляются новые тенденции в области орфоэпии. Наиболее ярко изменение произносительных норм фиксируется в акцентологии по причине того, что трансформация ударения наиболее заметна для носителей языка и часто привлекает внимание СМИ. В последние годы появляется все больше работ лингвистов, осмысливающих акцентологические формы в различных частях речи [6], [8], [9], [10]. Не менее актуальными и, несомненно, заслуживающими внимания исследователей являются изменения, происходящие в отношении произношения заимствованных слов [5], гласных

[12] и согласных звуков [4]. На основе результатов современных исследований уточняется кодификация произносительных норм, осмысливается структура орфоэпических словарей [11], [13], [15].

Одна из интересных орфоэпических проблем в области согласных – упрощение их групп. В русском языке встречается немалое количество сочетаний, состоящих из трех и более согласных звуков. Такие сочетания звуков предполагают несколько вариантов произнесения. Во-первых, обязательное произнесение всех согласных, как, например, в следующих словах с сочетанием -ств- – *естество, существо, царственный*; -ндр- – *кориандр, Андрей, палисандр*; -бст- – *обстоятельство, abstinentный, абстрактный, обстрел* и др. В русском языке существуют слова, в которых обязательными к произнесению

являются четыре согласных подряд, и даже пять, как в слове *бодрствовать*.

Второй вариант произношения группы согласных – обязательное выпадение одного из них. К таким сочетаниям относятся *-лнц* – *солнце*, *солнцепек*; *-рдц* – *сердце*, *сердцеед* и т. п.

Третья возможность – это произнесение сочетания как с упрощением группы согласных, так и с сохранением всех звуков. Именно эта группа характеризуется наличием орфоэпических вариантов, привлекает внимание лингвистов и требует кодификации. В русском литературном языке таких сочетаний множество. Так, в сочетании *-стн*- звук [т] может всегда утрачиваться (*честный, участник, шестнадцать*), а может иногда произноситься (*костный, челюстной*); в сочетаниях *-стм-* и *-кtn-* звук [т] может как произноситься, так и не произноситься (*астматический, пластмассовый, абстрактный, компактный*). Это лишь отдельные примеры, подробное описание вариантов упрощения групп согласных в разных сочетаниях содержится в орфоэпических словарях. Иногда орфоэпические рекомендации по произношению групп согласных снабжены описанием факторов, влияющих на выбор того или иного варианта. Так, Р. И. Аванесов отмечал, что «книжность» слова предполагает полное произнесение сочетания согласных. Это характерно для сочетания *-здн-*, которое произносится полно в словах *бездна, безмездный* (в *настоящее время устарелое, согласно Словарю русского языка XVIII века – безвозмездный; бесплатный, даровой*) и с утратой [д] в словах *поздно и звездный* [1: 189]. Также, по мнению многих исследователей, произношение слов часто зависит от их лексического значения. Такое явление наблюдается в отношении слов *шотландка* и *голландка*. В значениях «тип ткани» и «печь» предлагается произносить звук [т], а в значении «национальность» – произносить без него. Очень подробно с точки зрения влияния различных факторов в БОС² описаны сочетания *-нтш-* / *-ндш-*: в позиции после ударного гласного перед следующим гласным (перед которым может быть еще один согласный) [т] может произноситься и не произноситься (*адъютантша, комендантша, фабрикантша*), не произносится в слове *эндшиль*; в позиции перед следующим ударным гласным не произносится в более частотных словах (*мундштук*), а в более редких словах может произноситься и не произноситься (*ландштурм*), не произносится между безударными гласными (*регентша, ландштурмист*).

Попытка описания произношения трехбуквенных сочетаний *-стк-*, *-здк-*, *-нтк-*, *-ндк-* в зависи-

мости от факторов фразового ударения и новизны слова для говорящего также была предпринята Ж. В. Ганиевым, который на основе экспериментальных данных пришел к выводу о том, что слова, имеющие на себе фразовое ударение, чаще произносятся полно, как и слова редкие, книжные и официальные [3: 95]. Такой подход, при котором не только обозначаются произносительные рекомендации, но и предпринимается попытка объяснения выбора того или иного орфоэпического варианта в зависимости от различных факторов, представляется современным и перспективным.

Важно отметить, что нормы литературного произношения имеют тенденцию к изменению, и «произношение групп согласных типа *стл, здн* не составляет исключения» [14: 79]. В работе 1966 года Т. Г. Терехова пишет, что за последние 40–50 лет наблюдается сдвиг в сторону побуквенного «книжного» произношения трехбуквенных сочетаний согласных, однако различные нормы подвергаются изменениям неодинаково [14: 80]. В данной статье речь пойдет о современном произношении сочетаний *-нкт-* и *-ркс-*, которые мало описаны в лингвистической литературе и относятся к третьему из перечисленных выше типов сочетаний согласных, то есть имеют произносительные варианты. Ниже будет представлено описание данной нормы в научной литературе и орфоэпических словарях, проанализировано современное произношение сочетаний *-нкт-* и *-ркс-* носителями русского литературного языка с опорой на экспериментальные данные, обозначена зависимость выбора того или иного произносительного варианта от языковых (просодическая позиция, морфемный состав слов, длина слова, частотность употребления слова, отнесенность лексики к профессиональной или бытовой сфере употребления) и социолингвистических (возраст говорящего, ситуация общения) факторов.

Исследование вариантов произношения сочетаний *-нкт-* и *-ркс-* / *-ргс-* проводилось на расширенном языковом материале, изучалась не только тенденции произнесения имен нарицательных (*тингтюра, конъюнктюра, конъюнктивит, конъюнктива, сфинктер, адъюнкт-профессор, планктон, зоопланктон; марксист, марксизм, арксинус, оргсвязь, оргстекло, киборг-скорпион*) и частотных имен собственных с образованьями от них прилагательными (*Санкт-Петербург, санкт-петербургский, петербургский*), но и некоторых достаточно редко употребляемых собственных имен (*Санкт-Мориц, Санкт-Антон-ам-Арльберг, Марк-Спенсер*).

КОДИФИКАЦИЯ ПРОИЗНОШЕНИЯ СОЧЕТАНИЯ -НКТ- В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ОРФОЭПИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

В статье Т. Г. Тереховой «Произношение трех согласных в современном русском литературном языке» [14: 72] и в разделе книги Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» [1: 189–194], посвященном сочетаниям с непроизносимыми согласными, сочетание -нкт- не описано. Т. Г. Терехова лишь отмечает, что сочетание трехзначной группы сонорный + взрывной + взрывной является возможным в русском языке [14: 76]. Л. Л. Касаткин, говоря о произношении заднеязычного взрывного между согласными, отмечает, что слово *планктон* произносится только с [к], а в слове *Санкт-Петербург* может не произноситься [к] или сочетание -кт- [7: 201].

В орфоэпическом словаре под редакцией Р. И. Аванесова³ в отношении сочетания -нкт- наблюдается следующая картина: слово *тинктура* не снабжено никакими пометами, кроме ударения, по поводу произношения группы согласных в словах *конъюнктура* и *конъюнктивит* ничего не сказано, следовательно, предполагается произношение, тождественное написанию, без упрощения группы согласных – таковы правила данного словаря. Аналогичная ситуация с существительным *адъюнкт-профессор* и словами *планктон*⁴ и *зоопланктон*⁵, которые также даны без помет о возможном упрощении групп согласных.

В БОС рекомендуется произносить слова с сочетаниями согласных -нкт- следующим образом: для прилагательного *санкт-петербургский* как равноправные даны следующие варианты: *са[нкт]-петербургский*, *са[нт]-петербургский*, *са[н]-петербургский*⁶, сочетание -нкт- в слове *конъюнктура*, видимо, предлагается произносить без упрощения, хотя для слова *конъюнктуризм* предложен вариант *конъю[к]туризм* с пометой *в беглой речи возможно*⁷. Для существительного *конъюнктив* дается вариант *конъю[нк]тив* с пометой *в беглой речи возможно* *ко* *конъю[н]тив*, а для слова *конъюнктивит* вариант *конъю[нк]тивит* с пометой *в беглой речи возможно* *ко* *конъю[к]тивит*⁸. Для слов *сфинктер* и *адъюнкт-профессор* проблема произнесения группы согласных специально не затронута⁹, следовательно, упрощения группы согласных не предполагается. Для слов *планктон* и *зоопланктон* дается полный вариант произнесения с пометами *в беглой речи возможно*: *пла[нт]он* и *зоопла[нт]он* соответственно¹⁰.

Редких имен собственных *Санкт-Мориц* и *Санкт-Антон-ам-Арльберг* научная литература не описывает и словари не содержат.

КОДИФИКАЦИЯ ПРОИЗНОШЕНИЯ СОЧЕТАНИЯ -РКС- В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ОРФОЭПИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

В книге Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение», как и в статье Т. Г. Тереховой [14], сочетание согласных -ркс- не описано. Л. Л. Касаткин отмечает, что в слове *петербургский* [к] может как произноситься, так и не произноситься, в отличие, например, от прилагательного *марксистский*, в котором [к] всегда произносится [7: 201].

В орфоэпическом словаре под редакцией Р. И. Аванесова для прилагательного *петербургский* норма обозначена как *петербу[рс]кий*¹¹. В словах *марксизм* и *марксист*, согласно словарю, возможно только полное произношение группы согласных -ркс-¹². Остальных слов, описываемых в данном разделе, словарь Р. И. Аванесова не содержит.

В БОС рекомендуется произносить слова с сочетаниями согласных -ркс- следующим образом: для прилагательного *санкт-петербургский* как равноправные даны следующие варианты: *са[нкт]-петербургский*; *санкт-петербу[рс]кий* и *санкт-петербу[рс]кий*¹³. Для прилагательного *петербургский* норма обозначена как *петербу[рс]кий* и *допуст. петербу[рс]кий*¹⁴ в отличие от слова *санкт-петербургский*, в котором данные варианты признаются равноправными. Слова *марксизм* и *марксист* рекомендуется произносить без упрощения *ма[рк]сизм* и *ма[рк]сист* соответственно¹⁵. Существительное *оргстекло* также предполагается произносить полно¹⁶.

Слова *арксинус*, *оргсвязь*, *киборг-скорпион*, *Марк-Спенсер* по разным причинам нигде не описаны.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОИЗНОШЕНИЯ СОЧЕТАНИЙ -НКТ- И -РКС-

Для изучения современного произношения сочетаний -нкт- и -ркс- был проведен эксперимент. Было опрошено по 20 человек, разделенных на две возрастные группы: младшую (до 45 лет включительно) и старшую (от 46 лет и старше), с целью проследить динамику произносительной нормы. Респондентам – носителям русского литературного языка (жителям Московского региона во 2–3-м поколениях с высшим образованием) предлагались к прочтению специально составленные тексты, в которых в разных контекстах были включены следующие слова: *Санкт-Петербург*, *санкт-петербургский*, *Санкт-Мориц*, *Санкт-Антон-ам-Арльберг*, *тинктура*, *конъюнктура*, *конъюнктивит*, *конъюнктива*, *сфинктер*, *адъюнкт-профессор*, *планктон*,

зоопланктон, петербургский, марксист, марксизм, арксинус, оргсвязь, оргстекло, киборг-скorpion, Марк-Спенсер. Прочитанные респондентами тексты были записаны на диктофон, а звуковые файлы в дальнейшем прослушивались и параллельно анализировались при помощи программы Praat 6.0-33.

Данные, полученные в результате эксперимента, сопоставлялись с рекомендациями орфоэпических словарей, произнесением исследуемых сочетаний согласных в публичной речи. Описание полученных результатов дано ниже пословно, поскольку норма произношения групп согласных имеет высокую степень лексикализованности. Так, Р. И. Аванесов отмечал, что в некоторых сочетаниях, в частности *стл*, полное или упрощенное произношение определяется в словарном порядке [1: 119].

Сочетание -нкт-

В словах *Санкт-Петербург* и *санкт-петербургский* сочетание -нкт- чаще всего упрощается до одного звука [н], причем как в слабой просодической позиции, так и в сильной. Под сильной позицией понимается акцентное выделение слова, устанавливающее в тексте определенные информационные маркеры, среди которых могут быть противопоставление, усиление отрицания, субъективная оценка и т. п.

(Ср. «Сегодня в **Санкт-петербургской** филармонии очень интересный концерт: исполняют сюиты Иоганна Себастьяна Баха и концерт Петра Ильича Чайковского» и «Я принципиально не покупаю московский шоколад – только **санкт-петербургский!**»).

Следует заметить, что упрощение до одного звука [н] несколько чаще встречается у младшей возрастной группы – в слове *санкт-петербургский* в слабой просодической позиции 70 % у младших против 50 % у старших, в сильной – равенство (60 %) в обеих возрастных группах; в слове *Санкт-Петербург* в слабой позиции у младших 70 % против 30 % у старших, в сильной – 80 % у младших против 40 % у старших. Кроме того, в данных словах фиксируется немалое количество произнесений сочетания -нк-, не отраженного в орфоэпических словарях (для слова *санкт-петербургский* в младшей возрастной группе 10 % и 30 % в слабой и сильной позиции соответственно, в старшей – 40 % и 30 % соответственно; для слова *Санкт-Петербург* в младшей возрастной группе – идентичные результаты, как и в прилагательном, 10 % и 30 %, в старшей возрастной группе – 50 % в слабой позиции и 40 % в сильной), причем процент такого упрощения значительно выше, чем упрощения -нт- (в млад-

шей возрастной группе такого произнесения в результате эксперимента не было зафиксировано во все, в старшей – только в слове *Санкт-Петербург*, 20 % в слабой позиции и 10 % в сильной), отраженного в БОС. Тенденция к полному произнесению сочетания -нкт- чрезвычайно слаба: количество таких произнесений колеблется в пределах 10–20 % вне зависимости от возраста респондентов и просодической позиции. Полученные результаты, заключающиеся в стремлении максимально упростить сочетание согласных, в данном случае можно объяснить большой частотностью употребления описанных слов.

Для названия *Санкт-Мориц* наиболее явно прослеживается зависимость от позиции просодического выделения. Так, в ситуации акцентного выделения произнесение без упрощения группы согласных предпочли 70 % респондентов младшей группы и 60 % старшей. Соответственно, в слабой позиции наблюдалось только 30 % и 40 % полных произнесений соответственно. Заметим, что в случае с *Санкт-Морицем* упрощенный вариант -нт- наблюдался несколько чаще (у младших – 60 % в слабой позиции и 20 % в сильной, у старших – 20 % в слабой и 30 % в сильной), чем в случае с *Санкт-Петербургом*, а -нк- – реже (у младших – 10 % как в сильной, так и слабой позиции, у старших – 40 % в слабой и 10 % в сильной).

На произнесение топонима *Санкт-Антон-ам-Арльберг* фразовая позиция, как и в случае с *Санкт-Петербургом*, значительного влияния не оказала. Несмотря на тот факт, что слово не только длинное и состоит из нескольких частей, а для абсолютного большинства респондентов – новое и неупотребительное, и ожидалось исключительно побуквенное произношение, число разных вариантов упрощения группы согласных также присутствовало, особенно в старшей возрастной группе (в слабой позиции 30 % упростили до сочетания -нк-, по 10 % до сочетания -нт- и звука [н], в сильной позиции 20 % -нк- и также по 10 % -нт- и [н]). В младшей возрастной группе в слабой позиции упрощения до одного звука [н] не наблюдалось, до сочетания -нт- как в слабой позиции, так и в сильной упростили 20 % респондентов, до сочетания -нк- по 10 % как в слабой позиции, так и в сильной. Присутствие упрощенных вариантов в столь неупотребительном слове можно объяснить его значительной длиной и «знакомой» первой частью, на произношение которой, возможно, в некоторой степени действует аналогия со словом *Санкт-Петербург*. Что касается полного произнесения -нкт-, то его в слабой позиции предпочли 70 % респондентов

младшего возраста и 50 % старшего, а в сильной – 70 % младших и 60 % старших.

Слово *адъюнкт-профессор* предлагалось произнести респондентам не только в контекстах разного просодического выделения, но и повторно в рамках небольшого текста. И если процент полного произнесения в сильной и слабой позициях отличается не сильно (90 % и 70 % в младшей возрастной группе и 90 % и 80 % в старшей), то при повторном употреблении слова случаев редукции становится значительно больше (-нкт- произносят уже только 50 % младших и 40 % старших).

В словах *тинктура*, *планктон* и *сфинктер*, согласно данным эксперимента, упрощения групп согласных не наблюдается, в слове *зоопланктон* – крайне редко: 20 % опрошенных в старшей возрастной группе и 10 % в младшей упрощают сочетание до -нт-.

В отдельную группу можно выделить слова *конъюнктура*, *конъюнктивит* и *конъюнктива*. Здесь имеем распределение полного и упрощенного произнесения группы согласных примерно 50 % на 50 %. В старшей группе слово *конъюнктура* полно произнесли 50 % респондентов, *конъю[кт]ура* – 40 %, *конъю[нт]ура* – 10 %, в младшей – полно произнесли 50 % респондентов, *конъю[кт]ура* – 50 %; слово *конъюнктивит* полно произнесли 40 % респондентов старшей группы, *конъю[кт']ивит* – 50 %, *конъю[нт']ивит* – 10 %, в младшей – полное произнесение предпочли 50 % и 50 % произнесли *конъю[кт']ивит*; при произнесении слова *конъюнктива* 50 % респондентов старшей возрастной группы отдали предпочтение полному произнесению и 50 % упростили до варианта *конъю[кт']ива*, в младшей – идентично. Результаты показывают, что в данных словах преимущественно происходит выпадение сонорного [н], а не взрывного [к]. Невозможность выпадения [т] обусловлена тем, что за ним следует гласный звук.

Сочетание -ркс-

В сочетании -ркс- эксперимент показал меньшую вариативность. В прилагательных *санкт-петербургский* и *петербургский* в большинстве случаев вне зависимости от фразовой позиции респонденты упрощали группу согласных до -рс-, наблюдался лишь один случай произне-

сения -ркс-. Заметим, что опрашиваемым предлагался к прочтению орфографический вариант *петербургский*, в связи с чем произнесений *петербу[ршс]кий* зафиксировано не было.

В словах *оргсвязь*, *оргстекло* и *арксинус* упрощение групп согласных не происходит, 100 % респондентов произнесли вариант -ркс-, так же как и в словах *марксист* и *марксизм*, в которых, за исключением одного случая, зафиксировано произнесение -ркс-.

Представляется, что такое отличие связано с морфемным составом слова. На стыке корня и суффикса, как в прилагательном *петербургский*, сочетание упрощается, а на стыке двух корней (*о[ркс]вязь*, *о[ркс]текло*) и внутри одного корня (*ма[ркс']ист* и *ма[ркс']изм*) – нет. Еще одним фактором может быть длина слова: в более длинных словах с большей вероятностью можно ожидать упрощения группы согласных. В сложных словах *киборг-скorpion* и *Марк-Спенсер* сочетание не только не упрощается, но и часто произносится с паузой -рк|с-.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Проведенные эксперименты позволили обозначить некоторые современные тенденции в произнесении групп согласных с упрощением в сочетаниях -нкт- и -ркс-. Заметим, что несмотря на некоторую «искусственность» условий эксперимента (респонденты читали написанные тексты, которые были специально составлены) их результаты не противоречат тем вариантам, которые удавалось отслеживать в быту и выступлениях на радио и телевидении. Так, например, можно заметить, что в публичных речах президента РФ В. В. Путина в слове *Санкт-Петербург* неоднократно наблюдается упрощение до [н], а в слове *петербургский* – до [-рс-].

Результаты эксперимента показали, какие факторы являются значимыми при выборе того или иного варианта произнесения сочетаний -нкт- и -ркс-, причем в разных словах основное влияние могут оказывать разные факторы. Таким образом, при принятии кодификационных решений в области произношения групп согласных необходимо тщечно изучать каждый отдельный случай, а не стремиться создать общее правило для всех слов с одинаковой группой согласных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984–1991. С. 92.

² БОС – Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. С. 987–988.

³ ОС – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под. ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1989. С. 566.

- ⁴ Там же. С. 381.
- ⁵ Там же. С. 175.
- ⁶ БОС – Большой орфоэпический словарь русского языка... С. 718.
- ⁷ Там же. С. 312.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 816, 13.
- ¹⁰ Там же. С. 539, 250.
- ¹¹ ОС – Орфоэпический словарь русского языка... С. 377.
- ¹² Там же. С. 245.
- ¹³ БОС – Большой орфоэпический словарь русского языка... С. 345.
- ¹⁴ Там же. С. 532.
- ¹⁵ Там же. С. 364.
- ¹⁶ Там же. С. 471.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А ванесов Р. И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984. 383 с.
2. А ванесов Р. И. Русское литературное произношение. М.: Учпедгиз, 1958. 198 с.
3. Ганиев Ж. В. О произношении сочетаний -стк-, -здк-, -нкт-, -ндк- // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 85–96.
4. Д у р я г и н П. В. Реализация «сочетаний с непроизносимыми согласными» на стыках слов в современном русском литературном языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 1. С. 197–207.
5. К а л е н ч у к М. Л. Особенности произношения заимствованных слов в русской литературной речи начала XXI века // Русский язык за рубежом. 2019. № 2 (273). С. 4–8.
6. К а л е н ч у к М. Л., С а в и н о в Д. М., С к а ч е д у б о в а Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 9–29.
7. К а с а т к и н Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.
8. С а в и н о в Д. М., С к а ч е д у б о в а Е. С. Современная акцентуация кратких прилагательных в свете диахронических данных // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 96–101.
9. С а в и н о в Д. М., С к а ч е д у б о в а Е. С., С о м о в а А. Е. Изменения в акцентуации некоторых русских глаголов // Русский язык за рубежом. 2019. № 1 (272). С. 42–45.
10. С а в и н о в Д. М., С к а ч е д у б о в а Е. С., С о м о в а А. Е. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация глаголов прошедшего времени // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2. С. 11–33.
11. С а в и н о в Д. М., С к а ч е д у б о в а Е. С., С о м о в а А. Е. Из опыта работы над школьным словарем ударений: акцентуация форм прошедшего времени невозвратных глаголов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2018. № 17. С. 152–162.
12. С к а ч е д у б о в а Е. С. Сюрпризы нейтрализации гласных в современном русском литературном языке // Русская речь. 2019. № 4. С. 21–29.
13. С о м о в а А. Е. Проблемы составления школьного словаря ударений // Школа будущего. 2020. № 2. С. 262–265.
14. Т е р е х о в а Т. Г. Произношение сочетаний трех согласных в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 72–85.
15. Ш т у д и н е р М. А. Орфоэпия для журналиста. Опыт создания орфоэпического словаря // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2018. № 17. С. 91–99.

Поступила в редакцию 06.07.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Aleksandra E. Zhuravleva, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
alsomova@yandex.ru

CURRENT TRENDS IN THE PRONUNCIATION OF CONSONANT GROUPS

Abstract. The study addresses the pronunciation of consonant groups in the modern Russian literary language using the example of the combinations -nkt- and -rks-. The relevance of this work is that it is important for the subsequent codification of the orthoepic norm for the pronunciation of consonant combinations of the modern Russian

literary language. The novelty of the research is determined by the “factorial” approach: the author uses experimental data to identify the factors affecting the distribution of variants in simplifying the groups of consonants -nkt- and -rks-. The research methodology comprises not only general scientific methods, such as factor analysis and comparison of linguistic units, but also experimental ones, including a phonetic experiment, the data of which were processed with the help of the Praat program. When designing the experiment, linguistic and sociolinguistic factors were taken into account: strong and weak prosodic position of the word, morphemic composition of words, frequency of word usage, attribution of words to professional or everyday vocabulary, word length, age of respondents, and specific communicative situation. The aim of the study was to establish a correlation between the pronunciation features of the given consonant combinations and the factors influencing it. The data obtained as a result of the experiment were compared with the pronunciation of the studied consonant combinations in live spontaneous speech and in the media. The results of the experiment, when compared with the codification of the norm for the pronunciation of consonant groups in the orthoepic dictionaries of the Russian language, showed that the norm needs to be supplemented and clarified, since its codification requires a targeted “pinpoint” approach and in some cases a word-by-word description.

Key words: orthoepy, phonetics, consonant groups combination, consonant combination, modern Russian literary language, consonant groups simplification

For citation: Zhuravleva, A. E. Current trends in the pronunciation of consonant groups. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):13–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.715

REFERENCES

1. Avanesov, R. I. Russian literary pronunciation. Moscow, 1984. 383 p. (In Russ.)
2. Avanesov, R. I. Russian literary pronunciation. Moscow, 1958. 198 p. (In Russ.)
3. Ganiev, Z. V. Pronunciation of combinations -stk-, -zdk-, -ntk-, -ndk-. *Development of phonetics of the modern Russian language*. Moscow, 1966. P. 85–96. (In Russ.)
4. Duryagin, P. V. Realization of ‘clusters with unpronounced consonants’ in external sandhi positions in contemporary standard literary Russian. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2015;1:197–207. (In Russ.)
5. Kalenchuk, M. L. Features of pronunciation of loan words in the Russian standard speech of the beginning of the XXI century. *Russian Language Abroad*. 2019;2(273):4–8. (In Russ.)
6. Kalenchuk, M. L., Savinov, D. M., Skachedubova, E. S. Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of adjectives. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2017;2(34):9–29. (In Russ.)
7. Kasatkin, L. L. Modern Russian language. Phonetics. Moscow, 2006. 256 p. (In Russ.)
8. Savinov, D. M., Skachedubova, E. S. Modern accentuation of short adjectives in the light of diachronic data. *Phonetics today: Proceedings of the VIII international research conference*. Moscow, St. Petersburg, 2016. P. 96–101. (In Russ.)
9. Savinov, D. M., Skachedubova, E. S., Somova, A. E. Evolution of the accentuation of Russian verbs. *Russian Language Abroad*. 2019;1(272):42–45. (In Russ.)
10. Savinov, D. M., Skachedubova, E. S., Somova, A. E. Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of past verbs. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2020;2:11–33. (In Russ.)
11. Savinov, D. M., Skachedubova, E. S., Somova, A. E. Experience of over orthoepic dictionary: accentuation of nonreflexive verbs of the past tense forms. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2018;17:152–162. (In Russ.)
12. Skachedubova, E. S. Irregularities of vowel neutralization in the modern Russian standard language. *Russian Speech*. 2019;4:21–29. (In Russ.)
13. Somova, A. E. School complaining problems glossary of impact. *School of the Future*. 2020;2:262–265. (In Russ.)
14. Terekhova, T. G. Pronunciation of combinations of three consonants in the modern Russian literary language. *Development of phonetics of the modern Russian language*. Moscow, 1966. P. 72–85. (In Russ.)
15. Shtudiner, M. A. Orthoepy for journalists. On creating a specialized dictionary. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2018;17:91–99. (In Russ.)

Received: 6 July, 2021; accepted: 20 December, 2021

ВИКТОРИЯ АНДРЕЕВНА НОВОСЕЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

novosita@mail.ru

ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ КАК ЭКСПРЕССЕМЫ В МЕДИАТЕКСТАХ ТЕЛЕПРОГРАММЫ «ВЕСТИ НЕДЕЛИ С ДМИТРИЕМ КИСЕЛЕВЫМ»

А н н о т а ц и я . Исследование выполнено в русле медиалингвистики – раздела науки о языке, предметом изучения которого является медиатекст как дискурсивная дискретная единица, функционирующая в печатных, аудиальных, визуальных, сетевых средствах массовой информации. Медиалингвистика, появившаяся на рубеже ХХ–ХХI веков, взаимодействует с политической и когнитивной лингвистикой, социологией, стилистикой, риторикой, дискурсологией. Одним из актуальных перспективных направлений коммуникативной лингвистики является медиалингводискурсология, в рамках которой рассматриваются вопросы взаимосвязи вербального и медийного компонентов. В контексте этих исследований представляет интерес языковая организация медиаречи в информационно-аналитических программах, где по-разному интерпретируются факты объективной реальности, что обусловлено политico-идеологическими акцентами новостных изданий и субъективным восприятием коммуникативных событий со стороны адресанта (политического обозревателя, аналитика, журналиста). Чтобы описать события, находящиеся в фокусе социального внимания, автор медиатекста использует широкий диапазон художественных языковых средств, в ряду которых выделяются образные сравнения. Авторские компаративные экспрессемы в медиатекстах отличаются нестандартностью, новизной, создают эффект неожиданности, что помогает воздействовать на сознание массовой аудитории. Цель работы – рассмотреть индивидуально-авторские компаративные конструкции как экспрессемы, употребляемые в социально-политическом медиадискурсе, и проследить их стилистические функции на материале информационно-аналитических медиатекстов телепрограммы «Вести недели с Дмитрием Киселевым».

К л ю ч е в ы е с л о в а : медиалингвистика, медиатекст, медиаречь, медиадискурс, вербальные дискурсивные средства, индивидуально-авторское сравнение, экспрессемы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Новоселова В. А. Образные сравнения как экспрессемы в медиатекстах телепрограммы «Вести недели с Дмитрием Киселевым» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 20–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.714

ВВЕДЕНИЕ

Актуализация исследовательского интереса к языку средств массовой информации в конце ХХ века связана с утверждением свободы слова в период демократических преобразований в России. Журналисты получили возможность высказывать свое мнение по злободневным социально-политическим вопросам, творчески подходить к языковой организации публицистических текстов, используя неограниченный потенциал вербальных дискурсивных средств. По словам специалиста в области теории журналистики и массовых коммуникаций С. И. Сметаниной, «свобода слова является одним из основных ценностных ориентиров в профессиональной деятельности журналистов,

где творческая составляющая является доминантой» [8: 4].

Большой вклад в исследование языка массмедиа внесли Г. Я. Солганик [9], [10], В. Г. Костомаров [4], [5], И. П. Лысакова [6], [7], Д. Н. Шмелев [14].

В самостоятельную научную дисциплину медиалингвистика оформилась во многом благодаря трудам Т. Г. Добросклонской¹, которая сформулировала основные положения этого раздела языкознания, подробно описала методы изучения медиатекстов, определила основные направления и перспективы медиалингвистических исследований [1], [2]. В контексте системного подхода к изучению языка СМИ представляет интерес статья «Медиалингвистика в России

и за рубежом» [3], написанная Т. Г. Добросклонской в соавторстве с Чжан Хуэйцинь, деканом факультета русского языка Пекинского университета иностранных языков. Междисциплинарному подходу к изучению медиалингвистики посвящена работа А. Х. Хамидовой [11]. Под редакцией Л. Р. Дускаевой в 2018 году вышел в свет первый терминологический словарь-справочник по медиалингвистике². Следует отметить, что наряду с другими терминами слово *медиалингвистика* (*media linguistic*) встречается также в исследованиях зарубежных авторов [15], [16]. С 2014 года выходит международный научный журнал «Медиалингвистика», учрежденный Институтом «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского университета, в котором публикуются новейшие исследования по языку СМИ [12], [13]. В настоящее время медиалингвистика интегрируется в учебные вузовские программы соответствующего профиля подготовки специалистов.

Базовой категорией медиалингвистики является медиатекст. Вслед за Т. Г. Добросклонской мы понимаем медиатекст как

«актуализированное в определенном медиаформате и объединенное общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц верbalного и медийного уровней» [2: 30].

Медиатекст представляет собой многосложную дискурсивную дискретную единицу, функционирующую во всех средствах массовой информации. Жанровой разновидностью медиатекста является информационно-аналитическая медиаречь, в которой интерпретируются факты реальной действительности, проходящие через призму восприятия автора. Выражая свое отношение к тем или иным событиям, происходящим в обществе, журналисты прибегают к экспрессивизации речи с целью оказать эффективное воздействие на массовую аудиторию. В ряду экспрессем выделяются индивидуально-авторские компаративные единицы, обладающие неисчерпаемым оценочным потенциалом.

Рассмотрим образные сравнения социально-политического характера как дискурсивные языковые единицы, употребляемые в медиатекстах информационно-аналитической телепрограммы ВГТРК «Вести недели с Дмитрием Киселевым» выпуска 2020–2021 годов. Тематический выбор иллюстративного материала определяется значимостью событий, находящихся в фокусе социального внимания и широко представленных и обсуждаемых в международных массмедиа.

ТЕМА КОРОНАВИРУСА

«Пандемия не горячая картошка, хотя и велик у демократов соблазн перекинуть в обратном направлении это наследие прежнего режима» (В. Богданов, 15.11.2020)³.

Характеризуя ситуацию с коронавирусом в Америке, журналист использует особую форму образного отрицательного сравнения – противопоставление одного понятия другому. Компоненты этой синтаксической структуры представлены именами существительными и находятся в предикативных отношениях. Компаративное выражение ассоциируется с хорошо известным процессом охлаждения запеченного на углях костра горячего картофеля путем перекидывания его с руки на руку. Следует отметить, что это действие легло в основу популярной детской игры с перебрасыванием мяча от одного участника к другому. Аллюзия помогает адресату понять смысл противопоставления в контексте реальных событий: демократы, пришедшие к власти, обвиняют Трампа в катастрофическом распространении эпидемии в Америке. По словам Рона Клейна, главы аппарата Белого дома в администрации Джо Байдена, Трамп «выбросил белый флаг» перед коронавирусом, предпочитая пассивно наблюдать за развитием процесса.

«Вторая волна пандемии накрывает Америку девятым валом» (В. Богданов, 15.11.2020).

Основанием для сопоставления является значения наивысшей угрозы жизни, серьезной опасности, непреодолимой мощи. Образное сравнение представлено устойчивым атрибутивно-именным словосочетанием порядкового числительного и существительного в творительном падеже. Компаративные отношения имеют имплицитное выражение. Сравнение с девятым валом – символом разрушительной силы – дает образное представление о масштабах пандемии.

«Количество умерших в результате коронавируса в Швеции больше, чем у всех скандинавских стран вместе взятых» (В. Грозман, 29.03.2021)⁴.

В многокомпонентной компаративной конструкции значение несходства демонстрируется как превосходящая степень проявления признака одного объекта в сравнении с другим объектом, что выражается формой сравнительного наречия *больше*; формальным показателем сравнительных отношений является союз *чем*. Автор медиатекста хирург Стокгольмской клиники В. Грозман считает ошибочной политику правительства Швеции относительно естественности процесса формирования коллективного иммунитета против коронавируса и акцентирует

внимание на фактах реальной действительности, представленных в компаратуре.

«Графики заболевания ковидом в странах Европы устремились по экспоненте ровно вверх с траекторией взлетающей ракеты» (Д. Киселев, 18.10.2020).

Основанием для сопоставления является сходство графического показателя резкого всплеска заболеваемости ковидом в виде вертикальной линии со стремительным перпендикулярным взлетом ракеты. Субъектный компаратор представлен многокомпонентным именным словосочетанием. Компаративные отношения выражены имплицитно. Образное сравнение наглядно демонстрирует динамику интенсивного роста числа заболевших коронавирусной инфекцией во всех странах.

«Коронавирус бушует так, что забрал уже больше жизней, чем Вторая мировая война» (Д. Киселев, 14.02.2021).

Базовой основой сравнения являются данные о массовой гибели людей в результате драматических событий мирового масштаба, сопоставимые с количеством погибших от коронавируса. В многокомпонентной сравнительной конструкции признак несходства выражен формой сравнительного наречия *больше*. Показателем компаративных отношений является союз *чем*. Автор медиатекста использует компаратор, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации с коронавирусом в мире, и считает, что всему мировому сообществу незамедлительно следует всерьез задуматься о мерах по предотвращению этой глобальной угрозы.

«Украине лучше умереть, чем спастись Спутником V» (В. Богданов, 28.02.2021).

Критерием сопоставления является признак неадекватного отношения к процессу реальной действительности. Сравнение реализуется посредством предикативного наречия *лучше* в сравнительной степени и союза *чем* как показателя компаративной связи структурных компонентов. С помощью сравнения автор медиатекста акцентирует внимание на негуманном отношении к людям со стороны правительства Украины, запретившего в условиях стремительного роста заболеваемости использование антковидной вакцины «Спутник V».

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В АМЕРИКЕ

«Сама избирательная система США словно привидение. Она столь архаична, столь дотопна, что назвать ее демократичной языком не повернется» (Д. Киселев, 08.11.2020).

Базовой основой сравнения является мысль о том, что демократизм выборов в США – миф, иллюзия, далекая от реальности. Объектный

и субъектный компараторы в сравнительном обороте выражены существительными в именительном падеже и связаны предикативными отношениями. Показателем сравнения является союз *словно*. В ироничной тональности образной характеристики двухсотлетней избирательной системы США содержится критика архаичного псевдодемократического процесса президентских выборов.

«Не страна, а воронья слободка: кто-то у кого-то что-то украл» (Д. Киселев, 08.11.2020).

В отрицательном сравнении противопоставление основано на тождественности нездоровой атмосферы интриг, враждебности, скандалов, царящих в Америке после президентских выборов, и поведения ворон в стае, когда крикливые и драчливые птицы делят свою добычу. Субъектный компаратор сравнения выражен фразеосочетанием, пришедшим из произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», где вороньей слободкой называлась большая коммунальная квартира, жильцы которой постоянно ссорились, склончили и скандалили друг с другом. В качестве показателя компаративных отношений выступает противительный союз *а*. Прием сравнения используется автором медиатекста как средство создания иронии.

«Как холодный душ, реакция Белого Дома. «Эти данные неверны», – заявляют в штабе Трампа» (А. Христенко, 08.11.2020).

Основанием для сравнения является признак отрезвления, внезапного осознания реальной действительности. В качестве предикативного субъектного компарата в контексте используется устойчивое сравнение с союзом *как*, которое употребляют при неожиданном неприятном сообщении, заставляющем прозреть чрезмерно увлекающихся чем-то людей. Образное сравнение позволяет журналисту выразить негативное отношение к нарушению закона о выборах: еще до официального подсчета голосов ведущие американские СМИ уже сообщили о победе Байдена.

«Америка перед выборами *как* этот перекресток в Нашвилле: с одной стороны сторонники Трампа, те, кто его любит, но стоит перейти дорогу, и здесь уже выстроились те, кто его буквально ненавидит» (Д. Давыдов, 25.10.2020).

Характеризующим признаком сравнения является ожесточенное противостояние сторонников и противников Трампа и Байдена. Предикативный субъектный компаратор выражен именем существительным; показателем сравнительных отношений выступает союз *как*. Используя об разное сравнение, автор медиатекста акцентирует

внимание на расколе американского общества накануне выборов президента. Противоборство республиканской и демократической партий происходит во всех штатах Америки и носит агрессивный характер.

«*Забор с колючей проволокой вокруг Капитолия как клеймо на карте Вашингтона. Он стоит здесь почти месяц*» (Д. Давыдов, 31.01.2021).

Сопоставление компаратов базируется на представлении о чем-то тайном, нечестном, запретном, спрятанном от посторонних глаз за высоким забором. Предикативным субъектным элементом сравнения является имя существительное *клеймо*, средство грамматической связи – союз *как*. В образном компаративе просматривается редуцированное содержание: манипуляции и фальсификации в ходе проведения президентских выборов, попрание правовых норм являются символами нечистоплотности, неправедности, позора Америки, клеймом на ее истории. Автор саркастически относится к беспрецедентным мерам безопасности, которые были предприняты американскими спецслужбами, чтобы исключить нештатные ситуации во время инаугурации президента Байдена. В сравнении подчеркивается мысль, что трехметровое металлическое ограждение из колючей проволоки у стен Капитолия и баррикады из каменных блоков не соответствуются с демократической формой правления, декларируемой в США.

«*Капитолий, парламент США, выглядит, словно коридоры власти в некой банановой республике после военного путча*» (Д. Киселев, 17.01.2021).

Основанием для сопоставления послужил факт привлечения армии для охраны правительственные зданий в период американских президентских выборов. Подобные мероприятия обычно бывают в государствах с неразвитой экономикой, политической нестабильностью и военным режимом. Субъект сравнения представлен многокомпонентным словосочетанием с обстоятельственно-характеризующим значением. Грамматическим показателем сравнительных отношений является гипотетический союз *словно*. Используя сравнение, автор в иронической тональности рисует картину охраны Капитолия солдатами Нацгвардии, которые заняли все помещения парламентского здания и находились там две недели, расположившись прямо на полу.

«*Чувство брезгливости испытывают буквально все, кто познакомился с первыми теледебатами Дональда Трампа и Джо Байдена. Соперники демонстрировали стиль, словно из подворот-*

ни, обзывааясь и перебивая, и опять обзывааясь» (Д. Киселев, 04.10.2020).

Базовым признаком сопоставления являются употребление бранной лексики претендентов на президентскую должность и несоблюдение ими этических норм коммуникации, напоминающие культуру общения представителей асоциальных слоев населения. Субъектный компарат, представленный предложно-падежной формой, репрезентирует атрибутивно-характеризующие отношения. Показатель грамматической связи – сравнительный союз *словно*. Компаративная экспрессема выражает мнение журналиста, который считает абсолютно недопустимым грубое нарушение правил речевого общения со стороны известных политиков и государственных деятелей.

«*Словно прибрежный городок перед бурей, Вашингтон готовится к политическому урагану, его непредсказуемым последствиям*» (А. Христенко, 01.11.2020).

Основанием для сопоставления является ощущение тревожного ожидания каких-то неотвратимых разрушительных процессов в американском обществе, сходное с ожиданием катастрофических природных явлений. Образное сравнение представлено именным предложно-падежным словосочетанием; показателем компаративных атрибутивно-характеризующих отношений является союз *словно*. В сравнении акцентируется внимание на том, что жители Вашингтона, предвидя разорительные набеги мародеров и погромщиков во время протестных акций после оглашения результатов выборов президента, закрывают ставни, заколачивают витрины и укрепляют дверные проемы.

«*Огнестрельное оружие в последние месяцы народ в США расхватывал, как горячие пирожки*» (Д. Киселев, 01.11.2020).

Сопоставление базируется на фактах активного приобретения оружия населением Америки в связи с агрессивным поведением протестующих накануне президентских выборов. Субъектный компарат, выраженный именем существительным, относится к глаголу и выполняет обстоятельственно-характеризующую функцию. Показателем компаративных отношений является союз *как*. Экспрессивный сравнительный оборот наглядно рисует картину, типичную для Америки: при защите своего дома каждый надеется прежде всего на себя. Согласно статистике, на 100 жителей США приходится 120,5 единицы оружия.

«*Избранный президент уже формирует команду. Она получается разной, как сама Америка*» (Д. Давыдов, 20.12.2020).

Основанием для сравнения является признак неоднородности, смешанности, многообразия, проявляющихся во всех сферах жизни населения Америки. Атрибутивно-характеризующие компаративные отношения демонстрирует союз *как*. Сравнение отражает конкретную ситуацию, связанную с предложением Байдена назначить на важные государственные посты представителей разных национальных меньшинств. По мнению новоизбранного президента, такой шаг должен способствовать объединению страны. Однако автор медиатекста сомневается в этом, поскольку, как известно, непримиримые противоречия между неоднородными социальными группами населения сами собой не исчезают, здесь нужна продуманная и последовательная конструктивная политика президента и парламента, направленная на улучшение жизни разных слоев общества. Журналист сожалеет, что фактически такая политика в современной Америке отсутствует.

«Если действительно защита всех компьютерных сетей американской государственной власти оказалась дырявой, как дурилаг, то остается только удивляться уровню коррупции в стране» (Д. Киселев, 20.12.2020).

Основанием для сравнения послужили бездоказательные обвинения в систематическом взломе компьютерных сетей оборонного ведомства США, предъявленные России и некоторым другим странам. Субъектный компаратив сравнительного оборота представлен именем существительным, выражающим значение степени признака, названного в объектном компаратуре. Средством реализации грамматических отношений является союз *как*. Экспрессивное сравнение служит средством выражения сарказма со стороны журналиста, так как известно, что годовой оборонный бюджет США, составляющий около 800 миллиардов долларов, призван гарантировать качественную защиту государства от внешних угроз, чего на самом деле не происходит.

«Как вишняка на торте, отказ Верховного суда США рассмотреть по существу иск о фальсификации на выборах от прокурора штата Техас при поддержке губернаторами 17 штатов» (Д. Киселев, 17.01.2021).

Основанием для сравнения послужил завершающий вердикт Верховного суда США по вопросу пересчета голосов избирателей, который поставил точку в деле о беспрецедентной фальсификации голосов на выборах сорок шестого президента. Субъектным компаратором является

устойчивое сравнение с союзом *как* с атрибутивно-характеризующей семантикой. В экспрессиве выражено отрицательное отношение автора к массовым нарушениям закона о президентских выборах в Америке, к нежеланию высших судебных органов разбираться в деле государственной важности, что приводит к разрушению веры американцев в правосудие.

ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

«Во Франции разгорается религиозная война, и, словно это средневековье, шестнадцатый век, борьба с гугенотами, никаких тормозов, на выживание» (А. Попова, 01.11.2020).

Основой для сопоставления является признак беспощадности, абсолютной непримиримости в борьбе за религиозные идеалы, который обнаруживается не только в эпоху Средневековья, но и в современном обществе. Субъектный компаратив представляет собой придаточное сравнительное предложение с однородными уточняющими сказуемыми, соединенное с главной частью союзом *словно*. В экспрессивном сравнении отражается осуждение трагических событий во Франции, которые явились результатом нарушения прагматических границ свободы слова и вседозволенности со стороны тех, кто создает и распространяет карикатуры на пророка Мухаммеда, не считаясь с чувствами верующих.

«Это не кино, а центр Парижа. Все происходит похоже на побоище. Площадь утопает в дыму. Слезоточивый газ с одной стороны и горящие файеры с другой» (А. Попова, 29.11.2020).

Базовым признаком сопоставления является сходство ожесточенного столкновения противоборствующих сил. Компаратив представляет собой конструкцию со сравнительным предикатом. Показателем атрибутивно-характеризующих отношений является краткое прилагательное *похоже*. Сравнительный оборот отражает тревогу корреспондента, рассказывающего о погромах в центре Парижа. Сопоставление с побоищем наводит на мысль о большом количестве жертв и пострадавших, без которых не обходятся подобные сражения.

«Небольшие улицы выглядели так, будто стены домов обвалились» (А. Попова, 29.11.2020).

Признаком сопоставления является внешнее сходство разрушений на улицах после погромов и после землетрясений. Сравнение представлено придаточным предложением со значением образа действия. Обстоятельственно-характеризующие

отношения демонстрируются компаративным союзом *будто*. В образном сравнении акцентируется внимание на пагубных последствиях бессмысленных разрушительных действий агрессивно настроенных протестующих.

«У нас никто никого не поливал холодной водой из брандспойтов, сшибая с ног, **как это было на днях в Голландии**. У нас никто не стрелял в толпу резиновыми пулями, вышибая глаза, **как это продолжалось месяцами во Франции**. У нас никто не травил толпу ни слезоточивым газом, **как это практикуют в Америке**, ни служебными собаками, **как это происходит в Германии**. У нас полиция не рассеивала толпу, сшибая и переезжая людей джипами, **как это было на этой неделе в Америке**» (Д. Киселев, 31.01.2021).

Медиатекст представляет собой сложную структурно-семантическую единицу, состоящую из нескольких сложноподчиненных предложений сходной конструкции, объединенных мицротемой. Базовым основанием для сравнения в данных синтаксических единицах является сопоставление действий правоохранительных органов по предотвращению массовых несанкционированных выступлений в России и других странах. Компаративы репрезентированных сложноподчиненных предложений выражены придаточными сравнительными единицами с союзом *как*. В медиаречи используется выразительный потенциал анафоры, скрепляющей его структурно-смысловые части. Синтаксический повтор актуализирует значимость каждого сравнения, что создает нарастание экспрессии и усиливает эффект воздействия на адресата. Автор текста дает понять, что лживые обвинения Запада в жестоком обращении с демонстрантами в России не имеют ничего общего с реальной действительностью.

«*Но теперь, при байденовских однопартийцах, и Афганистан, и Ирак словно вселились в Америку. Обстановка боевая*» (В. Богданов, 13.09.2020).

Сопоставление базируется на признаке сходства социально-политической обстановки в Америке накануне выборов президента и в странах, где происходят вооруженные конфликты. Экспрессивная частица *словно* формирует сравнительную модальность. Метафорическое сравнение вызывает ассоциации с событиями в горячих точках и заставляет задуматься о радикализации американского общества.

«*В Кабуле спокойнее, чем в Чикаго, где на минувших праздничных выходных подстре-*

лили пятьдесят три человека» (В. Богданов, 13.09.2020).

Основанием для сопоставления являются признаки гражданской войны в американском обществе, сравнимые с событиями в Афганистане. Сравнение выражено компаративной формой предикативного наречия, грамматические отношения оформлены союзом *чем*. Автор медиаречи делается акцент на растущей агрессивности населения Америки, приводящей к неизбежным человеческим жертвам.

«*Калифорния, Голливуд. Картина как из Ливии или Сирии*» (В. Богданов, 27.09.2020).

Сопоставление базируется на сходстве национального протестного движения в Америке и странах Ближнего Востока. Сравнение выступает в функции предиката, атрибутивно-характеризующие отношения между объектным и субъектным компаративами реализуются посредством модальной частицы *как* с гипотетической семантикой (*будто*). Авторский текст рассчитан на эффект неожиданности: образ Голливуда обычно ассоциируется с индустрией кино и развлечений, а не с погромами, мародерством, массовыми побоищами.

«*В Чикаго хуже, чем в Афганистане, Гондурасе и Гватемале. Жить в таких городах все равно что жить в аду*» (Д. Давыдов, 28.06.2020).

В первом предложении медиатекста основанием для сопоставления социально-политической обстановки в разных странах является наличие таких общих черт, как боевые столкновения, бандитизм, убийства. Компаративные отношения выражены сравнительной степенью предикативного наречия (*хуже*). Союз *чем* выступает грамматическим показателем сравнительных отношений. Сопоставляя события, происходящие в Чикаго, с фактами гражданской войны в странах с неразвитой экономикой, автор приходит к мысли о деградации социально-политической системы Америки, приведшей к расколу общества.

Во втором предложении основанием для сопоставления являются тяжелые условия выживания значительной части населения в атмосфере острых противоречий и ожесточенного противостояния, происходящих в обществе. Компаратив квалифицируется как предикативная часть грамматической основы предложения. Субъектный компаратив представлен цельным словосочетанием *все равно что жить в аду* (в невыносимых условиях). С помощью гиперболического сравнения журналист акцентирует внимание на том, что жестокость,

насилие и расовая дискриминация стали рядовыми явлениями в современной Америке.

«*Бывает, что варварство побеждает просвещенные миры. Выглядит, как выпад неразумного против разумных*» (Д. Киселев, 21.06.2020).

Сопоставление основано на появлении безрассудных идей, культивируемых в некоторых странах, которые приводят к негативным последствиям. Субъектный компаратив выражен многокомпонентным именным словосочетанием. Обстоятельственно-характеризующие отношения демонстрирует сравнительный союз *как*. Сравнение содержит вывод, к которому приходит автор. Он выражает негативное отношение к таким фактам, как предложение экс-мэра шведского города Умео Яна Бьёрге снести статую короля Карла XII в Стокгольме, а на ее место поставить бронзовый памятник Грете Тунберг – «спасительнице Европы». Бьёрге также предлагает уничтожить памятник Карлу Линнею, в трудах которого он усмотрел мысль о расовом превосходстве белых над черными.

«*Всех актов вандализма не перечесть. Мы наблюдаем словно культурный СПИД – синдром приобретенного иммунодефицита. Нет иммунитета к разрушению прошлого, как нет иммунитета к перекодировке – исторической, культурной, религиозной*» (Д. Киселев, 21.06.2020).

Сопоставительным признаком является отсутствие у радикально настроенной части общества бережного отношения к исторической памяти народа. Прогрессирующие разрушительные тенденции так же опасны, как и тяжелые болезни. Субъектный компаратив выражен субстантивным словосочетанием; в качестве грамматического показателя сравнения выступает модальная частица *словно*. Автор использует неожиданное сравнение с целью привлечь особое внимание к проблеме варварского уничтожения памятников национальной культуры в отдельных странах. Это приводит к стиранию исторической памяти, потере культурной идентичности народа. То, что в разных городах Америки самым диким способом снесено уже более двухсот памятников национальным героям, в числе которых А. Линкольн (Бостон), Колумб (Сан-Франциско), Джордж Вашингтон (Портленд), Т. Джефферсон (Портленд), вызывает оторопь у здравомыслящего человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывают наблюдения, в медиатекстах информационно-аналитической телепрограммы «Вести недели с Дмитрием Киселевым» индивидуально-авторские компаративные экспрессемы широко употребляются как в медиаречи ведущего программы, так и в отчетах специальных корреспондентов телеканала ВГТРК. Дискурсивные сравнения, интерпретирующие реалии настоящей действительности, помогают авторам актуализировать темы, привлекать внимание к обсуждаемым проблемам, выражать свое отношение к событиям, происходящим в социуме. Компаративы обладают неограниченным оценочным потенциалом, выполняют определительно-характеризующую функцию, отличаются разнообразными формами грамматической презентации, что позволяет создателям аналитических медиатекстов с их помощью эффективно воздействовать на сознание массовой аудитории. Выразительные возможности сравнительной конструкции заложены в ее логико-грамматической природе: компонентный состав сравнения состоит из объекта сравнения, субъекта сравнения, общего признака сопоставления и формально-грамматического показателя сравнительного отношения.

Следует отметить, что в медиатекстах информационно-аналитической телепрограммы «Вести недели с Дмитрием Киселевым» выпуска 2020–2021 годов было выявлено 210 образных сравнений социально-политической направленности. Компаративные экспрессемы представлены разнообразными синтаксическими конструкциями: сравнительными оборотами с союзом *как* (59), с гипотетическим модальным союзом *словно* (39); конструкциями с творительным сравнительным (10); отрицательными синтаксемами (8); предикативными структурами (25); фразеосочетаниями (6); структурами с союзом *чем*, в которых значение несходства понимается как большая или меньшая степень проявления признака одного объекта в сравнении с другим объектом (27); сложноподчиненными предложениями со сравнительными союзами (36). Количественные показатели употребительности индивидуально-авторских компаративов говорят об их активной роли в экспрессивизации языка средств массовой информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Добросклонская Т. Г. Теория и методы медиалингвистики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 2000. 48 с.

² Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник / Под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта-Наука, 2019. 440 с

³ Здесь и далее в скобках после медиатекста указаны его автор (собственный корреспондент ВГТРК или ведущий телепередачи) и дата выпуска информационной программы.

⁴ Автором этого медиатекста является участник телепередачи хирург Стокгольмской клиники В. Гроздан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
- Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. 2020. 180 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.pdf (дата обращения 07.05.2021).
- Добросклонская Т. Г., Хуэйцин Ч. Медиалингвистика в России и за рубежом: достижения и перспективы // Вестник Московского университета. 2015. Сер. 19, № 1. С. 9–19.
- Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М.: МГУ, 1971. 268 с.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
- Лысакова И. П. Тип газеты и стиль публикации. Л.: ЛГУ, 1989. 184 с.
- Лысакова И. П. Пресса перестройки. СПб.: Просвещение, 1993. 148 с.
- Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры. СПб.: Изд. Михайлова В. А., 2002. 382 с.
- Солганик Г. Я. О закономерностях развития языка газет в XX веке // Вестник Московского университета: Сер. 10: Журналистика. 2002. № 2. С. 39–53.
- Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 7–15.
- Хамидова А. Х. Медиалингвистика: новая парадигма в изучении языка СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 1. С. 293–299.
- Цветова Н. С. Критика медиаречи: вопросы для дискуссии // Медиалингвистика. 2021. Т. 8, № 3. С. 299–314.
- Чернышева З. З. Меганарратив как инструмент структурирования медийной информации // Медиалингвистика. 2021. Т. 8, № 3. С. 206–218.
- Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977. 168 с.
- Corner J. Documentary television: the scope for media linguistics // AILA Review. 1995. Р. 62.
- Corner J. The scope of media linguistics. BAAL Newsletter, 1998. 188 р.

Поступила в редакцию 02.11.2021; принята к публикации 27.12.2021

Original article

Victoria A. Novoselova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
novosita@mail.ru

FIGURATIVE COMPARISONS AS EXPRESSEMES IN THE MEDIA TEXTS OF THE TV PROGRAM *VESTI NEDELI WITH DMITRY KISELYOV*

Abstract. The research was carried out in line with media linguistics, a branch of the language science, the subject of which is the media text as a discrete discursive unit functioning in printed, auditory, visual, and online media. Media linguistics, which appeared at the turn of the XXI century, interacts with political and cognitive linguistics, sociology, stylistics, rhetoric, and discursology. One of the current promising areas of communicative linguistics is media linguistics, which deals with the issues of the relationship between verbal and media components. In the context of these studies, the linguistic organization of media speech in information and analytical programs is of special interest, since these programs interpret the facts of objective reality differently, due to the political and ideological emphases of news sources and the subjective perception of communicative events by the addresser (political observer, analyst or journalist). To describe the events that are in the focus of social attention, the author of the media text uses a wide range of pictorial linguistic means, among which figurative comparisons stand out. The author's comparative expressemes in media texts are distinguished by non-standardness and novelty, they create the effect of surprise, which helps to influence the consciousness of the mass audience. The purpose of the work is to investigate individual author's comparative constructions as expressemes used in socio-political media discourse, and to trace their stylistic functions using the materials of informational and analytical media texts of the TV program *Vesti Nedeli with Dmitry Kiselyov* (Weekly News with Dmitry Kiselyov).

Keywords: media linguistics, media text, media speech, media discourse, verbal discursive means, individual author's comparison, expressemes

For citation: Novoselova, V. A. Figurative comparisons as expressemes in the media texts of the TV program *Vesti Nedeli with Dmitry Kiselyov*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):20–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.714

REFERENCES

1. Dobroslonskaya, T. G. Media linguistics: systematic approach to the study of the mass media language: modern English media language. Moscow, 2008. 263 p. (In Russ.)
2. Dobroslonskaya, T. G. Media linguistics: theory, methods, directions. 2020. 180 p. Available at: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.pdfc (accessed 07.05.2021). (In Russ.)
3. Dobroslonskaya, T. G., Huiqin, Z h. Media linguistics in Russia and abroad: achievements and prospects. *Moscow State University Vestnik*. 2015;19(1):9–19. (In Russ.)
4. Kostomarov, V. G. Russian on newspaper pages. Moscow, 1971. 268 p. (In Russ.)
5. Kostomarov, V. G. The linguistic taste of the epoch. St. Petersburg, 1999. 320 p. (In Russ.)
6. Lysakova, I. P. Newspaper type and publication style. Leningrad, 1989. 184 p. (In Russ.)
7. Lysakova, I. P. The press of perestroika. St. Petersburg, 1993. 148 p. (In Russ.)
8. Smetanina, S. I. Media text in the system of culture. St. Petersburg, 2002. 382 p. (In Russ.)
9. Solganik, G. Ya. The laws of the newspaper language development in the XX century. *Moscow State University Vestnik: Series 10: Journalism*. 2002;2:39–53. (In Russ.)
10. Solganik, G. Ya. Defining the concepts of “text” and “media text”. *Moscow State University Vestnik: Series 10: Journalism*. 2005;2:7–15. (In Russ.)
11. Khamidova, A. H. Medialinguistics: a new paradigm in language learning mass media. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2018;1:293–299. (In Russ.)
12. Tsvetova, N. S. Criticism of the media language: questions for discussion. *Media Linguistics*. 2021;8(3):299–314. (In Russ.)
13. Chernyshyova, Z. Z. Meganarrative as an instrument of structuring media information. *Media Linguistics*. 2021;8(3):206–218. (In Russ.)
14. Shmelyov, D. N. The Russian language in its functional varieties. Moscow, 1977. 168 p. (In Russ.)
15. Corner, J. Documentary television: the scope for media linguistics. *AILA Review*. 1995. P. 62.
16. Corner, J. The scope of media linguistics. *BAAL Newsletter*, 1998. 188 p.

Received: 2 November, 2021; accepted: 27 December, 2021

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА ЧЕРТОУСОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода факультета иностранных языков Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8026-6372; piaggi-langstrumpf@yandex.ru

КСЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА ШУМИЛИНА

студент 5-го курса факультета иностранных языков Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

ksyu.space@mail.ru

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Аннотация. Рассматриваются короткие юмористические веб-комиксы немецкоязычных авторов «Nichtlustig», «Volkertoons» и «Lachhaft-cartoons», размещенные в свободном доступе в сети Интернет, и их переводы на русский язык. Актуальность работы обусловлена отсутствием теоретической базы и комплексных практических исследований переноса текстов подобного рода в иноязычную лингвокультуру в языковой паре немецкий – русский. Интерес лингвистов к семиотически гетерогенным текстам связан с увеличением роли невербальной информации как в бытовой коммуникации, так и в литературе. В связи с этим целью статьи является выделение свойств веб-комикса, совмещающего в себе черты интернет-дискурса и юмористического дискурса, релевантных при переводе на другие языки, а также установление общих закономерностей перевода семиотически гетерогенных текстов с немецкого на русский язык на различных языковых уровнях с учетом лингвокультурной специфики их построения и наполнения. Особое внимание при анализе уделяется лексико-синтаксическим средствам достижения юмористического эффекта в переводе. Делается вывод о том, что основным требованием к переводам веб-комиксов является соблюдение краткости и ясности их вербального содержания, что достигается переводческими трансформациями на всех языковых уровнях. Также необходимо сохранить стилистическую окраску текста оригинала и его доминантную функцию – создание юмористического эффекта.

Ключевые слова: семиотически гетерогенный текст, комикс, юмористический дискурс, переводческие трансформации, стилистическая окраска текста, интертекстуальность, лингвокультура

Для цитирования: Чертоусова С. В., Шумилина К. А. Семиотическая гетерогенность текста в аспекте перевода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 29–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.713

ВВЕДЕНИЕ

Процесс цифровизации оказывает влияние на все сферы жизни современного человека, в том числе подвергая существенным изменениям традиционные способы общения и обмена информацией. Интернет-коммуникация породила новые литературные жанры – романы, полностью состоящие из электронных писем [13], СМС-сообщений [14], переписки в Ватсапе [16] и в других приложениях [19]. В повседневном общении молодежи телефонные разговоры и текстовые сообщения вытесняются универсальными эмодзи и мемами, что свидетельствует об увеличении роли визуальной, то есть невербальной составляющей как в бытовой коммуникации, так и в пространстве художественного текста. Имен-

но поэтому в лингвистических исследованиях все чаще уделяется внимание семиотически гетерогенным текстам, которые совмещают в себе «не менее двух знаковых систем, образующих в совокупности одно структурное, смысловое и функциональное целое для комплексного воздействия на адресата»¹. К текстам такого типа относятся афиши, плакаты, листовки, тексты рекламы, кинотекст и пр. На наш взгляд, корреляция между вербальной и невербальной частями семиотически гетерогенного текста в полной мере проявляется в комиксах: интерпретация реципиентом каждого изображения комикса детерминируется верbalным комментарием в выноске или филактере («облаке» или «пузыре» со словами персонажа), вместе с тем вербальное

содержание повествования теряет значимость и выразительность без его невербальной части [4: 262].

Следует отметить, что комикс неоднократно рассматривался лингвистами с позиций лингвокультурологии [4], [12], литературоведения [2], [3], сравнительного языкознания [1], когнитивной лингвистики [7], [9]. Однако в современном переведоведении данный литературный жанр до сих пор остается недостаточно изученным феноменом, что обуславливает актуальность выбранной темы. Для пары языков немецкий – русский исследования ограничиваются установлением отдельных лексических и лингвостилистических особенностей перевода комиксов-карикатур [8] и графических романов [10]. Целью данной статьи является выявление общих закономерностей перевода современных юмористических веб-комиксов с немецкого на русский язык на различных языковых уровнях с учетом лингвокультурной обусловленности их построения и наполнения. Для этого представляется целесообразным дать краткую характеристику интернет-дискурса и выделить свойства веб-комикса, релевантные при переводе на другой язык.

КОМИКС В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Прежде всего следует отметить полифункциональность текстов в интернет-пространстве. Некоторые исследователи говорят о преобладании в сети текстов юмористического дискурса, поскольку анонимность в сочетании с креативной формой самовыражения придают им так называемую карнавальность в сравнении с традиционными формами передачи информации [6: 225]. Однако даже развлекательные комиксы, а в особенности мемы, отражают окружающую нас действительность и выполняют, таким образом, информативную функцию, что наиболее ярко проявилось в период пандемии, когда мемы стали инструментом общественной критики деятельности органов власти во многих странах [17]. Кроме того, комиксы могут выступать средством пропаганды и воспитания юного поколения, как это было, например, во времена ГДР [12: 170]. Следовательно, одной из задач переводчика на начальном этапе работы с веб-комиксами является определение их доминантной функции в оригинале и сохранение этой функции в тексте перевода.

Ввиду увеличивающегося с каждым днем потока информации у потенциального пользователя сети Интернет зачастую не хватает времени для подробного ознакомления с но-

выми материалами, что приводит, во-первых, к выработке клипового мышления и, соответственно, существенному сокращению объема вербальной части текста, а во-вторых, к максимальной визуализации сообщаемой информации для упрощения ее интерпретации. Данным требованиям создания онлайн-текстов полностью отвечают и веб-комиксы. Поскольку их сферой функционирования является всемирная сеть Интернет, указанные выше принципы тексто-построения будут универсальны для всех лингвокультур, а новый тип реципиента – онлайн-читатель – будет обладать схожими качествами и навыками восприятия текста в любой языковой среде, что, с одной стороны, существенно облегчает работу переводчика.

С другой стороны, любой комикс как жанр литературы обладает национальной спецификой, проявляющейся в выборе его тематики, через визуальные средства (мимика, жесты, позы персонажей), а также в его вербальном наполнении [5: 14]. Кроме того, многим юмористическим текстам присуща референциальность и интертекстуальность, следовательно, подобная гипертекстовая «зависимость» требует от реципиента некой интерпретационной культуры и наличия фоновых знаний, необходимых для правильной идентификации прецедентных феноменов [6: 226], [18: 53]. А поскольку существование глобального коммуникативного пространства заметно расширяет читательскую аудиторию веб-комиксов, к их переводам предъявляется дополнительное требование ясности и понятности для представителей любой лингвокультуры. С учетом того что визуальная часть такого рода семиотически гетерогенных текстов при переводе обычно остается неизменной, культурная адаптация возможна лишь посредством лексико-грамматических трансформаций в вербальном наполнении комикса.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЕБ-КОМИКСОВ НА РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ

Так как информация в комиксе передается одновременно с помощью нескольких знаковых систем, рассмотрим особенности его перевода, обусловленные гетерогенной природой анализируемого текста, на различных языковых уровнях. Несмотря на то что оформлением комикса, включающим выбор шрифта, обычно занимается редактор, нельзя полностью исключать работу переводчика на графическом уровне текста. В частности, нередко в комиксах определенные слова выделяются автором жирным шрифтом для постановки на них логического ударения

(в том числе для создания комического эффекта, как в примере на рис. 1 [15]) или для придания высказыванию большей эмоциональности. Очевидно, что значимость лексического элемента и его функцию в пространстве семиотически гетерогенного текста может определить только переводчик, поскольку он знаком с текстом оригинала.

Рис. 1. Großvater / Дедушка²

Figure 1. Grandfather

Еще одной особенностью работы с комиксом является то, что помимо фраз в выносках переводиться должны и отдельные надписи как части изображения, которые также являются носителями фактуальной информации семиотически гетерогенного текста. При этом графическое оформление может подвергаться существенным изменениям, как на рис. 2 [15], где в русскоязычной версии комикса второй круг на поле приходится убрать:

Рис. 2. Hosenlatz / Гульфик³

Figure 2. Fly

Формат комиксов предполагает построение автором текста в форме диалогов, которые в силу своей тематики относятся к разговорному стилю речи. Для имитации ситуаций бытового общения в репликах персонажей могут использоваться различные виды фонетической редукции. В случае если в языке перевода невозможно передать стилистическую окраску фразы на фонетическом уровне, переводчику необходимо прибегнуть к приему компенсации. Так, в примере на рис. 3 [20] синкопа – выпаде-

ние первого безударного слога в существительном *Entschuldigung* – не может быть перенесена в текст на русском языке, вместо этого в перевод добавлено фамильярное обращение «уважаемый»:

Рис. 3. Gipfeltreffen der Lamas / Саммит лам⁴

Figure 3. Lama summit

Характерной чертой вербального наполнения комиксов является частое использование в них междометий и ономатопеи. Известно, что носители разных языков и культур неодинаково воспринимают звуки окружающего мира. Для достижения эквивалентности на фонетическом уровне при переводе рекомендуется отказаться от транслитерации и транскрипции и обратиться к справочной литературе для поиска функционального эквивалента звукоподражательных единиц в языке перевода. К примеру, для немецкого и русского языков это такие пары, как *blaff* – бух, *platsch* – плюх, *brumm* – жжжж, *knips* – щелк [11: 50], *hüa* – но-о (как в примере на рис. 4 [15]).

Рис. 4. Super Plan / Суперплан⁵

Figure 4. Killer idea

Лексическое наполнение веб-комиксов на немецком языке варьируется в зависимости от целевой аудитории и сюжетного замысла автора и может включать в себя не только слова разговорного стиля, но и термины, историзмы, неологизмы и пр. В переводе сохранение стилистической окраски текста достигается использованием различных трансформаций. Так, в комиксе на рис. 5 [15] представлена пародия на дуэль XIX века,

на что помимо визуальных средств указывает архаическая лексика. Для передачи колорита времени и места повествования переводчик применяет прием исторической стилизации, используя устаревшее обращение «извольте, сударь»:

Рис. 5. Lemming-Duellanten / Лемминги-дуэлянты⁶

Figure 5. Lemmings-duellists

Кроме того, приведенный выше пример иллюстрирует явление интертекстуальности семиотически гетерогенных текстов и наличие в них лингвокультурного компонента. Постоянны читатели комиксов художника под псевдонимом *Nichtlustig* знают, что одна из его серий юмористических рисунков посвящена леммингам. В немецкоязычной лингвокультуре с этими грызунами связан миф о том, что раз в несколько лет они устраивают массовое самоубийство. Автор обыгрывает это в своих рисунках, по сюжету которых зверьки стремятся убить себя в разных ситуациях. Следовательно, для правильной интерпретации содержания таких мини-историй и для их адекватной передачи на русский язык переводчик должен, во-первых, на стадии предпереводческого анализа ознакомиться с другими комиксами данной серии и собрать о них дополнительную информацию, а во-вторых, попытаться передать культурологический контекст, на котором и основывается юмористический эффект таких рассказов. В то время как в прозаических письменных текстах подобная имплицитная информация может быть передана с помощью приема экспликации в сносках или компенсации в другом отрывке текста, формат комикса не допускает увеличения объема его вербальной части. В качестве возможного преодоления данной переводческой трудности уместным представляется поместить пояснение за пределами текстового пространства, например в комментариях к комиксу на сайте переводчика.

Одной из лексических особенностей веб-комиксов, как и других жанров юмористических текстов, является присутствие в них разнообразных литературных приемов и речевых оборотов для создания комического эффекта в повествовании. Трудности при переводе юмо-

ра могут быть вызваны как лингвистическими, так и культурологическими различиями исходного языка и языка перевода. В современном переведоведении не существует единого подхода к решению данной проблемы. С нашей точки зрения, при передаче на другом языке игры слов, каламбуров, окказионализмов и т. п. от переводчика требуются прежде всего творческий подход и понимание сущности и механизмов создания юмористического эффекта в тексте, а набор переводческих трансформаций в каждом конкретном случае может отличаться. При этом функциональный эквивалент переводимых речевых оборотов должен быть емким и кратким, поскольку примечания и комментарии в комиксе как средство экспликации юмора нежелательны.

Удачным примером передачи юмора, выраженного в оригинале на немецком языке через окказионализм (Axt-Trauma), является перевод на рис. 6 [15]. Помимо калькирования немецкого существительного (на русском языке это словосочетание «топорная травма») переводчик применяет прием компенсации: в реплике одного из персонажей появляется игра слов «раскалывается голова», которая органично сочетается с изображением в комиксе.

Рис. 6. Trauma / Травма⁷

Figure 6. Trauma

Для создания комического эффекта в комиксе помимо лексических средств активно используются и грамматические конструкции. Так, в примере на рис. 7 [15] автор использовал малоупотребительное в немецком языке будущее время глагола *Futur II* (*werden gemacht haben*, *wird geworfen werden*) для того, чтобы сделать речь героев сложной и непонятной. В системе времен русского языка данная глагольная форма отсутствует, поэтому неестественная «запутанность» фразы одного из персонажей выражается в переводе не при помощи грамматической конструкции, а посредством включения в нее литературно-книжного наречия *издевна*. Помимо этого, затруднению понимания данного высказывания на русском языке способствуют фонетические средства, такие как длинные

и сложнопроизносимые словосочетания («грамматические нагромождения»). В предложении, написанном на доске, будущее время Futur II заменяется в русском языке на пассивную конструкцию («будет брошен»), которая также нетипична для разговорной речи. В дополнение к этому переводчик попытался уйти от нейтрального стиля передачи фразы, имитируя поэтическую форму повествования:

Рис. 7. Zeitreisen / Путешествия во времени⁸

Figure 7. Time travels

Трансформации на синтаксическом уровне необходимы и в случае выражения эмоциональной окраски текста с помощью порядка слов. Поскольку в немецком языке место каждого члена предложения строго закреплено, а в русском порядок слов свободный, стилистическая функция, например, обратного порядка слов (как показано на рис. 8 [15]) в русском и немецком языках не будет совпадать. Поэтому для правильной расстановки логического ударения в высказывании переводчик не сохраняет синтаксический рисунок текста, а добавляет в него обстоятельство образа действия, что придает речи необходимую экспрессивность:

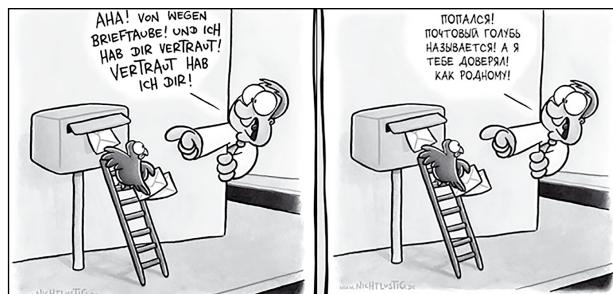

Рис. 8. Vertraut! / Доверие⁹

Figure 8. Trust

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ немецкоязычных веб-комиксов показал, что перевод современных семиотически гетерогенных текстов обладает рядом специфических особенностей. Прежде всего при всех переводческих трансформациях должно соблюдаться требование краткого и емкого построения вербальной части комикса. Текст должен гармонично вписываться в отведенное ему место на изображении и быть понятным широкому кругу реципиентов – представителям другой лингвокультуры.

При переводе веб-комиксов на графическом уровне необходимо учитывать размер, плотность и объем текста для того, чтобы он поместился в выноске, а также сохранить выделение ключевых слов или фраз жирным шрифтом, если оно присутствует в оригинале, поскольку подчеркивание смысловых доминант является важным элементом повествования подобного рода. На фонетическом уровне для комиксов характерно наличие звукоподражаний и междометий, которые рекомендуется передавать в переводе с помощью функциональных эквивалентов или ситуативных соответствий.

Лексико-синтаксические трудности при переводе веб-комиксов вызваны как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Первые подразумевают наличие в тексте стилистически и эмоционально окрашенной лексики, сленга, игры слов; вторые основаны на культурологических различиях между языками, а также на интертекстуальности и референциальности текста оригинала. Кроме того, дополнительную трудность составляет принадлежность рассматриваемого материала к юмористическому дискурсу, что требует от переводчика владения обширными фоновыми знаниями о языке оригинала, а также творческого мышления и нетривиальных подходов при адаптации текста для иной лингвокультуры.

Выявленные в ходе анализа закономерности перевода современных юмористических веб-комиксов с немецкого на русский язык на различных языковых уровнях могут послужить основой для дальнейших исследований семиотически гетерогенных текстов в сопоставительном аспекте, в том числе в рамках переводоведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ишук М. А. Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009. 19 с.

² Несмешно (Nichtlustig) – Очень смешные комиксы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/nichtlustig_ru (дата обращения 15.07.2021).

³ Там же.

⁴ Зерут.ру – лучшие карикатуры от зарубежных авторов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zerut.ru/> (дата обращения 15.07.2021).

⁵ Несмешно (Nichtlustig) – Очень смешные комиксы...

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондаренко Е. В., Радович М. А. Влияние английского языка американских комиксов на язык комиксов Германии и России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 12-1. С. 128–131.
- Гречушкина Т. В. Литературный комикс в культурном контексте // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 4. С. 288–291.
- Гусева А. П. Семиотически гетерогенный художественный текст как содержательно осложненная коммуникация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 98–110.
- Ейкалис Ю. А. Языковые особенности немецких и российских комиксов: сравнительный анализ (на материале комиксов о человеке-пауке) // Иностранные языки в контексте культуры: Межвузовский сборник статей по материалам конференций. Пермь, 2012. С. 261–265.
- Емельяненко А. В. Комикс как объект исследования в работах отечественных ученых // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2019. № 1. С. 12–20.
- Ерофеев Ю. В. Дискурсивные особенности комических креолизованных текстов серии *Differenze Linguistische* («языковые различия») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 8 (141). С. 224–231.
- Недюда Л. А. Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2010. № 1 (117). С. 4–9.
- Снежкова И. А., Закоряжина И. А. Особенности перевода текстов комиксов // Лучшая научно-исследовательская работа 2017: Сборник статей IX Международного научно-практического конкурса. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 68–72.
- Степанова И. В. Креолизованный текст как средство презентации концепта love (на материале комиксов «Love is») // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 152–156.
- Уважева А. Т., Крашенинников А. Е. Лингвостилистические особенности языка комикса на примере немецкого графического романа «KINDERLAND» // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: Материалы X Международной студенческой научно-практической конференции. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2019. С. 288–292.
- Шляхова С. С., Шестакова О. В. Немецкая ономатопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь: Монография. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011. 289 с.
- Чуанов Р. В. Поликодовый статус комиксов как явления современной немецкой лингвокультуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 559. С. 169–179.
- Glattauer D. Gut gegen Nordwind. Goldmann, 2015. 224 S.
- Luntialan H. Viimeiset viestit. Tammi, 2007. 332 p.
- Nichtlustig. Cartoons von Joscha Sauer [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://joscha.com/nichtlustig/201029/> (дата обращения 15.07.2021).
- Orsini A. Mis whatsapp con mamá. Grijalbo Narrativa, 2020. 384 p.
- Pauliks K. Corona-Memes: Gesellschaftskritik im Internet // Televizion. 2020. Vol. 33. S. 33–36.
- Procházka O. Internet memes – A new literacy? // Ostrava Journal of English Philology. 2014. Vol. 6. P. 53–74.
- Ruescas J., Miralles F. Pulsaciones. Ediciones SM, 2013. 197 p.
- Volkertoons [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.volkertoons.de/cartoons-holy-steinzeit.html> (дата обращения 15.07.2021).

Поступила в редакцию 13.08.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Svetlana V. Chertousova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-8026-6372; pippi-langstrumpf@yandex.ru

Ksenia A. Shumilina, Fifth-Year Undergraduate Student, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

ksyu.space@mail.ru

SEMIOTIC HETEROGENEITY OF TEXTS IN THE TRANSLATION ASPECT

Abstract. The article deals with short webcomics by German-speaking authors “Nichtlustig”, “Volkertoons” and “Lachhaft-cartoons” freely available on the Internet and their translations into Russian. The relevance of the work is

due to the lack of theoretical background and comprehensive practical research on the transfer of this type of texts into a foreign linguoculture. The interest of linguists in semiotically heterogeneous texts is related to an increasing role of non-verbal information both in everyday communication and in fiction. In this regard, the purpose of the article is to identify the properties of webcomics that combine the features of Internet discourse and humorous discourse that are relevant for translation, as well as to establish general patterns of translation of semiotically heterogeneous texts from German into Russian at various language levels in the light of the linguocultural specifics of their construction and content. Special attention is paid to the lexical and syntactic means of achieving a humorous effect in translation. The article concludes that the main requirement for translation of webcomics is to maintain the brevity and clarity of their verbal content, which is achieved by translation transformations at all language levels. It is also necessary to preserve the stylistic colouring of the original text and its dominant function of creating a humorous effect.

Keywords: semiotically heterogeneous text, comic, humorous discourse, translation transformations, stylistic colouring of text, intertextuality, linguoculture

For citation: Chertousova, S. V., Shumilina, K. A. Semiotic heterogeneity of texts in the translation aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):29–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.713

REFERENCES

1. Bondarenko, E. V., Radovich, M. A. Influence of the English language of American comics on the language of comics in Germany and Russia. *Current Issues of Humanities and Natural Sciences*. 2015;12-1:128–131. (In Russ.)
2. Grechushnikova, T. V. Literary comics in the cultural context. *Herald of Tver State University. Series: Philology*. 2014;4:288–291. (In Russ.)
3. Guseva, A. P. Semiotically heterogeneous literary text as a semantically complex communication. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2018;18(816):98–110. (In Russ.)
4. Eykalis, Yu. A. Language features of German and Russian comics: comparative analysis (on the material of comics about Spider-Man). *Foreign languages in the context of culture: Proceedings of interuniversity conference*. Perm, 2012. P. 261–265. (In Russ.)
5. Yemelyanenko, A. V. Comic strip as an object of linguistic research by Russian scholars. *Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*. 2019;1:12–20. (In Russ.)
6. Erofeev, Yu. V. Discursive specificities of the comic creolized texts of the ‘Differenze Linguistiche’ (“Language Differences”) series. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2019;8(141):224–231. (In Russ.)
7. Nefyodova, L. A. Cognitive peculiarities of comic strips as creolized texts. *Bulletin of the South Ural State University. Series “Linguistics”*. 2010;1(117):4–9. (In Russ.)
8. Svezhikova, I. A., Zakovryazhina, I. A. Features of the translation of comic texts. *Best Research Paper 2017: Proceedings of the IX international research and practice competition*. Penza, 2017. P. 68–72. (In Russ.)
9. Stepanova, I. V. Creolized text as a means of realization of the concept of love (on the material of Love is comics). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013;24(315):152–156. (In Russ.)
10. Uvizeva, A. T., Krasheninnikov, A. E. Linguostylistic features of the language of comics illustrated by the example of the German graphic novel “KINDERLAND”. *Dialogue of cultures – dialogue about peace and for the sake of peace: Proceedings of the X international student research and practice conference*. Komsomolsk-on-Amur, 2019. P. 288–292. (In Russ.)
11. Shlyakova, S. S., Shestakova, O. V. German onomatopoeia: history of study, problems, German-Russian dictionary: Monograph. Perm, 2011. 289 p. (In Russ.)
12. Chukanov, R. V. Polycode status of comics as German cultural phenomenon. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2009;559:169–179. (In Russ.)
13. Glattauer, D. *Gut gegen Nordwind*. Goldmann, 2015. 224 p.
14. Luntialan, H. *Viimeiset viestit*. Tammi, 2007. 332 p.
15. Nichtlustig. Cartoons von Joscha Sauer. Available at: <https://joscha.com/nichtlustig/201029/> (accessed 15.07.2021).
16. Orsini, A. *Mis whatsapp con mamá*. Grijalbo Narrativa, 2020. 384 p.
17. Pauliks, K. Corona-Memes: Gesellschaftskritik im Internet. *Televizion*. 2020;33:33–36.
18. Procházka, O. Internet memes – A new literacy? *Ostrava Journal of English Philology*. 2014;6:53–74.
19. Ruescas, J., Miralles, F. *Pulsaciones*. Ediciones SM, 2013. 197 p.
20. Volkertoons. Available at: <http://www.volkertoons.de/cartoons-holy-steinzeit.html> (accessed 15.07.2021).

Received: 13 August, 2021; accepted: 20 December, 2021

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА КОНОНЧЕНКО

ассистент кафедры журналистики и издательского дела
филологического факультета

Луганский государственный педагогический университет
(Луганск, Луганская Народная Республика)

ORCID 0000-0002-9583-220X; savonarola05061988@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «ПРИРОДА» В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ПИСАТЕЛЕЙ ДОНБАССА

Аннотация. В современных лингвистических исследованиях особое внимание уделяется изучению взаимосвязи концепта с определенной этнической культурой, а также специфики его отражения в языковой картине мира жителей определенного региона. Актуальность статьи состоит в том, что автор рассматривает особенности формирования этнонациональных концептов в поэтической картине мира писателей Донбасса второй половины XX века. Новизна представлена в исследовании концепта «природа» в условиях литературного и разговорного билингвизма данной территории. На основании сравнительного анализа автор обосновывает выбор писателем тех или иных лексических единиц в поэтических текстах и объясняет влияние этнонациональных стереотипов на индивидуально-авторское видение. Именно существовавший в это время ситуативный билингвизм (преобладание русского языка в живой речи над украинским, который был в статусе государственного и национального) формирует на периферии национальных символов поэтические образы, характерные только для писателей Донбасса. Сделан вывод о том, что на формирование этнонационального концепта «природа» в поэтических текстах писателей Донбасса второй половины XX века влияет самоидентификация автора не только как части народа, но и как жителя данного региона. То есть смысловое ядро концепта «природа» формируют этнонациональные символы и образы, близкие поэтам с детства.

Ключевые слова: этнокультурный концепт, поэтическая картина мира, индивидуально-авторская картина мира, поэты Донбасса, билингвизм

Для цитирования: Кононченко Ю. А. Этнокультурный концепт «природа» в поэтической картине мира писателей Донбасса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.712

ВВЕДЕНИЕ

В современной когнитивной лингвистике все больше внимания уделяется изучению природы концепта, в частности его лингвокультурной составляющей и привязанности к конкретной этнической культуре. Анализ картины мира, наряду с определением национальной специфики в языковой среде, предоставляет возможность составить общее впечатление о степени масштабности понимания и охвата окружающего мира сознанием этноса [6]. При этом важно отметить, что лингвистическое пространство, представляющее собой территорию распространения языка в целом, диалекта, говора, одного языкового явления, обусловлено всей историей развития данного народа (нации) и особенностями организации его жизни [3: 35].

Лингвистическое пространство нередко проявляется в формальных элементах языка в культуре этноса, ведь язык – это факт культуры, основной

инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру [17: 241]. Исследование языковых особенностей позволяет понять, каким путем происходило мировосприятие этноса, как формировались его базовые ценности и представления, из чего состояла система его символов и социокультурных ориентаций, какими путями происходило образование национального менталитета и соответствующей ментальной среды. При анализе той или иной языковой картины мира ученые зачастую, сами того не желая, делают акцент исключительно на раскрытии национальной специфики языка [21: 109]. Анализ концептов и их языковых презентаций позволяет выявить особенности мировосприятия представителей той или иной этнической культуры, особенности их менталитета и национального характера [18: 273]. Таким образом, зародившись в когнитивном пространстве в виде конкретной картины мира, концепты постепенно формируют этническую картину мира [5: 150].

Изучением концепта и его связи с культурой занимались Ю. С. Степанов, А. Вежбицкая, В. А. Маслова, Н. Ф. Алефиренко, Е. С. Кубрякова, В. И. Кононенко, В. В. Жайворонок, С. Я. Ермоленко, В. С. Калашник, Н. Ю. Шведова и многие другие. В рамках когнитивной лингвистики концепт трактуется как

«оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга... всей картины мира, отраженной в человеческой психике... как квант знания» [10: 90].

Ю. С. Степанов определяет связь концепта с культурой через картину мира личности:

«Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [20: 43].

Н. Д. Арутюнова трактует концепт как понятие обыденной философии, являющееся результатом взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничующий между человеком и миром» [2: 3].

В разных лингвокультурах фокусировка и членение концептуального пространства осуществляются по-разному. О. А. Леонович отмечает способность концептов разрастаться и обогащаться за счет индивидуального эмоционального и культурного опыта носителей языка, которая обуславливает их эластичность, неустойчивость и подвижность [11: 117]. По мнению В. А. Масловой, структура концепта включает помимо понятийной основы социопсихокультурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им; она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре [16: 36].

Раскрывая ценностные приоритеты культуры, концепты проявляют специфику языковой картины мира определенного этноса. Иными словами, «реконструкция концептов и анализ стереотипов помогает выявить особенности мировосприятия народа, установить национальную и общечеловеческую разновидности картины мира» [14: 10]. Лингвокультурные концепты – сложные многомерные ментальные образования, включающие образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты [7: 100]. Учитывая основные параметры национальной концептосферы, многие исследователи изучают культурные концепты как проявления ментальности народа. В связи

с этим любопытным становится изучение культурного концепта как маркера национально-этнической идентификации, а также его взаимодействия с национальной символикой. Особый интерес вызывают те концепты, которые представляют собой своеобразные коды – ключи к пониманию ценностей этой культуры, условий жизни людей, стереотипов их поведения [4: 169–170]. Отражая основные этапы развития языка и культуры, этнокультурные концепты являются языковой единицей сознания народа, обогащенной культурными символами и индивидуальными ассоциациями.

Универсальность концептов можно считать относительной, поскольку они существуют как в коллективном сознании языковой группы, так и в индивидуальном сознании языковой личности [15: 38]. Так, коллективные концепты формируют общие для данной языковой группы представления, образы, ожидания, знания. Индивидуальные концепты, в свою очередь, более богаты и разнообразны, так как «коллективное сознание и опыт есть не что иное, как условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив» [19: 16]. Эта производная образуется путем сокращения всего уникального в личном опыте и учета совпадений, индивидуальные же концепты могут включать в себя гораздо большее количество элементов. Концепт «тем богаче, чем богаче национальный, сословный, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептами» [13: 5].

Как культурное явление концепты объединяют представителей определенной лингвокультуры, обеспечивая основу взаимопонимания между ними. Концептуальное пространство отдельной языковой личности и лингвокультуры в целом организуется в концептосферу, которую

«можно рассматривать в двух направлениях: как взгляд “извне”, т. е. анализ концептосферы в целом как выражения национально-культурной специфики определенного народа, и как взгляд “изнутри”, попытку проникнуть во внутренний мир представителей разных социальных групп посредством концептов как многомерных образований» [12: 111].

* * *

Для лингвистов картина мира жителей Донбасса интересна тем, что формировалась она в условиях литературного и разговорного билингвизма на одной территории. В конце XX столетия творчество писателей Донбасса находилось под влиянием региональной языковой ситуации в условиях преобладания русского языка над украинским, когда он находился в статусе

государственного и национального. Такой ситуативный билингвизм позволяет определить особенности формирования системы образования поэтических образов на периферии этнонациональных концептов. В поэтических текстах слово помимо общеязыкового значения получает некоторые приращения смысла, что находит отражение в индивидуальном концепте [5].

На сегодняшний день изучено достаточно большое число различных концептов, среди которых есть универсальные ментальные категории, являющиеся базовыми для концептуальных картин мира представителей всех национальных культур [18: 273]. Особый интерес вызывают этнокультурные концепты, связанные с описанием природы. В поэтической картине мира поэтов Донбасса этнонациональный концепт «природа» является одним из центральных. В центре данного исследования – изучение смысловой структуры этноконцепта «природа» в поэтической картине мира (ПКМ) писателей Донбасса второй половины XX века (И. Савич, И. Светличный, И. Низовой, Н. Малахута, В. Сосюра, А. Алексенка, А. Романенко и др.).

Ядро концепта «природа» составляют растительные слова-поэтизмы – названия деревьев и растений, произрастающих на территории Донбасса. На периферии этнонационального концепта «природа» находятся и межнациональные символы (яблоня, акация, сосна, полынь, лебеда, лопух, береза, клен), и традиционные украинские (калина, ива, дуб, тополь, вишня, явор, ясень, груша, шиповник, жито), и образы, характерные только для Донбасса (абрикос, ковыль, подснежник). Поскольку «символы исключительно конвенциональны, т. е. служат обозначением результатов трансформированного отражения, его модифицированным, социально значимым выражением» [9: 78], можно полагать, что выбор тех или иных лексических единиц в поэтических текстах отражает влияние этнонациональных стереотипов на индивидуально-авторское видение. Таким образом, формируются ассоциативные поля, интерпретирующие содержание концептов на основании взаимодействия индивидуально-авторского опыта автора и национального сознания.

Украинская народная мудрость гласит: «Без верби і калини – нема України». Калина является одним из ключевых символов украинского этноса. В «Словаре символов культуры Украины» она описана как символ огня и солнца, непрерывности жизни, рода украинцев, родины, девственной чистоты и красоты, гармонии жизни и природы, символ непоколебимости и стойкости, единства

национации, влечения к своим традициям и обычаям¹. В ПКМ писателей Донбасса калина является символом Украины, пропитанным полифонией стремления к свободе, воле, единства с нацией. Контекстуальная пара *калина – Батьківщина* отражает самоидентификацию автора с народом, государством в целом: «З криниці посміхається *калина* / Багрянцем ягід з-під зелених віт... / Це – звідси почалася *Батьківщина* / В моєму серці на світанку літ»². В русскоязычных текстах образ калины олицетворяет тоску по родному дому, малой родине, а контекстуальная цепочка символовических образов *калина – вишня – береза* подчеркивает чувство единства с родным краем:

«Звездою сорвавшіся падала, / Цвела, словно вишня, в саду. / Росла незабвенною отрадою / У белых берез на виду. <...> И на сердце туча опустится, / И осень в родимом краю / Взгрустнувшим *калиновым* кустиком / Мечту не согреет мою...»³

Похожим по значению является образ *ивы (вербы)*. В украинской культуре это символ пра-дерева жизни, чрезвычайной трудоспособности, плодотворной силы, пробуждения природы, весны, вдовства, Украины и родины⁴. В ПКМ писателей Донбасса образ ивы пропитан интенциями грусти, терпения и печали:

«Оголена на холоді тремтить / Сумна *верба* – вдовиця-терплиха... / Здається, світ печаль оповила. / Та раптом – глянь: за темним садом жито. / Ті язички озимого зела – Веселі свідки: невмируще літо»⁵;

чувством единства с народом, родной землей:

«От і сьогодні в тім широкім полі, / Де в обороні я з півроку був, / Лише з годину походив, і болі / Озвались в грудях. Ліг я під *вербу* / Й до прохолодної вологи тілом / *Припав, немов до матері маля*. / I стало диво: звівсь помолоділим – / Утому й болі – все зняла земля»⁶.

В произведениях, написанных на русском языке, ассоциация ивы с малой родиной, отчим домом, где родился и вырос автор, подчеркивается с помощью региональных топонимов (Лугань):

«Во-о-он гремят усталые вагоны / к шахте, где Станинов дал рекорд. / Терриконы... снова терриконы – будто бы прошел огромный крот. / Чуть левей вся в запахах укрона / спряталась под *вербами Лугань*, есть над речкой старые окопы / и солдатский раненый курган...»⁷

Образ тополя издавна считался у украинцев воплощением жизни, добра и зла, канонизированным символом родины⁸. Символическое значение определяется широким контекстом, основу которого составляет ассоциативно-образный ряд *тополя – ріки – озера – родина – життя* и подчеркивается эпитетами *сині-сині* (ріки), *лебедині* (озера), *єдина* (родина):

«Родився я на Україні, / В краю просторому я зріс, / Де линуть ріки *сині-сині*, / Тремтять озера лебедині /

У рамі кленів і беріз; <...> Моя Вкраїно **тополина**, / Я твій до самозабуття. / Але в душі – в душі людини / Чуття єдиної родини / Живе як зміст мого життя»⁹.

Контекстуальная синонимическая пара *українська тополя – російська береза*, объединяющая исконные этнонациональные растительные символы братских народов, утверждает родство соседствующих государств: «У наших народів однакові долі... / На спільному полі / Стоять обеліски, – / Над ними сумують **російські берізки**, / Над ними шумлять **українські тополі**»¹⁰. Если в украиноязычных произведениях тополь ассоциируется с родиной (Украиной), то в стихах, написанных на русском языке, в тандеме с местной растительностью (крапива, ковыль) он ассоциируется с родным краем, где родился и вырос автор: «У дворов **тополя** курчавые, / Вдоль заборов – **крапива, ковыль**. / Пацанов нас ватага бравая / Поднимает туманом пыль»¹¹.

Образ дуба в мировой культуре ассоциируется с силой и долголетием [8: 188]. В «Словаре символов культуры Украины» дуб – это дерево жизни, символ гордости и мощи, силы, долговечности, здоровья, целостности; сильного и красивого юноши¹². Дуб был священным деревом у давних славян, кельтов, латинян, греков, мордовцев, посвящался могущественным богам Юпитеру, Перуну, Солнцу, Зевсу и др. В произведениях, написанных на украинском (национальном) языке, поэты Донбасса чувствуют связь с культурой древних греков, сравнивая дуб с великаном, сыном Посейдона – Антеем: «Пріпали дуби до землі, як Антеї, / За ними село Попелище на схилах. / Змережили небо співучі антени, / Звелися стовпи в ізоляторах білі»¹³. Образ дуба символизирует мощь, силу, бессмертие, любовь к жизни, что определяется контекстуальной сочетаемостью с эпитетами велетенский, вузлуватий, создающими визуализацию образа:

«Ось і дуб, і сходи крейдяні, І дуб мій велетенський, вузлуватий. Шепоче щось таємне він мені, Про глиб Дінцеву хоче розказати; Але стоять, не падають дуби – Живе в корінні і любов, і сила!»¹⁴.

В произведениях на русском языке дуб также ассоциируется с силой и долголетием, величие его образа поддерживается эпитетами вековой, великан: «Заселило облако за сук Векового дуба-великаны»¹⁵.

Полынь (*евшан-зілля*) – это символ памяти, родной земли, отчизны, своеобразный пароль украинцев¹⁶. В ПКМ писателей Донбасса образ полыни ассоциируется с памятью, горькими воспоминаниями, родной землей, неразрывной связью с народом, человечеством:

«Чого ж лиши **гіркому та болі** / Одвічно він бере з землі, / Чого в корінні **примха долі**, / Чого вони такі малі? У дуба більші і тополі... А може, **гіркота свята?** І ці земні **людській болі** Не вмерли ще з часів Христя!»¹⁷

Такое же значение имеет образ полыни и в русскоязычном контексте, однако сема ‘память’ обозначает отчий дом, малую родину:

«А **Донбас** – на слове и на деле – / это сам интернационал: / в стоязывкой братской колыбели / он меня под шахтный гул качал. / Он мне ноздри щекотал **полынью**. / Первые слова из первых слов / помню: «мамо», «тато»... / И доныне / согреваюсь добрым их теплом»¹⁸.

В мировых культурах *акация* издавна считается символом души и бессмертия, светлым образом жизни [8: 71]. Под влиянием национального сознания образ акации в поэтических картинах мира донбасских писателей становится символом единства, родины, родного дома:

«**Донецькі акаїї** і прикарпатські **смереки**, / **Платани** Херсонщини й сині поліські **ялини**, / Долини, і гори, і рівні дороги далекі... / Яка ж ти велика, Вітчизна моя – Україна!»¹⁹

В русскоязычных текстах поэтов Донбасса этот образ переосмысливается и олицетворяет терпение и возрождение:

«**Акация** колючая / Зимой всегда черна. / Морозы, ветры злючие – / Все вынесет она. / Хранит она терпение, / страданье под корой. / И знает: в час цветения / Приведит пчелок рой!»²⁰

Характерным образом для ПКМ писателей Донбасса является образ ковыля, который традиционно ассоциируется с этим краем. Образ ковыля отражает горесть разлуки с родной землей, объединяя описания природы и урбанистические картины: «Затуманились терикони, / Геть відхлинула ковила, / І розлуга ота / Гіркою, / як ніколи, / Мені була»²¹. Вербальная метафора белый ковер ковыля составляет основу целостного образа степи Донбасса, которая создается на основе зрительных ассоциаций: «Исчезнут с лица Земли / **Белый ковер ковыля**, / Изумрудная скатерть ржи – / Исчезнет сама Земля!»²² Контекстуальное противопоставление *исчезнет ковыль – исчезнет Земля* подчеркивает значимость этого образа. Поэты Донбасса часто используют колоризм *седой* в описании степи Луганского края, отличительной чертой ландшафта которого являются меловые породы: «Седина березовых стволов – / **Седина ковыльная курганов...**»²³

И в русско-, и в украиноязычных контекстах поэты Донбасса обращаются к поэтическому образу *абрикоса*, который ассоциируется не только с родным домом, где они выросли, куда всегда хочется вернуться, но и с весной, порой пробуждения:

«А, между тем, весна берет свое, / И даже воздух пахнет **абрикосом**. / Неведомое ждет страну живые, / Когда посеяны одни вопросы...»²⁴; «За Дінцем, там, де променів релі, / Травень знов **абрикоси** квітча. / Солов'їні збентежені трелі / Переповнена річка стріча. / Я стою на високім укосі, / Повінь квітів душа моя п'є. / **Абрикоси** цвітуть, **абрикоси**, / Наче сад, рідне місто мое»²⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что на формирование периферии этнонационального концепта «природа» в поэтических текстах писателей Донбасса влияние оказывает не толь-

ко уровень знаний, социальный опыт, эмоциональное состояние автора, но и идентификация себя как части народа и жителя родного региона. В зависимости от того, на каком языке написан поэтический текст, формируется определенный ассоциативный ряд образов и символов как отражение не только коллективного сознания, этнонациональной памяти, но и индивидуально-авторской картины мира. Ядро концепта «природа» формируют образы, сочетающие этнонациональную символику и понятия, близкие поэтам с детства, определяя самоидентификацию авторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словник символів культури України / За заг. ред. В. П. Коцур, О. І. Потапенка, М. К. Дмитренка. Київ: Міленіум, 2002. С. 109.
- ² Світличний І. М. Місячна борозна: Вірші. Донецьк: Донбас, 1986. С. 4.
- ³ Ружина А. В. Березові колокола: Стихи. Донецьк, 1993. С. 23.
- ⁴ Словник символів культури України. С. 34.
- ⁵ Савич І. І серце одпочине: Поезії. Київ: Радянський письменник, 1970. С. 53.
- ⁶ Савич І. С. Народження колоска: Поезії. Київ: Радянський письменник, 1974. С. 37.
- ⁷ Романенко А. С. Переулок Трех сестер: Стихи, поэма. Донецьк: Донбас, 1978. С. 29.
- ⁸ Словник символів культури України. С. 219.
- ⁹ См.: Савич І. С. Народження колоска. С. 4.
- ¹⁰ Низовий І. Д. Стебло: Збірник віршів. Київ: Молодь, 1977. С. 4.
- ¹¹ Приходько В. І. Беседа: Лирика / Под ред. І. Д. Низового. Луганськ: Облуправлення по печаті, 1990. С. 16.
- ¹² Словник символів культури України. С. 79.
- ¹³ Савич І. С. На шляхах буття: Поезії. Донецьк: Донбас, 1971. С. 9.
- ¹⁴ Лисья балка: Літ.-худ. альманах / Сост. А. Алексеенко, Н. Малахута. Луганськ: Книжковий світ, 2004. С. 49–50.
- ¹⁵ Алексеенко А. Пристань / Глав. ред. Н. Д. Малахута. Луганськ: Книжковий світ, 2000. С. 13.
- ¹⁶ Словник символів культури України. С. 83.
- ¹⁷ См. Алексеенко А. Пристань. С. 55.
- ¹⁸ См. Романенко А. С. Переулок Трех сестер. С. 5.
- ¹⁹ Савич І. Зоретворці: Поезії. Донецьк: Донбас, 1967. С. 114.
- ²⁰ См. Алексеенко А. Пристань. С. 43.
- ²¹ См. Низовий І. Д. Стебло. С. 28.
- ²² См. Приходько В. І. Беседа. С. 9.
- ²³ Семенченков Н. И. Состояние души. Луганск, 2006. С. 26.
- ²⁴ Спектр В. Д. Усталый караул: Стихи, переводы, пародии. Луганск: Ред. изд. отд. облуправления по печати, 1991. С. 86.
- ²⁵ См. Лисья балка. С. 43.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А га е в а С е в и н д ж Т а и р . Концепт и его структура (на примере концепта «образование») // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 149–151 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-i-ego-struktura-na-primere-kontsepta-obrazovanie> (дата обращения 20.05.2021).
2. А р у т ю н о в а Н . Д . Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Б о р о д и н а М . А . Категории пространства и времени в лингвогеографических исследованиях // Методы и приемы лингвистического анализа в общем и романском языкоznании: Межвуз. сб. науч. тр. / Науч. ред. Т. М. Велла. Воронеж, 1988. С. 34–39.
4. Г у н и н а Л . А . Этноспецифические концепты как отражение национального характера // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 97. С. 169–175 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnospetsificheskie-kontsepty-kak-otrazhenie-natsionalnogo-haraktera> (дата обращения 08.01.2021).
5. З ы р я н о в а М . Н . К вопросу о типологии концептов // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 4 (19) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/4/00796.pdf> (дата обращения 26.04.2021).
6. К а р а п е т я н Е . А . Языковая картина мира как часть этнического самосознания // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-chast-ethnicheskogo-samosoznaniya> (дата обращения 17.01.2021).

7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 390 с.
8. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
9. Кошарная С. А. Символизм слова как результат и инструмент мифотворчества // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2020. № 3 (3). С. 76–85 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolizm-slova-kak-rezulstat-i-instrument-mifotvorchestva> (дата обращения 26.04.2021).
10. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
11. Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 2003. 399 с.
12. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005. 351 с.
13. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52, № 1. С. 5–12.
14. Малгожата Лучик. Концептуальная, языковая и поэтическая картины мира: общечеловеческое, национальное и индивидуальное // Гуманитарный вектор. 2019. № 5. С. 8–15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-yazykovaya-i-poeticheskaya-kartiny-mira-obschechelovecheskoe-natsionalnoe-i-individualnoe> (дата обращения 06.05.2021).
15. Маругина Н. И., Ламинская Д. А. Концепт «Природа» в русской и английской языковых картинах мира. Ст. 1 // Язык и культура. 2010. № 2 (10) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-priroda-v-russkoy-i-angliyskoy-yazykovyh-kartinah-mira-statya-1> (дата обращения 02.04.2021).
16. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. М.: Тетра Системс, 2004. 256 с.
17. Маслова В. А. *Homo lingualis* в культуре: Монография. М.: Гнозис, 2007. 318 с.
18. Семенова И. В., Ли Ляньмэй. Концептуальная сфера «живая природа» и ее презентация в песенном дискурсе русского народа // Эпоха науки. 2021. № 25. С. 272–277. DOI: 10.24412/2409-3203-2021-25-272-278 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-sfera-zhivaya-priroda-i-ee-reprezentatsiya-v-pesennom-diskurse-russkogo-naroda> (дата обращения 17.05.2021).
19. Слыскин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
20. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 590 с.
21. Хохлова Н. В. Лексическое значение и внутренняя форма как способы концептуализации мира природы // Языковая картина мира в кумулятивном аспекте: Монография / Т. В. Симашко, Т. С. Нифанова, А. Г. Бондарева и др. Архангельск: Поморский ун-т, 2006. С. 92–112.

Поступила в редакцию 21.04.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Yulia A. Kononchenko, Teaching Assistant, Lugansk State Pedagogical University (Lugansk, Lugansk People's Republic)
ORCID 0000-0002-9583-220X; savonarola05061988@mail.ru

ETHNOCULTURAL CONCEPT OF “NATURE” IN THE POETIC WORLDVIEW OF DONBASS WRITERS

A b s t r a c t. Modern linguistic research pays special attention to the study of the interconnection between concepts and a specific ethnic group, as well as to some specific features of their reflection in a linguistic worldview of a certain area residents. The relevance of this article is determined by the author's study of the specific formation of ethnonational concepts in a poetic worldview of Donbass writers in the second half of the XX century. The novelty of the article is represented by considering the “nature” concept in the context of the literary and colloquial bilingualism in the given area. Using comparative analysis, the author substantiates the choice of certain lexical units in poetic texts and explains the influence of ethnonational stereotypes on the writer's personal vision. On the periphery of national symbols, this situational bilingualism (characterized by the domination of the spoken Russian language over the Ukrainian one despite its status as the official state and national language) formed poetic symbols distinctive only for Donbass writers. It is concluded that the formation of the “nature” ethnonational concept in the poetic texts of Donbass writers during the second half of the XX century was significantly influenced by the writers' self-identification not just as members of the whole nation, but also as the residents of their native region. Thus, the core of the “nature” concept is formed by the ethnonational symbols and images familiar to these poets since their childhood.

Key words: ethnocultural concept, poetic worldview, author's personal worldview, Donbass poets, bilingualism

For citation: Kononchenko, Yu. A. Ethnocultural concept of “nature” in the poetic worldview of Donbass writers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.712

REFERENCES

1. Agaeva, S. v. indj Tair. Concept and its structure (on the example of the concept "education"). *Baltic Humanitarian Journal*. 2020;9(130):149–151. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-i-ego-struktura-na-primere-kontsepta-obrazovanie> (accessed 20.05.2021). (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. Human language and world. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.)
3. Borodina, M. A. Categories of space and time in linguistic and geographical research. *Methods and techniques of linguistic analysis in general and Romance linguistics: Interuniversity collection of research papers*. Voronezh, 1988. P. 34–39. (In Russ.)
4. Gunina, L. A. Ethnospecific concepts as reflection of national character. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009;97:169–175. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnospetsificheskie-kontsepty-kak-otrazhenie-natsionalnogo-haraktera> (accessed 03.01.2020). (In Russ.)
5. Zyranova, M. N. On the typology of concepts. *Research and Scientific Electronic Journal of Omsk State Agrarian University*. 2019;4(19). Available at: <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/4/00796.pdf> (accessed 04.26.2021). (In Russ.)
6. Karapetyan, E. A. Linguistic world view as a part of ethnic identity. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2018;12(56). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-chast-etnicheskogo-samoznaniya> (accessed 17.01.2021). (In Russ.)
7. Karasik, V. I. Linguistic circle: personality, concepts, discourse. Moscow, 2004. 390 p. (In Russ.)
8. Cirlot, J. E. Dictionary of symbols. Moscow, 1994. 608 p. (In Russ.)
9. Kossharnaya, S. A. Symbolism of word as a result and tool of myth-making. *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*. 2020;3(3):76–85. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolizm-slova-kak-rezulat-i-instrument-mifotvorchestva> (accessed 04.26.2021). (In Russ.)
10. A brief dictionary of cognitive terms. (E. S. Kubryakova, Ed.). Moscow, 1997. 245 p. (In Russ.)
11. Leontovich, O. A. Russia and the United States: Introduction to intercultural communication. Volgograd, 2003. 399 p. (In Russ.)
12. Leontovich, O. A. Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication. Moscow, 2005. 351 p. (In Russ.)
13. Likhachev, D. S. Conceptosphere of the Russian language. *Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series*. 1993;52(1):5–12. (In Russ.)
14. Luchik, M. Conceptual, linguistic and poetic pictures of the world: universal, national and individual features. *Humanitarian Vector*. 2019;5:8–15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-yazykovaya-i-poeticheskaya-kartiny-mira-obschelovecheskoe-natsionalnoe-i-individualnoe> (accessed 05.06.2021). (In Russ.)
15. Marugina, N. I., Laminskaya, D. A. The concept "nature" in the Russian and English language picture of the world. Article 1. *Language and Culture*. 2010;2(10):36–45. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-priroda-v-russkoy-i-angliyskoy-yazykovyh-kartinah-mira-statya-1> (accessed 04/02/2021). (In Russ.)
16. Maslova, V. A. Cognitive linguistics: Textbook. Moscow, 2004. 256 p. (In Russ.)
17. Maslova, V. A. Homo lingualis in culture: Monograph. Moscow, 2007. 318 p. (In Russ.)
18. Semenova, I. V., Li, Lianmei. The conceptual fragment "the world of wildlife" and its representation in the song discourse of the Russian people. *Era of Science*. 2021;25:272–277. DOI: 10.24412/2409-3203-2021-25-272-278. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-sfera-zhivaya-priroda-i-ee-reprezentatsiya-v-pesennom-diskurse-russkogo-naroda> (accessed 17.05.2021). (In Russ.)
19. Slyshkin, G. G. From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. Moscow, 2000. 128 p. (In Russ.)
20. Stepanov, Yu. S. Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow, 2001. 590 p. (In Russ.)
21. Hohlova, N. V. Lexical meaning and internal form as ways of conceptualizing the natural world. *Linguistic picture of the world in the cumulative aspect: Monograph*. (T. V. Simashko, T. S. Nifanova, A. G. Bondareva et al.). Arkhangelsk, 2006. P. 92–112. (In Russ.)

Received: 21 April, 2021; accepted: 20 December, 2021

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА МАРКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного

Российский государственный университет имени А. Н. Ко-
сыгина (Москва, Российская Федерация);

профессор кафедры романских и славянских языков
Экономический университет (Братислава, Словакия)

ORCID 0000-0001-6620-1567; elena-m-m@mail.ru

СТРУКТУРА КОГНИТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ И КОГНИТИВНОГО ЗНАНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация. Рассматривается уровневая организация смыслового объема слова и значение такого понимания лексической семантики для овладения русской лексикой в славянской аудитории. Актуальность обусловлена лингвокогнитивным фокусом современных исследований не только в лингвистике, но и в методике преподавания языков. Целью является описание смысловой структуры слова в отличие от его семантической структуры. Среди задач – выделение уровней смысловой структуры; их характеристика; выявление специфики каждого уровня в близкородственных славянских языках: русском, чешском, словацком; соотнесение подобного видения организации смыслового содержания с этапами его усвоения в иноязычной (славянской) аудитории. Рассматривается три уровня смысловой структуры слова: денотативный, структурно-системный и концептуальный. Они не только описывают семантический объем слова, но демонстрируют последовательность и логику смыслового развития лексемы. Учет этих уровней помогает структурировать содержание лексической единицы, соответствующее ее когнитивному развитию и, соответственно, когнитивному знанию о ней. В таком взаимосвязанном и взаимообусловленном видении когнитивного содержания и когнитивного знания лексем заключается новизна данного исследования. Подобный подход к содержательной стороне лексемы имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, соответствующее логике его когнитивного освоения иностранцами, способствует лингводидактической организации лексики при преподавании русского языка в иноязычной аудитории и помогает преподавателю минимизировать и распределить лексический материал в соответствии с этапами обучения. Особое значение это имеет в славянской аудитории ввиду многочисленных лексико-семантических сходств и различий на всех смысловых уровнях, что демонстрирует автор на сравнительном материале русского, чешского и словацкого языков.

Ключевые слова: лексическая семантика, смысловой объем слова, когнитивное знание, славянские языки

Для цитирования: Маркова Е. М. Структура когнитивного содержания и когнитивного знания русской лексики // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.720

ВВЕДЕНИЕ

Объектом изучения семантики слова при лингвокогнитивном подходе становится не семантическая структура как совокупность лексико-семантических вариантов, но *смысловой объем* слова как совокупность смыслов, формирующих его концептуальное содержание [1]. Лексическое значение слова в узком понимании представлено в словарях в виде его толкования. Смысл слова глубже и шире значения, охватывающий всю совокупность метафорических и переносных употреблений, коннотативных наращений, символических переосмыслений. При одинаковом лексическом значении слова разных язы-

ков могут иметь разное смысловое наполнение. Исследование и описание содержания лексической единицы в когнитивном аспекте предполагает выделение нескольких уровней ее смысловой структуры.

ПЕРВЫЙ, ДЕНОТАТИВНЫЙ, УРОВЕНЬ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ

Этот уровень связан с соотнесением слов с реальными объектами действительности. На этом уровне в близкородственных языках наблюдается много сходств, в особенности среди праславянской по происхождению лексики, однако много и семантических различий у этимологически

общих лексем (представляющих собой факты межъязыковой полисемии) как следствие их самостоятельного языкового развития [13].

Различия эти могут иметь разный характер: родо-видовых (гипо-гиперонимических) отношений (рус. *ягода* ‘любая ягода’ и чеш. *jahoda* ‘клубника’, рус. *гриб* ‘любой гриб’ и чеш. *hřib* ‘белый гриб’, рус. *палец* ‘любой палец руки и ноги’ и чеш. *palec* ‘большой палец руки’); отношений «абстрактное» – «конкретное» (рус. *быт* ‘образ, уклад жизни’ и чеш. *byt* ‘квартира’, рус. *обилие* ‘большое количество’ и чеш. *obilí* ‘урожай зерновых, зерно’); «общеупотребительное» – «специальное» (рус. *рел. клубок* ‘головной убор священников’ и чеш. *klobouk* ‘шляпа’, рус. *рел. купель* ‘сосуд для крещения’ и чеш. *koupel* ‘ванна’; рус. *ткань* и чеш. *биол. tkan*); отношений семантической дизьюнкции (рус. *рыхлость* ‘рассыпчатость, неплотность’ и чеш. *rychlost* ‘скорость; движение’); метафорических отношений (рус. *крупа* ‘продукт питания, состоящий из зерен’ и чеш. *kroupy* ‘осадки в виде града, снега’; рус. *шило* ‘острый инструмент’ и чеш. *šídro* ‘стрекоза’); энантиосемии (рус. *черствый* ‘несвежий, сухой’ и чеш. *čestvý* ‘свежий’, рус. *ужасный* ‘безобразный’ и чеш. *úžasný* ‘прекрасный’)¹ и др.

Наиболее разнообразными являются семантические отношения, основанные на метонимии, которая может быть представлена самыми разнообразными моделями. Метонимические переходы, в основе которых – ассоциативная смежность денотатов в сознании человека, осуществляющего акт номинации, пронизывают весь процесс семантического развития лексических единиц и, соответственно, характеризуют семантические взаимоотношения этимологически общих слов славянских языков. Помимо указанных выше примеров, можно привести следующие, основанные на пространственной близости денотатов: рус. *борода* ‘волосы на подбородке’ и чеш. *brada* ‘подбородок’; на отношении «содержащее – содержимое»: чеш. *zahrada* ‘сад’ и рус. *загородка* ‘забор’; «часть – целое»: рус. *топор* и чеш. *topor* ‘часть топора в виде рукоятки, топорище’; «материал – изделие из него»: рус. *сукно* ‘грубая ткань’ и чеш. *sukně* ‘юбка’; «действие – инструмент действия»: рус. *звон* ‘действие по глаголу звонить’ и чеш. *zvon* ‘колокол’; «действие, состояние – его производитель»: рус. *блеск* и чеш. *blesk* ‘молния’, рус. *мрак* ‘темнота’ и чеш. *mrak* ‘туча’; «действие, состояние – место совершения действия»: рус. *ходьба* и чеш. *chodba* ‘коридор’; рус. *обход* и чеш. *obchod* ‘магазин’² и др.

Формально изоморфными, но семантически псевдоэквивалентными могут быть и парал-

лельные образования в родственных языках как результат наличия общих морфем, одинаковые сочетания которых в разных языках привели к неодинаковому семантическому результату. Семантический гетероморфизм, отмечаемый у параллельных образований, обнаруживается у разных частей речи, например, существительных: рус. *веник* ‘связка прутьев или сухих веток’, а также о плохом букете (что это за веник?) и чеш. *věník* ‘ветка с цветами, фруктами’³; прилагательных: рус. *беспечный* ‘безответственный, легкомысленный’ (беспечное поведение) и слвц. *bezpečný* ‘безопасный, достоверный’ (*bezpečná cesta* ‘безопасная дорога’); наречий: рус. *вкусно* ‘состояние приятных ощущений от еды’ (было вкусно) и слвц. *vkusně* ‘со вкусом’ (*vkusně zariaděné* ‘обустроено со вкусом’); глаголов: рус. *наговорить* ‘сказать в большом количестве’ (наговорить 1) глупостей, дерзостей; 2) текст) и слвц. *nahovorit* ‘внушить’ (*nahovorit* *mienku* ‘внушить мнение’); причастий: рус. *разрушенный* (причастие от глагола *разрушить* ‘уничтожить’) и слвц. *rozrušený* ‘взволнованный’⁴ и др.

Как правило, межъязыковые полисеманты и параллельные образования в славянских языках общие при различной их семантической дифференциации характеризуются наличием общих сем в их значении, что обусловлено их общим происхождением и семантикой общего корня. В отличие от этих групп изоморфной лексики близкие по звучанию билингвальные явления, представляющие собой межъязыковую паронимию (случайное звуковое подобие, не обусловленное общностью происхождения), не имеют ничего общего в семантике. К ним относятся, например, в русско-чешской компарации: рус. *вспахать* ‘разрыхлить почву, подготовить для посева’ – чеш. *spáchat* ‘совершить что-л.’, рус. *пух* ‘мягкий и нежный волосок под перьями птиц’ – чеш. *řich* ‘вонь’, рус. *распаковать* ‘освободить от упаковки, развязать’ – чеш. *rozbalovat* ‘ввести в смущение’⁵; в русско-словацкой: рус. *мыльиться* ‘наносить мыльную пену на кожу’ – слвц. *myliť sa* ‘ошибаться’⁶ и т. п. Денотативно межъязыковые паронимы никак не пересекаются, они, как правило, соотносятся с разными сферами действительности.

Во многих славянских языках подобная лексика выявлена и зафиксирована лексикографически в словарях межъязыковых омонимов, «ложных друзей переводчика», обманчивых межъязыковых сходств⁷ (см., напр., [10], [11], [14], [15]).

Случайные совпадения лексем или генетически общие слова, значительно разошедшиеся

в значении, не представляют больших трудностей для усвоения и запоминания при изучении другого славянского языка, наоборот, они помогают быстрому усвоению и запоминанию семантики данного слова благодаря эффекту «отталкивания» от иной семантики похожего слова в родном языке. Этот принцип действует и при встрече с «ложными друзьями переводчика» в неблизкородственных языках.

На денотативном уровне семантики слова важное теоретическое и прикладное значение имеет апелляция к внутренней форме слова – признаку, положенному в основу номинации [3]. По словам В. В. Виноградова, «слово – неразрывное единство звука, значения и внутренней формы» [4: 114]. Внутренняя форма, открытая когда-то А. А. Потебней, является синергетическим явлением, выступая не только в качестве элементарной формы представления когнитивного содержания, но и словаобразовательного мотиватора слова, его деривационной основы, посредника между означаемым и означающим. «В структуре образа-представления отмечается как бы взаимопроникновение наглядной внутренней “картиности” и слова» [16: 45]. Наряду с этим внутренняя форма характеризуется ярко выраженной этноспецификой: транслирует особенности мировидения народа – носителя данного языка, связана с его креативными возможностями, показывает движение мысли в момент номинации, что обуславливает ее ценность и в процессе обучения лексике русского языка, в особенности в славянской аудитории.

Внутренняя форма не только помогает осмыслить когнитивную основу номинации, но и способствует запоминанию лексической единицы [2] в силу устойчивости, прочности мнемической связи между словом и вызвавшим его к жизни мотивом. При этом специфичным в инославянской аудитории является то, что немотивированная с точки зрения носителей русского языка внутренняя форма слова оказывается мотивированной с точки зрения иной славянской лингвокультуры [8], где сохраняются до настоящего времени праславянские лексемы, утраченные русским языком. Например, внутренняя форма слова *кошелек* «прозрачна» для носителей чешского и словацкого языков, так как в этих языках известно слово *koš* – ‘корзина’, его производное чеш. *košile*, слвц. *košel’ a* ‘рубашка’.

СИСТЕМНЫЙ УРОВЕНЬ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ

Системно-структурный принцип является главным в анализе следующего уровня лекси-

ческой семантики, который можно обозначить как *системный*. Он предполагает выявление системных – парадигматических и синтагматических – возможностей лексемы. Парадигматику слов составляет их включенность в синонимические ряды и антонимические пары, тематические и лексико-семантические группы, деривационные гнезда, гипо-гиперонимические отношения.

Синтагматика слова обеспечивается его возможностью сочетаться с другими лексическими единицами данной языковой системы. Синтагматические связи общих для двух славянских языков слов нередко демонстрируют не только сходства, но и многочисленные различия, определяемые несовпадением их лексической валентности (сочетаемостными возможностями). Синтагматика определяет место лексемы в системе языка, помогает очертить семантику лексемы (что важно в аспекте дифференциации семантических полей изоморфных лексем с разным значением в двух родственных языках), дифференцировать синонимы и омонимы (в том числе межъязыковые омонимы в славянских языках) и, кроме того, имеет очень большое практическое, лингводидактическое значение. Слова хранятся в нашей памяти не изолированно, а соединяясь между собой при помощи ассоциаций. Ассоциативное соединение лексем обусловливает их синтагматические возможности. Работа над синтагматикой слова позволяет не только быстро и эффективно закрепить различия в их семантике, но и вывести его в речь, включить в речевой поток. Так, в русском и чешском языках есть аналогичное по звучанию прилагательное *пошлый* – *pošlý*. Однако в русском языке возможны сочетания: *пошлая среда*, *пошлый человек*, *пошлый анекдот*, так как рус. *пошлый* ‘низкий, безвкусный, грубый’ и т. п. В чешском языке – другие синтагматические комплексы: *pošlý kůň*, *pošlá svině*, так как чеш. *pošlý* ‘дохлый, издохший, оклеветанный’⁸.

Разные синтагматические комплексы могут служить дифференциации синонимов. Так, значение большого количества в русском языке метафорически вербализуется с помощью слов *гора*, *куча*, *туча*, *море*, *поток* и т. п. в строго определенных сочетаниях: *гора книг*, *куча бумаг*, *туча мух*, *море слез*, *поток людей* и др. Конкретная реализация сравнения того или иного множества нередко носит специфический характер даже в языках близкого родства. Так, говоря о множестве красивых волос, русские скажут: *копна волос*, а чехи в этом случае используют другой образ, реализованный в сочетании: *pramen vlasů* (где *pramen* ‘источник, ключ, родник’). Невозможны в русском языке

и сочетания со словом *stoh* ‘стог’ в этом значении: чеш. *stoh knih* (букв.) ‘стог книг’, *stoh not* (букв.) ‘стог ног’, *stoh prádla* (букв.) ‘стог белья’⁹. Напротив, в чешском языке невозможны сочетания *батарея бутылок* или *букет болезней*.

Существительные могут создавать синтагматические комплексы с прилагательными, причастиями, глаголами, другими существительными. Например, общеславянское *вода* имеет такие свободные и связанные сочетания в русском языке, как *холодная, ледяная, теплая, горячая вода; минеральная, питьевая, газированная, фильтрованная, кипяченая вода; морская, речная, талая вода; живая и мертвая вода* (известные в фольклоре); *святая вода* (в церковных обрядах); *большая вода* (о наводнении). С глаголами возможны сочетания: *лить, вылить воду / налить воды, добавить воды, пить воду / выпить воды, включить / выключить / отключить воду, зарядить воду* (‘придать ей при помощи специального ритуала полезные свойства’). Разнообразные синтагматические связи помогают наглядно описать смысловую структуру слова, его функционал и потому имеют большое значение в овладении лексической семантикой, лексическим знанием иностранцами.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ

Наконец, третий, высший, уровень семантики – *концептуальный* – нацелен на выявление разного рода коннотативных наращений, символических значений, что напрямую связано с культурой народа-носителя данного языка [6]. Понимание смысла отдельных слов невозможно без знания всего комплекса ассоциаций, представлений, скрытого за словарной дефиницией содержания, который хранится в исторической памяти носителя данного языка. «Коннотативный ореол есть у каждого слова» [16: 49]. Этот уровень вербализуется в переносных значениях данной единицы, во фразеологии, в паремиях. При вторичном использовании языкового знака в качестве номинанта он нередко наделяется культурологической информацией, объективирующей особенности восприятия окружающего мира тем или иным этносом. В результате вторичные номинации становятся выразителями эталонов, стереотипов и символов определенной этнокультуры.

Общая в формальном отношении лексика славянских языков характеризуется неравномерностью ее метафорического развития. Благодаря pragmatischemu и лингвокультурологическому фокусам сопоставительных исследований славянских языков в сферу «ложных сходств» вовлекается широкий круг лексики, отличающейся не только денотативным, но и коннотативным, культурным значением. Культурологический аспект позволяет отнести к межязыковым омонимам все изоморфные лексемы двух языков, семантически одинаковые в денотативном плане, но дифференцированные в смысловом отношении в их прагматиконах, учитывая смыслы, приобретаемые во вторичной номинации, во фразеологии [7]. Примером может служить рус. *заяц* и слвц. *zajac*. Совпадая в основном денотативном значении, эти общеславянские лексемы различаются культурными коннотациями: рус. *заяц* вызывает ассоциации о безбилетном пассажире, а слвц. *zajac* ассоциируется с желанием убежать, что эксплицировано словацким устойчивым выражением *mať zajačné úmysly* ‘иметь мысли перейти на другое место работы, учебы’¹⁰.

При сравнении разного рода метафорических, коннотативных наращений обнаруживаются как общие, так и дифференциальные вторичные смыслы у общих славянских лексем. Если рассматривать на этом уровне, например, лексему *вода*, то обнаруживается, что с глубокой древности вода в разных культурах воспринимается как река времени. С дихотомией *мутная, грязная вода и чистая, прозрачная вода* связаны и аксиологические представления носителей не только русского, но и других славянских языков: чистая вода выступает символом честности, правды, мутная, грязная – символически выражает ложь, обман [9].

Во фразеологии разных языков подчеркивается сила воды, ее способность воздействовать на другие, твердые стихии, ее энергия: рус. *вода и камень точит* и чеш. *tichá voda břehy mele* (букв. ‘тихая вода берега мелет’). Бессмысленность действий одинаково передается с помощью фразеологической кальки, основанной на «водном» образе: рус. *носить воду решетом* и чеш. *nabírat vodu řešetem / nabírat vodu do sítá*. Вода выступает в разных культурах и символом однообразия, бессмысленных, пустых разговоров и действий: *воду в ступе толочь* ‘говорить одно и то же’, *лить / гнать воду* ‘нести бессмысленные речи’ и чеш. *mít řeči jako vody* (букв. ‘иметь речей как воды’). Чешский фразеологический омоним *honit vodu* имеет совсем другое значение – ‘пижонить, модничать, форсить’¹¹.

Вода осмысливается в разных лингвокультурах и как враждебная человеку стихия, она может бесследно поглотить любые предметы, включая самого человека: *как в воду канул* ‘бесследно исчез, скрылся из виду’, чеш. *jako by se byl do vody*

propadl. Однако только в чешском языке известно выражение *poslat k vodě*¹² (букв.) ‘послать к воде’, то есть ‘бросить кого-л., порвать с кем-л.’ (по-русски: *отпустить на все четыре стороны; послать к черту*). Вода – это и символ безнаказанности, безответственности в силу ее текучести: рус. *как с гуся вода*, чешский эквивалент: *sjedět po ro něm jako voda po huse*. Вода является знаком неопределенности, неуверенности: *vilami na voděписано*, то есть ‘неопределенность, неточно’, а в чешском языке – ненадежности: *spát jako na vodě* ‘плохо спать’, (букв.) ‘спать как на воде’, нелюбви, ненависти: *mít rád jako vodu v botě* (букв.) ‘любить кого-то как воду в ботинке’¹³.

Во фразеологии разных, даже славянских, языков нередко выражаются этноспецифические представления. Если для чешской лингвокультуры специфическим является образное восприятие воды как беды, катастрофы (*stěží se drží na vodě* ‘он еле держится, он в опасности’, (букв.) ‘он с трудом держится на воде’¹⁴ (ср. с рус. *висит на волоске*)), то в русской народной культуре вода, являясь одной из главных составляющих различных обрядов, связанных с предсказанием и ворожбой [9: 292], олицетворяет способность увидеть, предугадать события: *как в воду глядел*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представление об уровневой структуре смыслового объема слова имеет не только теоретиче-

ское, но и прикладное значение при овладении лексикой иностранного языка, точнее, лексическим знанием. Оно раскрывает когнитивные закономерности развития семантики слова, этапы этого развития и, соответственно, ступени его освоения в иностранной аудитории, дает возможность структурировать содержание лексемы и одновременно когнитивное знание лексемы. Специфика овладения лексическим знанием в близкородственных языках заключается в пересечении смыслов, в наличии большого количества так называемых псевдоэквивалентов [12], формально одинаковых лексем, но имеющих различия в отдельных значениях, в синтагматике, парадигматике, символике. В связи с этим учет уровневой организации смысловой структуры слова особенно актуален в славянской аудитории.

Владение лексикой на том или ином уровне ее смысловой структуры является одновременно и индикатором общего уровня владения русским языком как иностранным. Знание семантического объема того или иного слова на концептуальном уровне, то есть с учетом его метафорических переосмыслений и символических значений, позволяет говорить о высоком уровне владения иностранным языком. Стремление к знанию pragматической надстройки слова необходимо каждому, кто нацелен на диалог культур, на эффективную межкультурную коммуникацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Velký česko-ruský slovník / Pod ved. L. Kopeckého, J. Filipce a O. Lešky. Praha: LEDA, 1987. 1408 s.

² Там же.

³ Příruční slovník jazyka českého. T. 1-9. Praha, 1935–1957.

⁴ Rusko-slovenský a slovensko-ruský veľký slovník. Bratislava: LINGEA, 2011. 1355 s.

⁵ Velký česko-ruský slovník...

⁶ Rusko-slovenský a slovensko-ruský veľký slovník...

⁷ Кусаль К. Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 580 с.

⁸ Příruční slovník jazyka českého...

⁹ Klégr A. Tezaurus jazyka českého. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2007. 1189 s.

¹⁰ Slovník slovenského jazyka. Bratislava: VEDA, 1987. 856 s.

¹¹ Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc: Olomoucká Univerzita, 2002. 870 s.

¹² Там же.

¹³ Čermák F., Filipová K., Holub J. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky. T. 1. Přirovnání. Praha: LEDA, 2009.

¹⁴ Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Барановская Т. А. Роль внутренней формы слова при изучении иностранного языка. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 207 с.
3. Бибихин В. В. Внутренняя форма слова. М.: Наука, 2008. 420 с.
4. Виноградов В. В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках // Славянское языкознание. VI Межд. съезд славистов. М., 1968. С. 53–119.
5. Лазарева О. А. Лингвокогнитивные основы обучения иностранцев русской лексике: Монография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 250 с.

6. Маркова Е. М. «Водные» образы в русской и чешской лингвокультурах: общие и дифференциальные смыслы // «ВОДА» в славянской фразеологии и паремиологии. Water in Slavonic Phrazeology and Paremiology: Коллективная монография: В 2 т. Budapest: Tinta konyvkiado, 2013. Т. 2. С. 389–396.
7. Маркова Е. М. Лексическая семантика как объект изучения в РКИ и его специфика в инославянской аудитории // Актуальные проблемы обучения русскому языку XIII: Сб. материалов конференции 16–18 мая 2018 г. в Университете им. Масарика (Брюно) Aktuální problémy výuky ruského jazyka XIII: Editor sborníku Simona Koryčánková. Brno: Nakladatelství Masarykovy university, 2018. С. 329–334 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.5817/CZ MUNI.P210-9077-2018> (дата обращения 12.09.2021).
8. Маркова Е. М., Квапил Р. Особенности обучения русскому языку в близкородственной словацкой среде // Русистика. 2021. Т. 19, № 2. С. 191–207. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-2 <http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты: Монография. М., 1996. 296 с.
10. Урядов Г. Ложные друзья переводчика: Словацко-русский словарь. Братислава, 2020. 46 с.
11. Шушарина И. А. Русско-польский словарь ложных друзей переводчика. Курган: Изд-во КГУ, 2014. 258 с.
12. Adamka P. Klady a zápory využívania analógií s rodným jazykom pri osvojovaní si niektorých javov gramatického systému ruského jazyka // Vyučovanie cudzieho jazyka: súčasné vyučovacie technológie. Prešov: FF PU, 2010. S. 7–14.
13. Budovcová V. Z konfrontačnej lexikológie pribuzných jazykov – lexikálne paralely v slovenčině, ruštině a češtine // Konfrontační stadium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Т. 2. Praha, 1983. S. 257–275.
14. Havlová E. Poznámky k ruským homonímum // Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky. Brno, 1999. S. 83–89.
15. Vlček J. Úskalí ruské slovní zásoby: Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 124 s.
16. Volkov V., Mikluš M. Ideografičeskoje opisanije russkogo jazyka. Prešov: Náuka, 2000. 190 s.

Поступила в редакцию 22.11.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Elena M. Markova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Kosygin State University of Russia (Moscow, Russian Federation), University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovakia)
ORCID 0000-0001-6620-1567; elena-m-m@mail.ru

STRUCTURE OF COGNITIVE CONTENT AND COGNITIVE KNOWLEDGE OF RUSSIAN VOCABULARY

A b s t r a c t. The article deals with the level organization of the semantic volume of a word and the meaning of such an understanding of lexical semantics for the development of Russian vocabulary in a Slavic classroom. The relevance of the research is due to the linguo-cognitive focus of modern research not only in linguistics, but also in the methodology of teaching languages. The goal is to describe the structure of the cognitive content of a word as opposed to its semantic structure. The tasks include the allocation of levels of the cognitive content structure, describing their characteristics, identifying the specifics of each level in closely related Slavic languages (Russian, Czech, Slovak), and the correlation of such a vision of the semantic content organization with the stages of its acquisition in a foreign-language (Slavic) classroom. The author examines three levels of the cognitive content structure: denotative, structural and conceptual. They not only describe the semantic volume of the word, but also demonstrate the sequence and logic of the semantic development of the lexeme. Taking these levels into account helps to structure the content of a lexical unit according to its cognitive development and, therefore, the cognitive knowledge about it. Such an interconnected and interdependent vision of the cognitive content and cognitive knowledge of lexemes is the novelty of this research. This approach to the content side of the lexeme has both theoretical and practical value, since it corresponds to the logic of its cognitive mastery by foreigners, contributes to the didactic organization of vocabulary when teaching Russian as a foreign language, and helps teachers to minimize and distribute lexical material in accordance with the stages of learning. This is of particular importance in a Slavic classroom due to the numerous lexical and semantic similarities and differences at all semantic levels, which the author demonstrates using the comparative material of the Russian, Czech and Slovak languages.

Key words: lexical semantics, semantic volume of a word, cognitive knowledge, Slavic languages

For citation: Markova, E. M. Structure of cognitive content and cognitive knowledge of Russian vocabulary. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.720

REFERENCES

1. Alefiroenko, N. F. Controversial problems of semantics. Moscow, 2005. 326 p. (In Russ.)
2. Baranovskaya, T. A. The role of the internal form of a word in learning a foreign language. Moscow, 2004. 207 p. (In Russ.)
3. Bibihin, V. V. Internal word form. Moscow, 2008. 420 p. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. V. Problems of the morphemic structure of a word and the phenomenon of homonymy in the Slavic languages. *Slavic Language Studies. VI International Congress of Slavists*. Moscow, 1968. P. 53–119. (In Russ.)
5. Lazareva, O. A. Linguo-cognitive foundations of teaching Russian vocabulary to foreigners: Monograph. St. Petersburg, 2012. 250 p. (In Russ.)
6. Markova, E. M. “Water” images in Russian and Czech linguocultures: general and differential meanings. *Water in Slavonic phrazeology and paremiology: Collective monograph*. In 2 vols. Budapest, 2013. Vol. 2. P. 389–396. (In Russ.)
7. Markova, E. M. Lexical semantics as an object of study in RFL and its specificity in a Slavic classroom. *Current issues of teaching the Russian language XIII: Proceedings of the conference at Masaryk University (May 16–18, 2018)*. Brno, 2018. P. 329–334. Available at: <https://doi.org/10.5817/CZ MUNI.P210-9077-2018> (accessed 12 September, 2021). (In Russ.)
8. Markova, E. M., Kwapil, R. Teaching Russian in a closely-related Slovak environment. *Russian Language Studies*. 2021;19(2):191–207. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-2 (In Russ.)
9. Teliya, V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects: Monograph. Moscow, 1996. 296 p. (In Russ.)
10. Uryadov, G. Translator’s false friends: Slovak-Russian dictionary. Bratislava, 2020. 46 p. (In Russ.)
11. Shusharina, I. A. Russian-Polish dictionary of translator’s false friends. Kurgan, 2014. 258 p. (In Russ.)
12. Adamka, P. Klady a záporы využívania analógií s rodným jazykom pri osvojovaní si niektorých javov gramatického systému ruského jazyka. *Vyučovanie cudzieho jazyka: súčasné vyučovacie technológie*. Prešov, 2010. S. 7–14.
13. Budovíčová, V. Z konfrontačnej lexikológie příbuzných jazykov – lexikálne paralely v slovenčině, ruštině a češtině. *Konfrontační stadium ruské a české gramatiky a slovní zásoby*. T. 2. Praha, 1983. S. 257–275.
14. Havlová, E. Poznámky k ruským homonímum. *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovédné rusistiky*. Brno, 1999. S. 83–89.
15. Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby: Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 124 s.
16. Volkov, V., Mikluš, M. Ideografičeskoje opisanije russkogo jazyka. Prešov, 2000. 190 s.

Received: 22 November, 2021; accepted: 20 December, 2021

ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА ПОПОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8131-2158; t.popova@spbu.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЛНЫ И ИХ ТЕКСТОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Рассматривается актуальный вопрос организации открытого коммуникативного медиапространства по принципу информационного поля, динамику которого задают информационные волны. В центре внимания автора находится проблема отбора типовых текстов при обучении русскому языку как иностранному, который может быть осуществлен с учетом теории информационных волн. Новизна исследования обусловлена тем, что впервые идея гипермедиатекста связывается с уровневым подходом в обучении русскому языку как иностранному. Целью статьи является соотнесение понятия гипермедиатекста с формированием дискурсивной компетенции на разных уровнях владения русским языком как иностранным. Задачами – описание типовых медиатекстов разных информационных волн и соотнесение их с требованиями к формированию дискурсивной компетенции владения русским языком как иностранным. В основе исследования лежат методы функционально-стилистического описания функционально-семантических типов речи. Результат исследования показал, что медиатексты, представляющие информационный повод, являются текстами-повествованиями от 1-го лица с типичной информационной структурой, характерной для текста-нarrатива, что делает возможным их использование при обучении русскому языку как иностранному на уровне В1. Первая информационная волна реализуется в виде текстов, пересказывающих информационный повод в текстах-повествованиях от 3-го лица, и текстов-интервью, что соответствует требованиям к уровню владения дискурсивной компетенцией на уровнях В1 и В2. Вторая информационная волна представлена оценочными комментариями, эти тексты могут использоваться на уровне В2. В третью информационную волну входят эссе и комментарии побудительного характера, что соответствует уровню С1. В зависимости от способа выражения оценочной или побудительной интенции – эксплицитного или имплицитного – медиатексты второй и третьей волн могут использоваться для формирования дискурсивной компетенции владения языком на уровнях В2 или С1. Проведенный анализ показал высокий лингводидактический потенциал понятия гипермедиатекста в обучении русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: гипермедиатекст, информационные волны, типовой текст, уровни владения русским языком как иностранным

Для цитирования: Попова Т. И. Информационные волны и их текстовая реализация в медиадискурсе: лингводидактический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 50–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.719

ВВЕДЕНИЕ

Современный медиатекст как продукт цифровой эпохи отличается от текстов, функционировавших в доцифровую эпоху. Новые коммуникации порождают новые тексты, обладающие новыми характеристиками, такими как гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, синхронность-асинхронность общения, полисубъектность.

Медиакоммуникация в современных исследованиях понимается как непрерывно развива-

ющаяся, открытая, имеющая нелинейный характер многослойная сверхсложная структура информационных полей различных типов: Глобальной сети, СМИ, текстов, информационно-медийных личностей [4: 46]. Это открытое коммуникативное медиапространство организовано по принципу информационного поля, динамику которого задают информационные волны (термин А. В. Болотнова). В работах А. В. Болотнова разрабатывается типология информационных волн, основанная на характере реагирования

последующих медиатекстов на информационный повод [3].

Медиатексты, составляющие информационную волну, выполняют определенную функцию. Тексты первой информационной волны расширяют денотативный аспект ситуации, представленный в информационном поводе, за счет сообщения деталей ситуации. Тексты второй информационной волны связаны с оценочным комментированием и оценочным анализом ситуации текста-стимула. Тексты третьей информационной волны имеют побудительный характер, содержат призывы к поиску способа решения проблемы, предлагают варианты ее решения. Медиатексты оказываются связанными в единый гипермедиатекст новости, под которым понимается совокупность связанных общим информационным поводом сообщений в медиа разных каналов, типов, которые различаются по источнику и по времени поступления, но референциалью «перекликаются» [5: 363].

Идея гипермедиатекста представляется важной при отборе текстов в обучении русскому языку как иностранному, имеющему уровневый подход. Перспективность использования идеи информационных волн обусловлена текстоцентрическим подходом как основой обучения дискурсивной компетенции, связанной с умением понимать и порождать тексты определенной жанровой направленности. Каждому уровню владения русским языком как иностранным соответствует свой уровень коммуникативной компетенции, который определяет отбор ситуаций общения и речевых жанров, представляющих данную ситуацию.

Цель статьи – соотнести понятие гипермедиатекста с целями обучения текстовой деятельности (дискурсивной компетенции), проследить связь между использованием медиатекстов для формирования разных уровней коммуникативной компетенции иностранных обучающихся и медиатекстами разных жанров, презентирующими информационные волны разной степени удаленности от информационного повода.

В основе исследования лежит функционально-стилистическое описание функционально-семантических типов речи, разработанное на кафедре русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ [8], а также описание требований к содержанию и объему коммуникативной компетенции на разных уровнях владения русским языком как иностранным¹.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАТЕКСТА

Медиатекст по своей природе отвечает принципам отбора текста в обучении РКИ, признается актуальным и эффективным средством обучения в медиаобразовании [2], [7]. Медиатекст обладает такими характеристиками, как тиражируемость, повторяемость, стереотипность, взаимозаменяемость [6], позволяющими использовать его в качестве типовых текстов. Идея типового учебного текста нашла широкое распространение в теории и практике профессионально направленного обучения русскому языку как иностранному в 70–80-е годы XX века. Под учебным типовым текстом понимался «смоделированный инвариант множества однотемных текстов, отражающих однородные фрагменты действительности и обслуживающих однородные ситуации общения» [1: 77].

Наша идея состоит в том, что в аутентичном медиатексте, как и в учебном типовом тексте, содержится набор типовых информативных единиц (смысловых блоков), обязательных для текстов определенного содержания, а также набор лексико-грамматических средств, реализующих эти смыслы, что позволяет использовать его в обучении русскому языку как иностранному.

МЕДИАТЕКСТЫ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЛНЫ

Целеустановка медиатекста, предназначенного для популяризации информации, влияет на его содержательно-композиционное построение. Для медиасфера актуальны пять типов интенций: 1. Информировать (осведомлять); 2. Разъяснять с опорой на анализ и оценки; 3. Убеждать, рационально и эмоционально воздействуя; 4. Развлекать; 5. Привлекать и побуждать [9]. Каждый тип интенций в большей или меньшей степени проявляется в медиатекстах, относящихся к разным фазам информационных волн. Так, толчком для первой информационной волны служат, как правило, информативные, сюжетные, повествовательные медиатексты, базирующиеся на конкретных жизненных ситуациях, в основе которых лежит конфликт, проблемная ситуация повседневности. Медиатексты первой информационной волны соответствуют уровню владения русским языком В1. Примером такого медиатекста может служить пост в блоге Александра Черных «Московская бабушка»:

«(1) Вчера шел по станции метро “Пушкинская” и заметил, как возле газетного автомата стоит бабушка – совершенно классическая, в старом пальто и ярком платке. Стоит и внимательно смотрит куда-то в сторону журнала, как будто решает, купить – не купить.

(2) Подхожу и спрашиваю: “Бабушка, может, вам журнал купить?” А она неожиданно веселым голосом мне отвечает:

– Нет, что вы, я просто любуюсь Шарлем Азнавуром. Вот он тут какой на афише красивый, а я очень его песни люблю. Тут написано, что он в “Крокусе” будет выступать, а я не знаю, где это, ни разу в таком концертном зале не была. Вы не знаете?

(3) Неожиданно бабушка начала петь на эскалаторе песни Дассена – у нее оказался отличный голос и шикарное французское произношение. После “Елисейских полей” она спела “Et si tu n’existais pas”, потом “Je ne regrette rien”, которая оказалась еще пронзительнее, чем у Пиаф.

(4) Я спросил, как ее зовут, – а она ответила просто “Лида”, без всяких отчеств.

– А где вы так хорошо выучили французский?

– Да я совсем его не знаю, – засмеялась Лида. – Просто люблю песни петь. Знаете, в шестидесятые в библиотеках были такие специальные кабинеты. Приходишь, слушаешь пластинки в наушниках и запоминаешь. Очень модно было, мы все в них ходили.

(5) Поезд проехал, и я попытался снять на телефон, как она поет. Получилось не очень, слишком шумно было вокруг, и я попросил ее телефон – мол, приеду и запишу получше. Бабушка виновато сказала, что у нее нет телефона, но записала мой. Надеюсь, она все-таки позовонит и я свожу ее на Азнавура².

Данный медиатекст содержит все компоненты повествовательного текста от 1-го лица: ориентация – завязка – кульминация – развязка – кода. Для каждой части повествовательного текста характерны свои ССЦ.

В начале медиатекста (ориентация) представлено ССЦ-повествование (абзац 1), вводящее пространственно-временную локализацию говорящего и героев. Особенностью этих ССЦ является организация рассказа о событии с точки зрения одного воспринимающего лица, относительно которого представлены все дейктические элементы текста (здесь / сейчас, тогда / там).

В завязке (абзац 2) вводится противоречие, в данном случае несоответствие между обликом героини и ожиданий и предположений автора по поводу мотивов поведения героини (я просто любуюсь Шарлем Азнавуром). Для данного ССЦ характерно использование прямой речи героев.

Кульминация вводится словом неожиданно (абзац 3). ССЦ в этой части носит динамический характер, преимущественно используется акциональная доминанта в реме (бабушка начала петь по-французски). Развязка (абзац 4) также является неожиданной (Да я совсем его – французский язык – не знаю). Кода (абзац 5) представляет собой оценку ситуации автором, сожалеющим о том, что он не смог сделать хорошую запись пения.

Таким образом, медиатекст, дающий информационный повод для первой информационной волны, представляет собой повествовательный текст, в котором можно выделить типичные информационные блоки (представленные ССЦ): ССЦ – констатация положения дел к моменту рассказа, динамические ССЦ, ССЦ результирующие изменившееся положение дел и его оценку. Повествовательные медиатексты с четкой информационной структурой соответствуют требованиям к отбору текстов на уровне В1. Они позволяют вычленять содержательно-фактуальную информацию, эксплицитно представленную в тексте.

Медиатексты **первой информационной волны** расширяют денотативный аспект ситуации, представленный в информационном поводе, за счет сообщения деталей ситуации. С точки зрения жанрового разнообразия это могут быть вторичные информативные тексты от 3-го лица, пересказывающие событие, интервью с героями сюжета.

Рассмотрим вторичный медиатекст, представляющий то же самое событие в пересказе от 3-го лица в новостях сайта «Афиша» в материале «В Москве ищут бабушку, взорвавшую интернет» (18 марта 2015 года):

«Прошлым вечером журналист Александр Черных рассказал в своем фейсбуке о встрече с московской бабушкой по имени Лида, большой поклонницей Шарля Азнавура, неплохой певицей и просто приятным человеком. Запись пения бабушки набрала более 30 тысяч лайков в фейсбуке, о ней написали сразу несколько СМИ, а сегодня стало известно, что Шарль Азнавур, который будет выступать в Москве 22 апреля, хочет встретиться с Лидой лично.

Журналист встретил женщину у газетного киоска на “Пушкинской”. Он предложил купить ей журнал, но она призналась, что просто рассматривает афиши концерта Шарля Азнавура. Двое разговорились, бабушка рассказала, что очень любит французские песни, а затем спела Черных несколько любимых, обнаружив при этом приличное французское произношение.

Бабушка представилась Лидой, не сообщив свое отчество. Черных попытался записать пение бабушки на видео, но в метро было слишком шумно, поэтому он попросил телефон Лиды – чтобы приехать в другое время и записать лучше. “Бабушка виновато сказала, что у нее нет телефона, но записала мой. Надеюсь, она все-таки позовонит и я свожу ее на Азнавура в “Крокус” этот несчастный”, – написал журналист³.

Данный медиатекст первой информационной волны содержит интерпретацию поведения героев (журналист встретил женщину, он предложил ей, она призналась и т. д.). В отличие от повествования от 1-го лица, написанного в репродуктивном регистре (говорящий

является наблюдателем и участником ситуации), повествование от 3-го лица содержит вторичную информацию, которую журналист узнал из первичного источника. Данный текст содержит конструкции с косвенной речью, подчеркивающие информативный характер текста (*она призналась, что просто рассматривает афишу концерта Шарля Азnavura; бабушка рассказала, что очень любит французские песни*).

Особенностью медиатекста, представляющего информационный повод, является его тиражирование в медиасфере в течение одной-двух недель, в зависимости от актуальности (драматизма) события, что делает медиатексты, связанные с одним событием, удобными для поискового чтения на уровнях B1, B2, C1. Цель поискового чтения будет обусловлена характером формируемых умений и навыков, отличающих каждый из названных уровней.

Для уровня B1 могут быть предложены задания, связанные с поиском развития сюжета, представленного в медиатексте (поиск бабушки, встреча с Азnavуrom и т. д.).

На уровне B2 интересен поиск информации, характеризующий героя сюжета (многочисленные интервью с бабушкой, появившиеся после первой публикации). Данные интервью содержат много страноведческой информации, объясняющей характер поведения журналиста, который первым рассказал о бабушке. Они дают представление о жизни в Советском Союзе, типичной биографии, работе, увлечениях, например, как в следующем интервью с героиней на РЕН ТВ (20 марта 2015 года):

«Москвичка Лидия Ивановна, которая с волнением ждет встречи с Шарлем Азnavуром, рассказала корреспондентам РЕН ТВ о своей жизни.

Родилась Лидия Ивановна в 1941 г., закончила 10 классов средней общеобразовательной школы, после чего пошла на платные курсы управления УПК (Учебно-производственный комбинат). Затем она работала в Райсобесе.

Женщина признается, что музыкой никогда серьезно не занималась:

“Никогда и не думала. Ни по каким концертам ни разу в жизни не ходила. Раньше был свой дом культуры. В праздники духовой оркестр играл, все танцевали, пели, самодеятельность была”.

На вопрос, где Лидия Ивановна выучила французский язык, москвичка говорит честно:

*“Я не выучила. Просто немножко запомнила произношение. Много раз повторяла. Мне просто нравится. По радио слышала. А теперь в домах радиоточки не ставят, наверное... Слов я не знаю, но могу любую песню спеть. А это совсем не французский. Это просто я так запомнила... Французский язык – он такой легкий, приятный”*⁴.

Дополнительная информация, полученная из интервью с героями, на уровне B2 может быть переработана в информационные тексты от 3-го лица.

Медиатексты **второй информационной волны** представляют собой тексты оценочного характера, это комментарии в блогах, эссе, где событие подвергается осмыслению и получает нравственную оценку. См. пример отрывка эссе Залины Маршенкуловой «Ищите бабушку», размещенном на сайте TJ (19 марта 2015):

«Почему тысячи людей, игнорирующие привычные призывы благотворительных организаций помочь нуждающимся старикам и детям, вдруг проснулись в посте о пожилой женщине, любящейся плакатом с французским шансонье?

*Потому что это красивая история и красивая загадочная бабушка: она не плачет, не просит, не причитает, не жалеет себя – она улыбается и пронзительно поет, слушает на Тверской уличных музыкантов и охотно общается. Это нечто с другой планеты, там, где весна и сказка, – и от этой мелодичной безмятежности сердце разрывается сильнее, чем от любого призыва помочь»*⁵.

В данном эссе представлен типичный текст-рассуждение с использованием вопросно-ответной конструкции. В тексте много оценочной лексики (красивая история, красивая загадочная бабушка, нечто с другой планеты и др.). Из этих текстов можно извлечь мнения блогеров и журналистов, на основе которых обучающийся может составить вторичные тексты: обзор мнений, проблемное эссе с эксплицитно выраженной оценкой, что соответствует требованиям к коммуникативным умениям на уровне B2.

Третья информационная волна представлена медиатекстами побудительного характера, содержащими призывы к поиску способа решения проблемы. Рассматриваемый нами информационный повод вызвал медиатексты и третьей информационной волны. К ним можно отнести пост самого Александра Черных, который перепечатали многие газеты, например «Комсомольская правда»:

*«Может, это не очень по теме, но когда я читал эти письма и комментарии с предложениями помочь, то очень хотел рассказать о том, как мы все можем помочь другим людям. Многие не знают, но существует организация “Старость в радость” – она помогает одиноким бабушкам и дедушкам, которые живут в домах престарелых. Ребята покупают им лекарства, одежду, какие-то вкусности, а главное – приезжают и общаются с ними. Все это делается на пожертвования силами волонтеров. И я буду очень благодарен, если вы переведете им хотя бы сто рублей – это очень поможет десяткам одиноких стариков. Может, это не такая милая помощь, как поющей бабушке, но, правда, это очень важно»*⁶.

Для медиатекстов третьей информационной волны характерно осмысление события как социальной проблемы, которую можно решить. Для таких медиатекстов характерна модальность возможности (*все можем помочь другим людям*), а также волонтизмический регистр, представленный в данном тексте призывом (*И я буду очень благодарен, если вы переведете им хотя бы сто рублей*). Медиатексты третьей информационной волны могут служить основой для написания эссе, постов в соцсетях, собирающих помочь; материалом для дискуссий, что составляет основу коммуникативной компетенции владения РКИ на уровне С1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, медиатексты трех информационных волн, входящих в гипермедиатекст, обнаруживают четкую закономерность в жанровом отношении: повествование о событии от 1-го лица – пересказ события от 3-го лица – детализация в прямой речи в интервью с героем события – оценочный комментарий события как бытового события – оценка события как социального явления – призыв к решению социальной проблемы. Обладая такими характеристиками, как повторяемость и стереотипность, медиатексты могут выступать в качестве типовых текстов при обучении РКИ.

Способность медиатекста к тиражированию позволяет в рамках одного информационно-

го повода формировать дискурсивную компетенцию во владении разными типами текста: описание, повествование, объяснение, рассуждение, инструкция (советам, рекомендациям). Тексты, связанные одним новостным сюжетом, являются текстами разной степени сложности, что позволяет обсуждать один сюжет в группах обучающихся разных уровней владения РКИ: содержательно-фактуальную информацию – на уровне В1, содержательно-оценочную информацию – на уровне В2, концептуальную информацию – на уровне С1. Медиатекст определенной сложности служит текстом-образцом речевого жанра и стимулом для устной или письменной реакции, студенты могут порождать собственный гипермедиатекст. В качестве заданий на создание медиатекстов первой информационной волны можно предложить: пересказ сюжета от 3-го лица (в устной / письменной форме); продолжение сюжета; интервью с героем. Заданиями на создание медиатекстов второй информационной волны могут быть задания на написание оценочного комментария к посту в блоге, комментария к теленовости, комментария к интервью. В качестве заданий по формированию дискурсивной компетенции по созданию текстов третьей информационной волны можно предложить создать страницу в социальных сетях с целью привлечения внимания к решению социальной проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Например, Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Т. А. Иванова, Т. И. Попова, К. А. Рогова и др. СПб.: Златоуст, 1999. 40 с.
- 2 Блог Александра Черных на FB. Пост «Московская бабушка». 17 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.facebook.com/gorod095> (дата обращения 14.11.2021).
- 3 В Москве ищут бабушку, взорвавшую интернет. 18 марта 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gorod.afisha.ru/news/10864/> (дата обращения 14.11.2021).
- 4 Московская пенсионерка, покорившая мир французскими песнями, учила их 50 лет назад. 20 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ren.tv/news/v-rossii/24504-moskovskaia-pensionerka-pokorivshaiamir-frantsuzskimi-pesniami-uchila-ikh-50-let-nazad> (дата обращения 14.11.2021).
- 5 Залина Маршенкулова «Ищите бабушку». 19 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tjournal.ru/paper/cherchez-la-babushka> (дата обращения 14.11.2021).
- 6 Шерше ля бабушка-2: Шарль Азnavур сам встретится с москвичкой Лидой. 18 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.msk.kp.ru/daily/26352/3237500/> (дата обращения 14.11.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы теории и практики преподавания русского языка как иностранного в современной образовательной парадигме: Коллективная монография / Е. Л. Бархударова, Д. Б. Гудков, Л. П. Клобукова, Л. В. Красильникова, И. В. Одинцова, Ф. И. Панков; Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, филологический факультет. М.: МАКС Пресс, 2018. 168 с.
2. А постолиди А. А., Ремчукова Е. Н. Образовательные практики в высшей школе: новостной медиатекст как актуальный лингводидактический ресурс // Ценности и смыслы. 2019. № 6 (64). С. 37–53. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10095
3. Болотнов А. В. Информационное поле медийной языковой личности и ее идиостиль // Медиалингвистика. 2015. № 4 (10). С. 51–59.
4. Болотнов А. В. О некоторых закономерностях формирования информационных волн в современном медиадискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 11 (188). С. 46–52.
5. Дускаева Л. Р. Гипермедиатекст новости // Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник / Под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 363–368.

6. Красноярова О. В. Медийный текст: его особенности и виды // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 3 (71). С. 177–181.
7. Нестерова Н. Г., Фашанова С. В. Радиотекст в аспекте медиаобразования // Медиалингвистика. 2017. № 3 (18). С. 64–74.
8. Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания / Под общ. ред. К. А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2017. 320 с.
9. Шмелева Т. В. Медийное речеведение: Сб. ст. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394527055_0816.pdf (дата обращения 14.11.2021).

Поступила в редакцию 15.11.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Tatiana I. Popova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORSID 0000-0002-8131-2158; t.popova@spbu.ru

INFORMATION WAVES AND THEIR TEXTUAL IMPLEMENTATION IN MEDIA DISCOURSE: LINGUISTIC AND DIDACTIC ASPECTS

A b s t r a c t. The article deals with the topical issue of organizing an open communicative media space on the principle of an information field, the dynamics of which are set by information waves. The author of the article focuses on the problem of selecting standard texts when teaching Russian as a foreign language. This selection can be carried out with the base of the theory of information waves. The novelty of the study is due to the fact that for the first time the idea of the hypermedia text is associated with the level approach in teaching Russian as a foreign language. The article is aimed at correlating the concept of the hypermedia text with the formation of discursive competence at different levels of proficiency in Russian as a foreign language. The tasks of the article are to describe typical media texts of different information waves and correlate them with the requirements for the formation of the discursive competence in Russian as a foreign language. The study is based on the methods of functional-stylistic description of functional-semantic types of speech. The result of the study showed that media texts representing an information occasion are narrative texts written in the first person with a typical information structure characteristic of the narrative text, which makes it possible to use them when teaching Russian as a foreign language at the B1 level. The first information wave is implemented in the form of texts that render the information occasion as third-person narrative texts and interview texts, which fits the requirements for the level of discursive competence at the B1 and B2 levels. The second information wave is represented by evaluative comments; these texts can be used at the B2 level. The third information wave includes essays and comments of an inducing nature, which corresponds to the C1 level. Depending on how the evaluative or inducing intention is expressed – explicitly or implicitly – the media texts of the second and third waves can be used to form discursive competence of language proficiency at the B2 or C1 levels. The analysis showed a high linguistic and didactic potential of the concept of the hypermedia text in teaching Russian as a foreign language.

Key words: hypermedia text, information waves, standard text, levels of proficiency in Russian as a foreign language

For citation: Popova, T. I. Information waves and their textual implementation in media discourse: linguistic and didactic aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):50–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.719

REFERENCES

1. Current issues of the theory and practice of teaching Russian as a foreign language in the modern educational paradigm: Collective monograph (Barkhudarova, E. L., Gudkov, D. B., Klobukova, L. P., Krasilnikova, L. V., Odintsova, I. V., Pankov, F. I.). Moscow, 2018. 168 p. (In Russ.)
2. Apostolidi, A. A., Remchukova, E. N. Practices in higher education: news media text as a relevant linguo-didactic resource. *Values and Meanings*. 2019;6(64):37–53. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10095 (In Russ.)
3. Bolotnov, A. V. Informational field of media language personality and its idiosyncrasy. *Media Linguistics*. 2015;4(10):51–59. (In Russ.)
4. Bolotnov, A. V. Some regularities of informational waves forming in up-to-date media discourse. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017;11(188):46–52. (In Russ.)
5. Duskaeva, L. R. Hypermedia text news. *Medialinguistics in terms and concepts: Reference dictionary*. (L. R. Duskaeva, Ed.). Moscow, 2018. P. 363–368. (In Russ.)
6. Krasnoyarskaya, O. V. Media text: its characteristics and types. *Bulletin of Irkutsk State Academy of Economics*. 2010;3(71):177–181. (In Russ.)
7. Nesterova, N. G., Fashchanova, S. V. Radio text in the context of media education. *Media Linguistics*. 2017;3(18):64–74. (In Russ.)
8. Functional and semantic units of speech: typology, initial models and principles of deployment. (K. A. Rogova, Ed.). St. Petersburg, 2017. 320 p. (In Russ.)
9. Shmelova, T. V. Media speech studies: Collection of articles. Available at: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394527055_0816.pdf (accessed 14.11.2021) (In Russ.)

Received: 15 November, 2021; accepted: 20 December, 2021

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ВЕСЕЛОВСКАЯ

кандидат филологических наук, главный эксперт лаборатории когнитивных и лингвистических исследований

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5163-5650; veselovskayats@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей цифрового учебного текста, которые влияют на подход при его анализе в аспекте мультимодальности. В настоящее время цифровые тексты активно используются в образовательном контексте. Они имеют ряд отличительных особенностей на уровне структуры и содержания, что влияет на их понимание и запоминание учащимися. Это делает феномен цифрового текста актуальным объектом изучения в лингвистическом аспекте. Новизна исследования заключается в разработке теоретического подхода к анализу цифровых учебных текстов. Цель статьи – описать ключевые характеристики и особенности подходов к исследованию цифрового текста как сложного семиотического объекта. Для достижения цели были применены теоретические и практические методы исследования. Были проанализированы и обобщены работы, посвященные лингвистическим и дискурсивным особенностям цифрового текста, что позволило выделить существенные параметры для анализа. Также были собраны качественные данные с помощью опроса среди преподавателей-практиков, применяющих цифровые учебные тексты. Проведенное исследование показало, что мультимодальный анализ текста является наиболее перспективным направлением при изучении цифровых учебных текстов, так как дает возможность анализировать не только отдельные модальности, но и их единство, учитывая множественные и разноуровневые связи между ними. Для будущих исследований такой подход позволяет конструировать высокоточный стимульный материал для сбора эмпирических данных.

Ключевые слова: цифровой текст, цифровое чтение, учебный текст, мультимодальный анализ, мультимодальность

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14148.

Для цитирования: Веселовская Т. С. Особенности исследования цифровых учебных текстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 56–62. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.718

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация обусловила значительное изменение повседневных коммуникативных практик современных людей: появились новые жанры, старые изменились, передача информации осуществляется с помощью разных каналов, взаимодействующих друг с другом. Также цифровизация оказала существенное влияние на организацию учебного процесса. Особенно ярко данная примета времени проявилась после пандемии 2019 года под воздействием вынужденного перехода к дистанционному формату обучения. Виртуальное пространство перестало восприниматься как источник преимущественно развлекательного контента, а на время стало единственным источником знаний. Цифровые учебные ресурсы и цифровые тексты заняли прочные позиции в учебном процессе, что повлияло на смену поведенческих паттернов

и стратегий чтения у учащихся. В рамках цифровой трансформации образования закономерно встали вопросы о создании качественно новых учебных материалов. Совокупность данных факторов обусловила возросший интерес к исследованию цифровых учебных текстов.

Для выстраивания максимально эффективного образовательного процесса крайне важно, чтобы учебные цифровые тексты легко воспринимались и усваивались учащимися, соответствовали учебным целям и задачам. На восприятие и понимание цифрового учебного текста влияют лингвистические и паралингвистические параметры структурной организации текста (лингвистические параметры читабельности, наличие разных модальностей (включение видео- и аудиоматериалов в текст), наличие гиперссылок, представление части информации в виде статичной или анимированной

иллюстрации, веб-дизайн страницы с текстом и т. д.). Все это требует пристального внимания и привлечения широкого круга методов лингвистики и семиотики, нейропсихологии, психометрики и учебной аналитики, включая статистический анализ веб-данных и данных айтреинга. Это поможет сформулировать объективные выводы о природе цифрового чтения на русском языке и позволит предложить рекомендации по созданию цифровых образовательных ресурсов нового поколения.

Целью статьи является описание подходов к изучению цифровых учебных текстов в зависимости от их базовых характеристик, а также описание мультимодального анализа как перспективного подхода при создании теоретической рамки исследования цифровых текстов в образовательном контексте.

СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ ВОПРОСА

Исследованию цифрового чтения уделяется достаточно большое внимание в мировом научном сообществе, тем не менее эмпирические исследования цифровых учебных текстов по-прежнему представлены фрагментарно. Однако за последнее время заметен рост экспериментальных работ по исследованию особенностей цифровых текстов в сравнении с традиционными (бумажными) текстами именно в образовательном контексте.

В данной работе под цифровым учебным текстом понимается текст в цифровом формате, который по структуре является линейным или нелинейным (несплошным) и обладает следующими ключевыми характеристиками: гипертекстовость (может включать гиперссылки разного типа, объединенные общим содержанием); мультимодальность (включает интегрированные медиаобъекты, представленные разными модальностями: вербальной, аудиальной, визуальной); интерактивность (обеспечивает с помощью цифровых инструментов возможность читателя взаимодействовать с автором и с текстом). Каждая из данных характеристик может быть теоретически рассмотрена и эмпирически проанализирована отдельно.

При определении характеристик цифрового учебного текста крайне важно отличать его от pdf-версии страницы бумажного учебника. Такой текст является оцифрованным, линейным, он не обладает феноменообразующими свойствами цифрового текста. Восприятие и понимание такого текста в большей степени сопряжены с ограничениями чтения с экрана, связанными с усталостью и быстрой утомляемостью, но при этом лишены преимуществ собственно

цифрового текста, связанных с мультимодальностью, интерактивностью, которые увеличивают мотивацию учащихся [16].

Чтение – ключевой навык, который во многом обуславливает академические результаты учащихся. Исследователи измеряют влияние конкретных лингвистических и семиотических переменных цифровых текстов, которые могут влиять на скорость чтения, качество запоминания прочитанного, глубину понимания прочитанного [4]. Также в приведенных эмпирических исследованиях не подтверждается мнение, что цифровое чтение менее эффективно, что оно более просмотровое по сравнению с традиционным чтением. С. Гаскойн и Дж. Парнелл обнаружили, что инофоны предпочитают для внеклассного чтения цифровые тексты чаще, чем носители. При этом их мотивация увеличивается, а доступность аутентичных текстов приводит к значительному увеличению объемов чтения [9]. Ученые приходят к мнению о разной природе цифрового чтения и чтения с листа. В частности, Р. Акерман и М. Голдсмит обнаружили разницу при информационном анализе текста и сделали вывод о том, что механизмы чтения отличаются [5]. Подобные выводы также были сделаны в исследовании Дж. Койро и Е. Доблера: ученые выяснили, что в процессе цифрового чтения активизируются новые стратегии, не задействованные при чтении с бумаги: поиск и проверка актуальности информации [8]. Иными словами, чтение цифровых текстов требует подключения дополнительных когнитивных процессов. В работе Дж. Ли показано, что зачастую студенты, имеющие возможность выбирать стратегии чтения, идут по более традиционному пути последовательного чтения текста (даже при наличии специальной навигационной системы внутри текста), так как боятся упустить важную информацию [13]. То есть они сознательно не переходят по гиперссылкам рандомно, не применяют скроллинг текста для ускорения восприятия информации.

Кроме того, в работе Г. Чен с соавторами показано, что формат чтения не является ключевым параметром, влияющим на его успешность [7]. Чем больше учащиеся читают в цифровом формате, тем они активнее используют новые стратегии чтения, делают это быстрее и эффективнее. Однако это не означает, что студенты начинают лучше понимать и запоминать информацию. На эти процессы влияет сознательный отбор учащимися метакогнитивных стратегий чтения, которые наилучшим образом коррелируют с поставленной задачей.

В исследованиях отдельно выделяется этап содержательного и структурного анализа цифровых учебных текстов в лингвистическом аспекте. Это крайне важно не только для решения фундаментальной научной задачи по исследованию феноменообразующих свойств цифровых текстов, но и для решения прикладной задачи по конструированию стимульных материалов или подбору аутентичных цифровых текстов для проведения экспериментов. Сама структура цифрового учебного текста влияет на стратегии чтения. Так, учащиеся больше времени тратят на обработку лингвистически плотных фрагментов текста, исследователи фиксируют большее количество возвратов к таким абзацам или предложениям. При этом количество возвратов к тексту уменьшается, если содержательно насыщенная информация находилась в первой трети текста, так как учащиеся воспринимали такую информацию при первом прочтении, руководствуясь так называемым F-паттерном при чтении цифровых текстов. F-паттерн – это своеобразный шаблон, по которому человек читает цифровой текст, воспринимая информацию преимущественно из первого абзаца, дочитывая строки до конца, затем до середины строки дочитываются строки абзацев, расположенных в центре, а последние абзацы бегло просматриваются. Такое чтение обусловило серьезные размышления исследователей об эргономических параметрах и сочетании их с лингвистическим наполнением цифровых учебных текстов [18].

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЦИФРОВОГО УЧЕБНОГО ТЕКСТА

Одной из основных особенностей цифровой коммуникации стало использование мультимодальности. Учитывая легкий доступ к изображениям, видеоклипам и подкастам, цифровые тексты часто являются мультимодальными. По этой причине анализ цифрового текста включает в себя анализ лингвистических, визуальных и аудиальных элементов. Говоря о цифровом тексте, мы сразу думаем не только о его содержательных (собственно лингвистических) характеристиках, но и о технических (на каком устройстве будет прочитан данный текст). Выше было показано, что ученые исследуют разницу в восприятии информации с разных носителей. Также чтение цифрового текста требует наличия специальных гаджетов, которые позволят данный текст воспроизвести. Кроме того, цифровой текст сразу включает в себя эксталингвистическую информацию, связанную с ситуативным контекстом чтения.

Учащиеся должны уметь понимать информацию, представленную в разных модальностях, уметь соотносить фрагменты информации с целью составить полное представление об изучаемой теме. Соотношение читательского опыта с тем, что прочитано в тексте, является отдельным важным навыком. Кроме того, собственный опыт и знания об окружающей действительности позволяют формулировать собственное отношение к прочитанному тексту.

Основными феноменообразующими характеристиками цифрового текста, отличающего его от бумажного текста, являются: гипертекстуальность, мультимодальность и интерактивность (возможность взаимодействия с текстом на усмотрение пользователя). Такие характеристики увеличивают мотивацию студентов, их увлеченность, но при этом обработка информации, представленной в таком формате, требует дополнительных усилий (объем рабочей памяти, когнитивная нагрузка).

В тексте может быть несколько гиперссылок, у каждой гиперссылки своя функция. Как указывает С. Петрони, гиперссылки функционально связаны с содержанием текста: гиперссылка может содержать переход к дополнительной информации, переход к подтверждающим данным (зачастую это ссылки на научные публикации в авторитетных изданиях), переход к примерам, переход для смены деятельности (например, переход по кнопке к выполнению теста), переход к отзывам и мнениям других людей по прочитанной информации, переход к выбору конкретных параметров (фильтров) поиска (данний тип относится к веб-сайтам и в меньшей степени подходит для цифровых учебных текстов) [15].

Включая гиперссылки и разные модальности для передачи информации в учебный текст, преподаватель конструирует примерную траекторию чтения текста учащимися. Однако проведенный опрос Х. Азмана и коллег [6], а также опрос на базе Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (2021 год), который был проведен автором среди преподавателей русского языка как иностранного, использующих в своей практике цифровые учебные тексты, показали, что ожидания преподавателей не оправдываются. Предугадать траекторию достаточно трудно, что вносит элемент хаотичности и непредсказуемости в учебный процесс, поэтому закономерно снижает мотивацию преподавателей вставлять в текст много гиперссылок или использовать более трех модальностей. В цифровом тексте информацию нужно подавать в особой последовательности,

исходя не из жанра, а из сущности самого цифрового текста. Так, самая важная информация должна быть расположена в начале текста, так как у учащихся есть тенденция не дочитывать строчки, и в какой-то момент чтение сводится к скроллингу (чтение только ключевых слов во время обычно ускоренного прокручивания текста). Исследования восприятия структуры цифрового учебного текста особенно актуальны, так как позволяют создавать эргономичный дизайн, положительно влияющий на академическую успеваемость учащихся.

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Мультимодальный анализ включает рассмотрение всех аспектов цифрового учебного текста, изучение способов и закономерностей создания значений при помощи различных семиотических средств. Он предполагает выделение структур, необходимых для осмысливания содержания текста в его целостности.

Возникновение междисциплинарных исследований на стыке лингвистики, семиотики, философии языка принято связывать с хрестоматийной работой М. Халлидея «Язык как социальная семиотика: социальная интерпретация языка и значения» [11], где ученый выдвинул тезис о важности исследования языка в ситуативном контексте. Таким образом, современное понимание мультимодального анализа базируется на системно-функциональной грамматике М. Халлидея [10] и его последователей [17].

Г. Кресс и Т. Ван Леувен разрабатывали понятие мультимодальности и ввели в научный обиход термин *мультимодальный дискурс* [12]. При мультимодальном подходе все модусы оформлены как одна семантическая область. Г. Кресс считает мультимодальными явлениями те, в которых осуществляется взаимодействие между верbalными фрагментами текста и изображениями, видео, речью и жестами, размером и цветом текста.

В российском научном контексте понятие мультимодальности во многом связано с подходом А. А. Кибрика, который развивал идею мультимодальной лингвистики [2]. Суть этого подхода заключалась в необходимости и важности анализировать коммуникацию в единстве просодии, вербального компонента и мимики / жестов. Впоследствии этот тезис был в полной мере реализован в масштабном проекте по созданию мультимодального корпуса «Рассказы и разговоры о груше». Данный подход видится наиболее целесообразным и при анализе совокупности различных мо-

дальностей, представленных в цифровом учебном тексте, так как анализ каждого отдельного элемента не дает возможности увидеть всю картину, пространственно-временные константы, организованные в специфичные формы. Работы по анализу текстов в мультимодальном аспекте ведутся в рамках журналистики, анализируются тексты новых жанров [1]. Знаковым явлением по осмысливанию новых форматов взаимодействия в рамках медиа стала работа Л. Мановича [14]. При этом в образовательном контексте анализ цифровых учебных текстов в таком аспекте пока не реализован достаточно последовательно. Ученые выделяют некоторые системно-структурные единицы, но методология находится на стадии теоретического осмысливания и становления.

Цифровой текст – это сложное семантическое единство, которое требует всестороннего комплексного анализа. Лингвистический аспект анализа цифровых текстов включает выделение лингвистических параметров, влияющих на сложность текста. К лингвистическим параметрам относятся: лексические (процент частотных слов, уровень абстрактности слов, процент эмотивной лексики и др.), грамматические (наличие потенциально сложных грамматических форм (например, причастия, деепричастия, формы пассива)), а также традиционные метрики текста (средняя длина слова и предложения, количество слогов в слове), синтаксические параметры текста (число актантов, глубина синтаксических связей и др.), семантические параметры (принадлежность к тематическим группам, семантико-стилистическая специфика текста). Дискурсивные параметры связаны с анализом глубины дискурсивной структуры текста. Также при дискурсивном анализе исследуются степень разнообразия дискурсивных отношений в тексте, количество отношений типов аргументации (cause-effect, condition, purpose, concession), ссылки на источники информации и другие мнения (attribution), сопоставления (contrast, comparison). К семиотическим параметрам текста, доступным для анализа, можно отнести: вербальные компоненты, статические иллюстрации, звуковые и движущиеся изображения. Учет всех указанных параметров позволяет охарактеризовать цифровой учебный текст наиболее полно. При этом важный фокус мультимодального анализа состоит в связности процедуры анализа, при которой компоненты цифрового текста анализируются с учетом существующих взаимосвязей между модальностями текста.

При мультимодальном анализе отдельно необходимо учитывать параметры, которые оказывают существенное влияние на восприятие текста, а также на набор (репертуар) стратегий чтения, – тип текста и установка на чтение. Тип текста может быть учебный, научно-популярный, художественный. Так, художественный текст требует большего погружения в материал, в детали описаний, при чтении такого текста важно обращать внимание на художественные средства выразительности, которые выбрал автор. Учебный текст также требует погружения в материал, но не с целью наслаждения, а с целью запоминания максимального количества информации. Предположительно скорость чтения художественного текста будет выше, но цифровой формат будет менее привычен при чтении такого типа текстов. Перед текстом может быть дана специальная установка, например, поиск ответа на конкретный вопрос или поиск мнения конкретного человека. В таком случае эта установка может повлиять на процесс чтения. При проведении экспериментов по исследованию естественного поведения при чтении цифровых текстов зачастую учащимся предлагается прочитать текст без установки. А затем результаты сравниваются с данными, полученными при чтении текста с разными установками.

Цифровой текст достаточно гибок, различные его параметры, такие как размер, шрифт, цвет и контрастность, определяющие способ представления контента учащимся, могут быть изменены в соответствии с их потребностями. Некоторые функции могут быть представлены одновременно: выделение, увеличение размера шрифта и словарь (возможность получить перевод или толкование слова онлайн). Также мобильность и гибкость цифрового учебного текста проявляются в подаче информации с помощью полуофициального регистра, обусловленного особенностями устно-письменной коммуникации в понимании В. Г. Костомарова [3]. В частности, используется дейктическое наречие «здесь», которое оформляется в виде гиперссылки. Сами гиперссылки расширяют текст, предоставляя больше информации и подкрепляя изложенные идеи.

Совокупность всех этих параметров не может быть учтена при разрозненном анализе цифрового учебного текста. Мультимодальный подход к анализу цифрового учебного текста представляется наиболее целесообразным, поскольку по-

зволяет исследовать данные, поступающие по различным каналам восприятия информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная система образования должна способствовать созданию наиболее эффективных способов достижения учебных целей, задач и комфортных условий обучения. Использование корректно сконструированных в лингвистическом аспекте цифровых учебных текстов на занятиях позволяет выстраивать грамотную образовательную траекторию. Однако полученные нами данные требуют дальнейшей разработки и уточнения. Также необходимо разработать алгоритм работы с цифровыми учебными текстами, которые включают значимую информацию, переданную разными модальностями. Грамотный учет особенностей структуры цифрового учебного текста позволяет поддерживать мотивацию студентов на высоком уровне, получать высокие образовательные результаты.

Дальнейшие экспериментальные исследования в области изучения цифровых текстов должны быть проведены на стимульном материале, отличающемся структурно по ряду лингвистических особенностей, присущих тексту. С одной стороны, использование аутентичных материалов на занятиях имеет ряд преимуществ, с другой стороны, учебные цели достигаются последовательно при целенаправленной работе с конкретным аспектом цифрового текста. Так, при фокусе на гипертекстовость как ключевую характеристику цифрового текста целесообразно конструировать тексты, содержащие различные типы гиперссылок. Это позволит сделать выводы о каждой отдельной характеристике цифрового текста, ее потенциальной методической эффективности.

Для проведения эмпирических исследований крайне важно создавать корректный стимульный материал, так как это напрямую влияет на результаты полученных данных. При отборе, подборе и конструировании цифровых учебных текстов применение мультимодального анализа позволяет определить зоны интереса, в которых потенциально будет (или должно быть) зафиксировано нестандартное поведение респондентов, а также сформулировать точные вопросы или установку на чтение. Это дает возможность в полной мере реализовать фундаментальное исследование, основанное на междисциплинарном подходе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дускаева Л. Р. Медиастилистика в России: традиции и перспективы // Журналистика и культура речи. 2011. № 3. С. 7–25.

2. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: Сб. науч. тр. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 135–152.
3. Костомаров В. Г. Дисплейный текст как форма сетевого общения // Russian Language Journal. 2010. Т. 60. С. 141–147.
4. Лебедева М. Ю., Веселовская Т. С., Купрещенко О. Ф. Особенности восприятия и понимания цифровых текстов: междисциплинарный взгляд // Перспективы науки и образования. 2020. № 4 (46). С. 74–98. DOI: 10.32744/pse.2020.4.5
5. Ackerman R., Goldsmith M. Metacognitive regulation of text learning: On screen versus on paper // Journal of Experimental Psychology: Applied. 2011. Vol. 17, No 1. P. 18.
6. Azman H., Mirzaeifard S., Amir Z. Hypermedia literacy: An insight into English as a foreign language online reading processes // Akademika. 2017. Vol. 87 (1). P. 207–220.
7. Chen G., Cheng W., Chang T., Zheng X., Huang R. A comparison of reading comprehension across paper, computer screens, and tablets: Does tablet familiarity matter? // Journal of Computers in Education. 2014. Vol. 1. P. 213–225. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40692-014-0012-z>
8. Coiro J., Dobler E. Exploring the online reading comprehension strategies used by sixth-grade skilled readers to search for and locate information on the Internet // Reading Research Quarterly. 2007. Vol. 42, No 2. P. 214–257. DOI: 10.1598/RRQ.42.2.2
9. Gascoigne C., Parneil J. Returning to reading: An online course in French offers a snapshot of L2 reading habits and trends // The Reading Matrix. 2016. Vol. 16 (2). P. 37–47.
10. Halliday M. A. K. An introduction to functional grammar. London: Arnold, 1985. 387 p.
11. Halliday M. A. K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.
12. Kress G. Multimodal discourse analysis // The Routledge handbook of discourse analysis. (J. P. Gee, M. Handford, Eds.). Oxon and New York: Routledge, 2012. P. 35–50.
13. Li J. Development and validation of second language online reading strategies inventory // Computers & Education. 2020. Vol. 145. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.103733
14. Manovich L. The language of new media. Ad Marginem, 2018. 400 p.
15. Petroni S. Language in the multimodal web domain. Roma: Aracne, 2011. P. 108–109.
16. Thoermer A., Williams L. Using digital texts to promote fluent reading // The Reading Teacher. 2012. Vol. 65, No 7. P. 441–445. DOI: 10.1002/TRTR.01065
17. Thompson G. Systemic-functional grammar // Key ideas in linguistics and philosophy of language. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 273 p.
18. Walker S., Black A., Bessemans A., Bormans K., Renckens M., Barratt M. Designing digital texts for beginner readers // Learning to Read in a Digital World. 2018. No 17. DOI: 10.1075/swll.17.02wal

Поступила в редакцию 29.11.2021; принята к публикации 27.12.2021

Original article

Tatyana S. Veselovskaya, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Language and Cognition Laboratory, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5163-5650; veselovskayats@gmail.com

FEATURES OF DIGITAL EDUCATIONAL TEXT ANALYSIS

A b s t r a c t. This paper describes the features of digital educational text which affect the approach to its analysis in the aspect of multimodality. Currently, digital texts are actively used in educational contexts. Such texts have a number of distinctive features at the level of structure and content, which affects students' comprehension and perception. This makes the phenomenon of digital text a relevant object for study in the linguistic aspect. The novelty of the research refers to developing a theoretical approach to the digital educational text analysis. The main objective of this paper is to describe the key characteristics and peculiarities of the approaches to the study of digital texts as a complex semiotic object. Both theoretical and practical research methods were applied to achieve the aim of the study. Studies on the linguistic and discursive features of digital text were analyzed and summarized to identify the essential parameters for analysis. Qualitative data were collected through a survey among teachers using digital educational texts. The study revealed that multimodal text analysis is the most promising direction of digital educational text analysis, since it enables to analyze not only separate modalities, but also their unity, taking into account multiple and multilevel connections between them. This approach will let future researchers to create highly accurate stimulus materials for empirical data.

Key words: digital text, digital reading, educational text, multimodal analysis, multimodality

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (project No 19-29-14148).

For citation: Veselovskaya, T. S. Features of digital educational text analysis. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):56–62. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.718

REFERENCES

1. Duskaeva, L. R. Media stylistics in Russia: traditions and perspectives. *Journalism and Culture of Speech*. 2011;3:7–25. (In Russ.)
2. Kibrik, A. A. Multimodal linguistics. *Cognitive research: Collection of articles*. Moscow, 2010. P. 135–152. (In Russ.)
3. Kostomarov, V. G. Display text as a form of web communication. *Russian Language Journal*. 2010;60:141–147. (In Russ.)
4. Lebedeva, M. Yu., Veselovskaya, T. S., Kupreshchenko, O. F. Features of perception and understanding of digital texts: interdisciplinary view. *Perspectives of Science and Education*. 2020;46(4):74–98. DOI: 10.32744/pse.2020.4.5 (In Russ.)
5. Ackerman, R., Goldsmith, M. Metacognitive regulation of text learning: On screen versus on paper. *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2011;17(1):18.
6. Azman, H., Mirzaeifard, S., Amir, Z. Hypermedia literacy: An insight into English as a foreign language online reading processes. *Akademika*. 2017;87(1):207–220.
7. Chen, G., Cheng, W., Chang, T., Zheng, X., Huang, R. A comparison of reading comprehension across paper, computer screens, and tablets: Does tablet familiarity matter? *Journal of Computers in Education*. 2014;1:213–225. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40692-014-0012-z>
8. Coiro, J., Dobler, E. Exploring the online reading comprehension strategies used by sixth-grade skilled readers to search for and locate information on the Internet. *Reading Research Quarterly*. 2007;42(2):214–257. DOI: 10.1598/RRQ.42.2.2
9. Gascoigne, C., Parnell, J. Returning to reading: An online course in French offers a snapshot of L2 reading habits and trends. *The Reading Matrix*. 2016;16(2):37–47.
10. Halliday, M. A. K. An introduction to functional grammar. London, 1985. 387 p.
11. Halliday, M. A. K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London, 1978. 256 p.
12. Kress, G. Multimodal discourse analysis. *The Routledge handbook of discourse analysis*. (J. P. Gee, M. Handford, Eds.). Oxon and New York, 2012. P. 35–50.
13. Li, J. Development and validation of second language online reading strategies inventory. *Computers & Education*. 2020;145. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.103733
14. Manovich, L. The language of new media. Ad Marginem, 2018. 400 p.
15. Petroni, S. Language in the multimodal web domain. Roma, 2011. P. 108–109.
16. Thoermer, A., Williams, L. Using digital texts to promote fluent reading. *The Reading Teacher*. 2012;65(7):441–445. DOI: 10.1002/TRTR.01065
17. Thompson, G. Systemic-functional grammar. *Key ideas in linguistics and philosophy of language*. Edinburgh, 2009. 273 p.
18. Walker, S., Black, A., Bessemans, A., Bormans, K., Renckens, M., Barratt, M. Designing digital texts for beginner readers. *Learning to read in a digital world*. Amsterdam, 2018. 252 p. DOI: 10.1075/swll.17.02wal

Received: 29 November, 2021; accepted: 27 December, 2021

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА ЗАХАРОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры общетеоретических дисциплин и русского языка как иностранного Института международного образования

Тульский государственный университет (Тула, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9191-9922; nadine1967@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ, КОГНИТИВНО-ОБРАЗНОЕ И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «ТУЛЬСКИЙ ПРЯНИК»

Аннотация. Актуальным как в научном, так и общекультурном значении является описание элементов культуры, которые нашли отражение не только в общенациональной, но и в региональной языковой картине мира. Изучение региональной концептосферы, находящей вербализацию в национальном паремиологическом фонде, топонимике, прецедентных именах и текстах, содержащих исторические и современные реалии города, помогает раскрыть и описать языковую личность туляка как представителя российского социума. Целью статьи является лингвокультурологическое описание содержания и структуры концепта «тульский пряник» как элемента русской национальной картины мира, выступающего средством вербализации национальной культуры, коммуникативных стратегий и тактик представителей русского этноса. Материалом для исследования послужили традиционные надписи на тульских пряниках, национальный (в том числе региональный) паремиологический фонд, данные Национального корпуса русского языка. Произведен лингвокогнитивный анализ информационного, образного и прагматического полей указанного концепта. Изучение в иноязычной аудитории описания «тульский пряник» как знака, составляющего предметный код национальной культуры, раскрывает носителю другой культуры русские национальные прескрипции, коммуникативные тактики, формирует умения понимать и анализировать смысл и интенциональную наполненность действий представителей русской культуры, правильно и гармонично выстраивать свое коммуникативное поведение в русскоязычной среде.

Ключевые слова: лингвокультурологический концепт, оним, тульский пряник, этнонациональная картина мира, коммуникация, лингвострановедение

Для цитирования: Захарова Н. Н. Информационное, когнитивно-образное и прагматическое поле концепта «тульский пряник» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 63–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.717

ВВЕДЕНИЕ

Лингвокультурологический подход трактует концепт как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [12: 43], и предполагает путь исследования от культуры к коллективному и индивидуальному сознанию, не только к ментальным, но и коммуникативно-деятельностным сторонам личности [3: 398]. Концепт «тульский пряник» является одновременно элементом региональной и общенациональной языковой картины мира.

Источником формирования региональной когнитивной и языковой картины мира выступают:

- знания, полученные человеком в результате его практической деятельности [2], [7];
- опыт взаимодействия с материально-предметным миром и социальной коммуникации [1], [2], [14];

– знания, полученные путем освоения национальной культуры и различных способов ее репрезентации: моделей и норм социального поведения, характера, способов производства предметов материальной культуры, идеологем, ценностных ориентаций, оценочных прескрипций, стратегий организации межперсональных отношений, архитектоники городского пространства, различных форм искусства, говорящих с жителями знаками, важными для данного локуса;

– знания, которые представляют собой вербализацию посредством родного языка и речевой практики (в том числе и через текстовое пространство) когнитивных моделей, существующих в данном этносоциуме [6], [13], [15].

Региональная концептосфера представляет собой совокупность важных для данного локуса прецедентных имен, событий, понятий, из которых складывается коллективный образ города. Для иностранного учащегося провинциальная культура выступает живым и реальным отражением русской ментальности, традиционных социальных ритуализованных действий, коммуникативных практик в близкой среде, где представителю иной культуры приходится выстраивать свой образ жизни и поведения в течение нескольких лет. Региональная концептосфера, построенная вокруг концепта «Тула», входит в качестве элемента в две коррелирующие структуры сознания: когнитивную (таксономическое деление и описание категориальных и периферийных признаков объекта) и оценочно-прагматическую (систему признаков, включающих этот объект в оценочное поле и определяющих способы оперирования этим объектом, в том числе способы организации социального взаимодействия) [4: 93].

Тульский пряник не есть просто продукт, так же как и его печатание не есть только одно из старинных ремесел. Он представляет собой национальное явление, в котором материальная культура является элементами архаичной, во многом мифологичной картины мира, когда смыслообразование рождалось в процессе выполнения ритуализованных или обрядовых действий. В прянике все пронизано символикой, все обращает наш взор к основаниям национальной культуры: и форма, и рисунок, и ингредиенты пряничного теста, и традиционные «печатные» надписи, и его включенность в социально-бытовую коммуникацию.

* * *

Информационное поле концепта «тульский пряник» указывает на основные признаки предмета номинации: самый известный в России региональный вид печатного пряника – сладкого круглой, прямоугольной и другой формы пряного печенья, изготовленного из натуральных продуктов – муки, яиц, молока, меда с начинкой внутри (из фруктового джема), покрытого сверху коричневой и белой глазурью с национальным (региональным) рисунком, орнаментом и надписью, обычно представляющей собой благопожелание.

Тульский пряник относится к предметному коду и включается в традицию русского чаепития, предполагающего неспешное, приятное дружеское времяпрепровождение за столом, угощение и обязательное доверительное общение. Для представителя иной культуры тради-

ционное русское чаепитие – это ситуация, в которой происходит не только узнавание тактик поведения коммуникативных партнеров, но и осмысление того, что привычная ситуация в другой бытовой культуре может наполняться знаками, этикетными формами, оценочными и этнокультурными коннотациями, которые стоят за прецедентным национальным поведением. Понимание не только номинативного, но и коннотативного блока семантики онима «тульский пряник» представителем другой культуры невозможно без освоения национальных прескрипций, сопровождающих чаепитие в России и частично вербализованных в языковых единицах, требующих комментирования. Назовем некоторые из них:

1. Допустимость в русской культуре необязательности упреждения о визите в гости вербализуется в таких выражениях, как «заходить / заскочить на чаек», «чайку попить».

2. Обычай накрывать чайный стол для гостей со стороны хозяина и обычай одаривать хозяина непрятательным угощением со стороны гостя. Эта традиция отражается в предметном и языковом коде: «гостинец», «сладости», «к чаю». Тульский пряник включается в этот ряд. Пряник рождался как определенный знакуважительных ролевых отношений партнеров в процессе коммуникации. Эту функцию у славянских народов издревле выполнял хлеб, который для земледельца означал жизнь («жито»), а значит, был даром Божиим. В. М. Мокиенко указывает на то, что изначальным было представление о Боге как о высшей силе, дарующей человеку материальные блага (белор. – збожже, польск. zboze – ‘добро, богатство, зерновой хлеб’, чешск. и слов. zbozi, zbozie – ‘имущество’ или с санскр. bhagas – ‘благо, счастье, благосостояние’, древнеинд. bhagah – ‘богатство, счастье’) [8: 134]. Во многих источниках присутствует указание на то, что само понятие рода выкристаллизовалось вокруг понятия «хлеб»: родные – это те, кто делят с тобой хлеб. В некоторых случаях пряник начинает заменять хлебный каравай. Так, во время сватовства, в предсвадебный период родители жениха привозили с собой в дом невесты округлый пряник с оттиснутыми на нем символическими узорами – квадратами с точкой посередине, кругами, волнистыми линиями – древними символами плодородия. Следует вспомнить немаловажный факт, что в Тульском крае было принято жениху и невесте разламывать пряник в знак обручения и единства доли вступающих в родство, пряники дарил жених невесте перед венчанием, пряники выпекались

перед свадебным торжеством и раздавались гостям в знак того, что молодым пора «в опочивальню», а гостям – покинуть дом («разгонные пряники») [11: 336]. Отведав пряники, гости тем самым желали молодым плодородия, а новая семья «напутствовала» гостей пожеланием богатства, благополучия и мира. По древнему обычаю человек, вкушивший хлеб в доме хозяина, не мог принести в дом разлад. Пряник становился символом единства мира – сообщества, в котором царит покой. Так складывалась «коммуникативная» знаковость пряника как символа миролюбивых отношений и русского гостеприимства, что отражается в паремиологии:

«Для друзей у Тулы – пряник, для врагов у Тулы меч»¹. – «Когда в Тулу приезжают, гостей пряником встречают»². – «Тульский край – пряничный рай»³. – «Пекут всем на удивление пряник тульский загляденье»⁴. – «Коли в гости ты идешь, пряничек с собой несешь!»⁵

Региональные паремии демонстрируют тот факт, что пряник и чай объединялись в одно смысловое единство, определяющее чаепитие как время гармонии, лада и улады в межличностных отношениях, что представляет собой значимую в ценностном отношении прескрипцию – мир и благо достигаются в процессе общения:

«С чая лиха (беды) не бывает»⁶. – «Чайку покушать да органчика послушать (милости просим)!»⁷ – «Чай не пить, так на свете не жить»⁸. – «Выпей чайку – забудешь тоску»⁹. – «Чай крепче, если он с добрым другом разделен»¹⁰. – «Я сижу, чай пью – и ты заходи, чай пей!»¹¹ – «Где есть чай, там и под елью рай»¹². – «За чаем не скучаем – по семь чашек выпиваем»¹³.

Последние паремии мы встречаем как печатные надписи на тульских пряниках. Прочтение этих надписей на прянике есть вступление в поле национальной бытовой культуры. Так национально-культурные традиции, pragmaticо-поведенческие стратегии транслируются через предметный, акциональный и языковой коды. Фрагменты языковой картины, представленные как надписи-прескрипции на тульском прянике, формируют представление об основной максиме коммуникации – благожелательности, которая, в свою очередь, гармонизирует жизнь человека и рождает представление о дружеской беседе как отголоске рая на земле.

Когнитивный образ в тульском прянике. Наличие в концепте образного компонента определяется нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода [9], [10]. Образный компонент состоит из вербализованного в се-

мантике языковых единиц конституента и невербализованной составляющей, которая может подпитываться мифами, легендами, оценочно-модальными текстами, закрепленными в локусном сознании и национальной памяти народа и имеющими прецедентный характер [6], [14].

Мы уже упоминали уподобление чаепития земному раю в пословицах. Обращаясь к традиционной надписи на тульском прянике «Тула – пряничный рай», открываем еще один фрагмент национальной картины мира: уподобление города раю отсылает к библейской семиосфере и говорит о стремлении выстроить вертикаль, в которой земное уподобляется горнему. Древняя мечта русского человека устроить гармонично земной порядок вещей – земной рай издавна находила свое отражение в поисках «земли обетованной» в существующем географическом пространстве, и традиционное для тульяков ремесло – изготовление печатных пряников с картинками-изображениями этого счастья или пожеланиями счастья – сближает образ обетованной земли с родной землей – тульской. Более того, основой для производства тульских пряников служит мед, который еще в славянской картине мира являлся символом сладкой, изобильной, счастливой жизни. Круговая (овальная) форма пряника тоже знаменует собой сообразность, гармоничность мира. Орнамент пряника, рифмованное сочетание «верхнего» и «нижнего» ярусов высказывания-надписи повторяют круговое вращение, усиливают перспективный образ гармонии, актуализируя мифологические представления о дуальном строении мира (верх / низ, начало / конец) и его совершенстве. Растительный орнамент символизирует землю, плодоносящую и изобильную. Традиционный рисунок на прянике – птица, похожая на петуха (или сказочную жар-птицу), символизирует верхний мир – небо, населенное божествами. В христианстве райская птица соединяла два мира – землю и небо, была символом человеческой души, устремленной к небесному. Традиционные надписи-пожелания – «Мир дому твоему», «Совет да любовь» – вербально поддерживают символику.

Прагматическое поле включает когнитивные признаки, которые подключают к информационному полю оценочный и pragmaticо-коммуникативный модус.

1. Коммуникативная нацеленность тульского пряника как символа дружеского расположения дарителя к одариваемому и благожелания находит свою экспликацию в традиционных надписях: «Желаем счастья!», «С праздником!»,

«С любовью», «Для тебя», «Для милых дам», «Дарю тому, кого люблю». Даже форма выполняет коммуникативную функцию: «золотой ключик» открывает двери в счастливое будущее, «сердце» говорит о симпатии к одариваемому, «подкова» желает удачи, «домик» символизирует семейное благополучие. Мы открываем символику русского «счастья», претворенную в предметный код. Пряник служит своеобразным оберегом для одариваемого.

2. Метафора «Тульский край – пряничный рай» вызывает в национальном сознании представление о счастливой, изобильной жизни и формирует позитивное отношение к собственной земле. Сохраняются традиционные надписи – «Подарок из Тулы», «Тульский сувенир», а также появляются новые, указывающие на преемственность традиции: «Пряники предки ели – и нам велели», «Тульский пряник – государь / Испечем его, как встарь», «Тульский гостинец», которые подсказывают гостям города положительный образ Тулы как изобильного и гостеприимного края. Эта модель отвечает потребности в «локусной» самоидентификации жителей Тулы. Образ Тулы генетически связан с понятием провинциальности, а значит, остается противопоставленным двум столицам и предполагает отличные от культуры мегаполиса, более «почвенные», более консервативные, более камерные формы культуры. Региональная культура представляет собой сложный субстрат из: 1) обиходно-бытовых тактик местного поведения, ориентированных на общероссийскую культуру и ее столичные прецеденты как эталоны, 2) более тесной связи с местными культурными традициями, 3) стремления к преувеличению значения местных культурно-исторических феноменов, вызванного желанием конкурировать со столицей, 4) ограниченного и спорадического контакта с культурой столиц и других регионов. «Тихость», спокойствие, консервативность, традиционализм провинциального города осознаются как особая ценность, наполняющая жизнь каждого туляка смыслом, позволяющая ощущать родной город «домом» бытия:

«Его привычный, тихий нрав / И времени спокойное теченье. / Знакомых встречное движенье... / Скажу “святое” – и буду лично прав. / Здесь нет столичной сути, / Пустого и напрасного волненья...» (стихи тульского студента П. Артамонова).

Провинциализм города признается как сохранение особой душевности, камерности:

«...мне кажется, что чем больше город, тем менее в нем остается души, меньше люди обращают внимание друг на друга. На мой взгляд, взаимопонимание,

взаимопомощь – основы гармоничного сосуществования людей, и в нашей маленькой Туле люди еще пытаются прислушиваться к чувствам окружающих» (из сочинения тульской студентки В. Корнеевой).

Эта гордость за мастеровитость, традиционность и провинциальную душевность реализуется не только в надписях, но и в изобразительной модальности пряника: в картинке и форме самовара, оружия, изображении Кремля как символа города-защитника, оружейного завода и т. п. [5: 103].

3. Тульский пряник – своеобразная страноведческая энциклопедия, знакомящая с достопримечательностями Тульского края, когда «картинка» и надпись – «Тула», «Куликово Поле», «Ясная Поляна», «Поленово» и т. п. – вербальный и изобразительно-художественный способы передачи этнокультурной информации и восхищения красотой родной земли.

4. Пряник выступает средством социальной коммуникации. Еще с XIX века известна традиция покупать пряники как тульский сувенир при поездке в другой город или страну: гость города увозит с собой «печатный» и (немаловажно!) сладкий образ Тулы.

5. Еще один способ изучения концептуального облика тульского пряника в иноязычной аудитории – чтение фрагментов художественных текстов, которые представляют лакомство уже как прецедентный феномен, имеющий определенный устойчивый позитивный ассоциативный фон и формирующий посредством расширения семантического содержания предметного кода образ русской национальной культуры. Приведем примеры, в которых образ раскрывается как ситуативная модель:

«Здесь было не очень много народа, – офицеры или крепкий чай за длинным столом с пальмами, купец, обжигаясь, ел щи, дамы в ротондах взволнованно разговаривали с носильщиками, большая семья расселась в кружок перед раскрытым корзинкой, и нянька, ломая на куски тульский пряник, наделяла им детей»¹⁴. – «Тульский пряник сперва разглядывают и уж потом надкусывают»¹⁵. – «Идет, жует тульский пряник и улыбается всей сотней своих белых зубов»¹⁶. – «Короче говоря, в самом конце лета или начале осени, когда небо с самого утра обложит тяжелыми ватными тучами и пойдет шуршать, моросить и накрапывать мелкий, противный и надоедливый дождь, усядется дачник в свое продавленное кресло в углу, станет пить крепкий чай из полулитровой кружки, грызть окаменевший тульский пряник, читать пыльные и старые, чудом не сданные в макулатуру и не выброшенные на свалку советские журналы, отгадывать кроссворды с древними, уже полузабытыми советскими словами и слушать радиоприемник»¹⁷. – «Он приложил тульский пряник к груди, вернее понизе, к солнечному сплетению»¹⁸.

О том, что тульский пряник является определенным культурным кодом в русской языковой и когнитивной картине мира, говорит и тот факт, что данный оним выступает конструктивным элементом для построения образа домашнего уюта, гармоничной жизни, красоты, добра. Можно предложить вниманию учащихся фрагменты текстов, в которых уподобление предмета описания прянику «дарует» референции светлые черты:

«Ты увидишь, вечный странник, От дороги на восток Расписной, как тульский пряник, Деревянный городок»¹⁹. – «А пользуясь случаем мы хотели бы поздравить тулячек с 8 марта и пожелать им оставаться сладкими, как тульский пряник»²⁰. – «Он любил смотреть, как Любаша любуется его работой, и в этот момент Игорь начинал рдеть и улыбаться, словно тульский пряник»²¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знакомство с прецедентным феноменом позволяет представителю чужой культуры

понять механизм транслитерации культуры; выявить способы передачи образа родной земли через поколения посредством разных семиотических знаков – языка, традиционного промысла, поведенческих тактик, оценочных прескрипций, текста. Знакомясь с концептом «тульский пряник» как элементом региональной и общенациональной картины мира, угощаясь вкусными тульскими пряниками за чаепитием и беседой с преподавателем – носителем русской культуры, представитель другого этноса получает представление о модусе благоприятствования и взаимоуважения в межкультурной коммуникации, умение использовать иноязычные коммуникативные тактики, включая умение анализировать и понимать смысл и интенциональную наполненность действий представителей другой культуры, выстраивать свое поведение в инокультурной и иноязычной среде для неконфликтной и эффективной коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия: Большой лингвострановедческий словарь / Автор: Т. Н. Чернявская, К. С. Милославская, Е. Г. Ростова, О. Е. Фролова, В. И. Борисенко, Ю. А. Выюнов, В. П. Чуднов. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина: АСТ-Пресс, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=Медиатека:Русские_народные_пословицы_и_поговорки_о_Туле (дата обращения 05.10.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Амельхина Е. В. Пословицы и поговорки о Туле. Тула, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ws.studylib.ru/doc/4191479/poslovicy-i-pogovorki-o-tule-i-tulyakah.-metodicheskaya> (дата обращения 05.10.2021).

⁵ Там же.

⁶ Большой словарь русских поговорок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/russian-sayings-alf/index.htm> (дата обращения 05.10.2021).

⁷ Там же.

⁸ Уваров Н. В. Энциклопедия народной мудрости [Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/77363> (дата обращения 05.10.2021).

⁹ Уваров Н. В. Энциклопедия народной мудрости [Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://massolit.site/book/entsiklopediya-narodnoj-mudrosti-poslovitsi-pogovorki-aforizmi/reading> (дата обращения 05.10.2021).

¹⁰ Русские пословицы и поговорки о чаепитии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mydrost.mirtesen.ru/blog/43286602543/Russkie-poslovitsyi-i-pogovorki-o-chayepitiu> (дата обращения 05.10.2021).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsiz=eme=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=тульский+пряник (дата обращения 05.10.2021).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкоznании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Гончарова Н. Н. Концепт – основная единица языковых картин мира // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 225–234.
3. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396–405.
4. Захарова Н. Н., Гончарова Н. Н., Юрманова С. А. и др. Тульский край в зеркале лингвокультурологии (лингвокультурологическое описание Тульского региона) (монография). Тула: Изд-во Тульского гос. ун-та, 2010. 125 с.
5. Захарова Н. Н. Образ Родины в концепте Тула // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы III Междунар. науч. конф. М.: МХПИ, 2019. С. 100–106.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология / Под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
8. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии: Монография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 280 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
10. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
11. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4. Переправа через воду – Сито. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
14. Токарев Г. В. Дискурсивные лики концепта: Монография. Тула, 2003. 108 с.
15. Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 108–140.

Поступила в редакцию 05.11.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Nadezhda N. Zakharova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Tula State University (Tula, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9191-9922; nadine1967@mail.ru

INFORMATIVE, IMAGINATIVE AND PRAGMATIC FIELDS OF THE “TULA GINGERBREAD” CONCEPT

Abstract. Description of the elements of culture reflected not only in the national, but also in the regional linguistic picture of the world is relevant for modern linguistics. Studying the regional concept sphere verbalized in the national paremiological corpus, toponymy, precedent names and texts containing historical and modern realities of the city helps to reveal and describe the linguistic personality of the Tula resident as a member of Russian society. The purpose of the article is a linguoculturological description of the content and structure of the “Tula gingerbread” concept as an element of the Russian national picture of the world, serving as a means of verbalizing national culture, communicative strategies and tactics of the representatives of the Russian ethnos. The study material comprised traditional inscriptions on Tula gingerbread products, the national (and regional) paremiological corpus, and data from the Russian National Corpus. The author conducted a linguocognitive analysis of the informative, imaginative and pragmatic fields of the studied concept. Studying the “Tula gingerbread” onym as an element of the Russian national subject cultural code in a foreign classroom reveals Russian national prescriptions and communicative tactics to the representatives of other cultures and teaches them how to understand and analyze the meaning and intentional content of Russian people’s actions and to regulate their communicative behavior in the Russian-speaking environment properly and harmoniously.

Keywords: linguoculturological concept, onym, Tula gingerbread, ethno-national world picture, communication, linguistic and cultural studies

For citation: Zakharova, N. N. Informative, imaginative and pragmatic fields of the “Tula gingerbread” concept. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):63–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.717

REFERENCES

1. Vorkachev, S. G. Linguoculturology, linguistic personality, concept: formation of the anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*. 2001;1:64–72. (In Russ.)
2. Goncharova, N. N. Concept is the basic unit of linguistic pictures of the world. *Bulletin of Tula State University. Humanitarian Sciences*. 2013;1:225–234. (In Russ.)
3. Goncharova, N. N. Linguistic picture of the world as an object of linguistic description. *Bulletin of Tula State University. Humanitarian Sciences*. 2012;2:396–405. (In Russ.)
4. Zakharova, N. N., Goncharova, N. N., Yurmanova, S. A. Tula region in the mirror of linguoculturology (linguoculturological description of the Tula region). Tula, 2010. 125 p. (In Russ.)
5. Zakharova, N. N. Image of the Motherland in the concept of Tula. *Image of the Motherland: content, formation, actualization: Proceedings of the III international research conference*. Moscow, 2019. P. 100–106. (In Russ.)
6. Karasik, V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow, 2004. 390 p. (In Russ.)
7. Likhachev, D. S. Concepts of the Russian language. *Russian literature*. (V. P. Neroznak, Ed.). Moscow, 1997. P. 280–287. (In Russ.)
8. Mokienko, V. M. Images of Russian speech: Historical, etymological, and ethnolinguistic essays on phraseology. Leningrad, 1986. 280 p. (In Russ.)
9. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Essays on cognitive linguistics. Voronezh, 2001. 191 p. (In Russ.)
10. Postovalova, V. I. Picture of the world in human life. *The role of the human factor in language: Language and picture of the world*. (B. A. Serebrennikov, Ed.). Moscow, 1988. P. 8–69. (In Russ.)
11. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary. Vol. 4. Crossing the water – Sieve. Moscow, 2009. 656 p. (In Russ.)
12. Stepanov, Yu. S. Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow, 2001. 990 p. (In Russ.)
13. Telia, V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic, linguocultural and logical aspects. Moscow, 1996. 288 p. (In Russ.)
14. Tokarev, G. V. Discursive faces of the concept: Monograph. Tula, 2003. 108 p. (In Russ.)
15. Ufimtseva, A. A. The role of vocabulary in human cognition of reality and in the formation of the linguistic picture of the world. *The role of the human factor in language: Language and picture of the world*. (B. A. Serebrennikov, Ed.). Moscow, 1988. P. 108–140. (In Russ.)

Received: 5 November, 2021; accepted: 20 December, 2021

ИРИНА ВИКТОРОВНА ЗЫКОВА

старший преподаватель Центра русского языка кафедры
«Русский и иностранные языки»

Петербургский государственный университет путей со-
общения им. императора Александра I (Санкт-Петербург,
Российская Федерация)

kirishenka@mail.ru

ПРИНЦИП ПОЛЯ ПРИ ОПИСАНИИ ЗНАЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ (на примере топонима *Карелия*)

Аннотация. Цель статьи заключается в создании модели описания значения топонима, максимально приближенного к сознанию носителей языка. Сформировать такое значение топонима позволяют взаимодействие и интегрирование полученных разными методами данных. В работе были использованы метод коммуникативно-семантического анализа материала, отобранного из корпуса русского языка, метод семантической интерпретации полученных экспериментальным путем данных, а также полевой принцип организации интегрированного значения. Такой комплексный подход к выявлению значения топонима, а также попытка создания модели презентации его значения в иностранной аудитории обусловливают актуальность исследования. Новизна работы заключается в разработке критериев, которые позволяют на основе полевой организации значения распределить его семантические компоненты по степени частотности и использовать это в практике преподавания русского языка на разных уровнях владения языком. Практическая значимость работы заключается в том, что предлагаемый принцип описания и презентации значения топонимов в аспекте преподавания русского как иностранного может быть использован при описании и других типов имен собственных. Проанализированное в качестве примера значение топонима *Карелия* говорит о доказательности выбранного подхода.

Ключевые слова: семантика, топонимы, психолингвистический и коммуникативный подходы, полевой принцип, русский как иностранный

Для цитирования: Зыкова И. В. Принцип поля при описании значения топонимов (на примере топонима *Карелия*) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 70–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.711

ВВЕДЕНИЕ

Топонимика является частным разделом ономастики (учения об именах собственных). До того как ономастикой стали заниматься лингвисты, она входила в сферу научных интересов географов, этнографов и историков, которые исследовали ономастику методами своих областей. Когда изучением ономастик (в том числе топонимов) занялись и лингвисты, они принесли с собой лингвистические методы анализа. Однако топонимика не утратила свои междисциплинарные позиции, и, как пишет А. В. Суперанская, «экстралингвистические компоненты ономастики, которые являются для нее обязательными, делают возможным изучение ономастического материала не только лингвистическими, но и иными методами» [5: 9]. В целом современный этап развития научной мысли предполагает взаимодействие методов разных дисциплин, что дает источник новых знаний и новых данных.

Подобная интеграция методов в исследовании семантики топонимов должна иметь целью соз-

дание наиболее полного актуального значения топонима, отражающего национально-культурный компонент значения и максимально приближающегося к значению топонима, которое функционирует в сознании самих носителей языка. Особенно важной эта задача представляется в практике преподавания русского языка иностранцам, поскольку преподаватели при семантизации топонимов иностранным учащимся сталкиваются не только с проблемой, как выявить актуальное значение топонима, но и какие именно семантические компоненты значения давать на разных уровнях владения языком. Возможное решение этой проблемы и предлагается в данной работе.

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Знакомство с топонимической лексикой является неотъемлемой частью учебного процесса при обучении русскому языку как иностранному. Однако при освоении топонимической лексики

иностранный учащийся сталкивается с определенными трудностями, поскольку большинство лексикографических источников, содержащих семантизацию топонимов, представляют собой специализированные словари, ориентированные на географов, историков или лингвистов. Кроме того, определить наиболее важные компоненты значения топонима в словарной статье иностранцу, владеющему языком на среднем уровне, не представляется возможным.

Способы репрезентации значения топонимов в самих учебных пособиях по обучению языку часто не позволяют иностранному учащемуся приблизиться ни к языковому сознанию носителей языка, ни к русской культуре¹. Тем не менее словари должны реагировать на все изменения в жизни, обществе и учитывать результаты научного прогресса. Одним из первых удачных примеров учебного словаря, ориентированного на языковое сознание современников и на современную культуру, можно назвать мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия»². При семантизации прецедентных топонимов авторы включают в словарную статью два компонента значения: денотативный (энциклопедическая, историческая, географическая, иллюстративная информация) и коннотативный (национально-культурный фон). Тем не менее вопрос, как распределить семантические компоненты значения топонима по уровням владения языком при моделировании значения самим лексикографом (или коллективом авторов), не получил пока должного разрешения, поскольку неясны критерии отнесения семантических компонентов значения к тому или иному уровню. Таким образом, большинство словарных статей в лингвострановедческом словаре пока представлено только для продвинутых уровней владения языком.

Указанная проблема во многом решается разработчиками словарей нового типа: психолингвистических семантических словарей, которые содержат «перечисление сем / семем, актуализованных в ходе психолингвистических экспериментов в виде ассоциатов, субъективных дефиниций или материалов лингвистических опросов» [2: 60]. Положение о том, что лексическое значение слова организовано по полевому принципу, дает возможность четко разграничить те семы / семемы, которые относятся к наиболее частотным или ядерным, и те, которые относятся к периферийным. Так, авторы монографии «Психолингвистическое значение слова и его описание» И. А. Стернин и А. В. Рудакова предлагают следующие ориентировочные коли-

чественные параметры отнесения когнитивных признаков к разным зонам поля:

ядро – наиболее частотные признаки с индексом яркости не менее 0,12–0,15;

ближняя периферия – индекс яркости 0,10–0,04;

дальняя периферия – индекс яркости 0,03–0,02;

крайняя периферия – индекс яркости 0,01 и ниже [3: 126].

Под индексом яркости имеется в виду показатель частотности семы, вычисляемый как «отношение количества испытуемых, актуализировавших данную сему в экспериментах, к общему числу испытуемых» [3:101].

Представляется возможным использовать этот критерий разделения на зоны поля при семантизации топонимической лексики на разных уровнях владения языком.

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ

Опора на экспериментальные методы позволяет описать тот объем семантических компонентов, который вербализует данный топоним в сознании носителей языка [3: 99], поэтому обращение к экспериментальным данным является неотъемлемым шагом при описании значения топонима.

Однако сами носители не всегда могут объективировать те семы или семемы топонима, которые находятся в контекстах и существуют в культуре. Следовательно, для создания наиболее полного значения топонима необходимо использовать разные методы и учитывать данные носителей языка, как полученные в ходе экспериментов, так и полученные в результате контекстуального анализа.

Полевой принцип организации лексического значения по материалам экспериментов, предложенный в монографии И. А. Стернина и А. В. Рудаковой [3], применим и в отношении значения, полученного на материале контекстов. В результате коммуникативно-семантического анализа выявленные в контекстах корпуса русского языка значения топонима обобщаются и ранжируются по частотности употребления, формируя поле. Следующим шагом должна стать интеграция результатов описания семантики топонимов, полученных разными методами, и распределение полученных семем и семантических компонентов по уровням владения языком.

Одним из способов упорядочить типы значения представляется объединение семантических компонентов и семем не по индексу частотности

и выделению интегрального индекса яркости, как это сделано в работе О. Е. Виноградовой [1: 98–100], а по соотнесенности с той или иной частью поля. То есть к ядру значения (предлагаемого, например, при семантизации топонима на элементарном уровне владения языком) будут относиться семы с индексом частотности выше 0,1 как в типе значения, сформированного по материалам эксперимента, так и в значении, полученном по материалам контекстов; ближайшей периферией (предлагаемой при семантизации топонимов на базовом уровне владения языком) будут семы с индексом яркости от 0,04 до 0,1; к ближней периферии, которая может быть предложена на следующем уровне, будут относиться компоненты значения с индексом яркости от 0,03 до 0,02; к дальней периферии можно отнести семы на еще более продвинутом уровне владения языком с индексом яркости 0,01; на уровне свободного владения языком можно предлагать единичные компоненты значения с индексом частотности менее 0,01, относящиеся к крайней периферии поля.

Таким образом, принцип поля позволяет выявить не только наиболее частотные, актуальные компоненты значения топонима, но и использовать зоны поля при семантизации топонима на разных уровнях владения языком в практике преподавания русского как иностранного.

ОПИСАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТОПОНИМА *КАРЕЛИЯ* ПО ПОЛЕВОМУ ПРИНЦИПУ

На примере топонима *Карелия* предлагается рассмотреть предложенную выше модель описания значения топонимической лексики и возможность использования данного принципа

в аспекте преподавания русского языка как иностранного.

1) На первом этапе работы был проведен электронный свободный ассоциативный эксперимент, где 220 респондентам, носителям русского языка, предлагалось написать первое пришедшее в голову слово на слово-стимул *Карелия*, а также был проведен электронный направленный ассоциативный эксперимент, где респондентам предлагалось написать ответ на вопрос: «Карелия – какая?». Электронный формат проводимого эксперимента позволил опросить информантов разных возрастов, проживающих в разных регионах Российской Федерации.

2) На втором этапе работы из основного корпуса русского языка было отобрано 755 контекстов (XX–XXI века), в которых встречаются слова *Карелия* и оттопонимические прилагательные с основой на *карельск**.

3) С использованием метода коммуникативно-семантического анализа контекстов и метода семной интерпретации полученного в ходе эксперимента языкового материала было получено два типа значений топонима (психолингвистическое и коммуникативное) и сформировано два поля, где семантические компоненты были распределены с учетом их индекса яркости.

4) Создание сопоставительной таблицы с указанием индексов яркости семантических компонентов, полученных из разных источников, позволило распределить значения топонима *Карелия* и его семантические компоненты по уровням владения языком. Пример сопоставления сем, полученных разными методами, можно увидеть в таблице.

Описание значения топонима *Карелия* по полевому принципу
Using the field principle for describing the meaning of the toponym *Karelia*

	Значения, полученные в ходе эксперимента с носителями (психолингвистическое значение)	Значения, полученные по материалам корпуса русского языка (коммуникативное значение)
ЯДРО (от 0,10) Элементарный уровень	Красивая (0,26); лесная (0,26) республика (0,1), где много озер (0,19) и богатая природа (0,11)	Республика России (0,4), известная уникальной карельской бересой (0,12)
БЛИЖАЙШАЯ ПЕРИФЕРИЯ (от 0,04 до 0,10) Базовый уровень	находится на севере (0,07); холодная (0,07); живописная (0,05); близкая (0,05); экологически чистая (0,04), поэтому там развит туристический отдых (0,05); скалистая (0,04); вызывает положительные эмоции (0,04); там много северных ягод (0,04); раньше была территорией Финляндии (0,04)	на ее территории шла Финская и Великая Отечественная война (0,05); там много лесов (0,04)
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ (от 0,03 до 0,02) Первый уровень		
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ (от 0,01 и меньше) Второй уровень		
КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ (менее 0,01) Уровень свободного владения		

5) Далее семантические компоненты значений, относящиеся к одному уровню владения языком, были суммированы.

6) На финальном этапе работы было представлено значение топонима *Карелия* по модели описания психолингвистического значения, предложенного И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой [4], но без указания частотности в статье для иностранцев.

Приведем полученные в ходе исследования результаты и рассмотрим репрезентацию значения топонима *Карелия* по полевому принципу, который становится критерием распределения сем на разных уровнях владения русским языком.

Ядро (Элементарный уровень)

Карелия – красивая республика России, где много лесов, озер и богатая природа. Там растет карельская береза.

Фразы: Карельский перешеек.

Ближайшая периферия (Базовый уровень)

Карелия – красивая республика России, где много лесов, озер и богатая природа. Там растет карельская береза. Расположена на севере; холодная; живописная; экологически чистая, поэтому там популярен туристический отдых; скалистая; близкая; там много северных ягод, из которых делают наливки.

Раньше была территорией Финляндии. На ее территории шла Финская и Великая Отечественная война.

Вызывает положительные эмоции.

Фразы: Карельский перешеек.

Идентификация места: столица – город Петрозаводск.

Ближняя периферия (Первый сертификационный уровень)

Карелия – красивая республика России, где много лесов, озер, рек и богатая природа. Там растет карельская береза и сосны. Расположена на севере; там много островов; холодная; живописная; экологически чистая, поэтому там популярен туристический отдых; скалистая; близкая; интересная; холмистая; прекрасная; первозданная; необычная; любимая; сказочная; загадочная; далекая; дождливая; теплая; манящая.

Там много северных ягод, из которых делают наливки, и много грибов. Богата рыбой; там популярна рыбалка и сплав по рекам на байдарках. В республике добывают горные породы (мрамор и гранит).

Раньше была территорией Финляндии. На ее территории шла Финская и Великая Отечественная война. Известна высокой культурой. Вызывает положительные эмоции и одобрительную оценку.

Фразы: Карельский перешеек.

Идентификация места: столица – город Петрозаводск; карьер Рускеала; остров Кижи.

Дальняя периферия (Второй сертификационный уровень)

Карелия – красивая республика России, где много лесов, озер, рек и богатая природа. Там растет карельская береза и сосны. Находится на северо-западе России недалеко от Петербурга на границе с Финляндией; там много островов.

Холодный живописный экологически чистый регион, где свежий воздух, поэтому там популярен туристический отдых.

Скалистая; близкая; интересная; холмистая; прекрасная; первозданная; необычная; любимая; сказочная; загадочная; далекая; дождливая; теплая; манящая; большая; пасмурная; заповедная; болотистая; яркая; великолепная; нужная; спокойная; маленькая; снежная; дикая; богатая.

Там растет много северных ягод, из которых делают наливки, и много грибов. Там растут разные травы. Там находятся водопады. В реках и озерах много рыбы; популярна рыбалка и сплав по рекам на байдарках. В республике добывают горные породы (мрамор и гранит). Там много комаров и вкусные продукты; дом.

Раньше была территорией Финляндии. На ее территории шла Финская и Великая Отечественная война. Известна высокой культурой. Вызывает положительные эмоции и одобрительную оценку.

To же, что: озерный край, страна озер, лесной край, страна лесов и озер.

Идентификация места: столица – город Петрозаводск; карьер Рускеала; остров Кижи; Онежское озеро; река Вуокса.

Фразы: Карельский перешеек; карельская деревня; карельский язык; карельское Поморье; карельская земля.

В целях экономии места укажем, что описание значения на уровне свободного владения языком в целом повторяет предыдущее, за исключением добавления единичных семантических компонентов. Также важно отметить, что поскольку именно на уровне свободного владения языком к иностранным учащимся при создании текстов предъявляются требования уметь опираться на прецедентные явления и события, использовать коннотативные

единицы речи и выражать и понимать оценку³, то в модели описания значения топонима отдельно выделяется коннотативный компонент значения.

Крайняя периферия (Уровень свободного владения)

Карелия – область, где красивые закаты, и зимой можно увидеть северное сияние; там живет много лосей, а также медведи и олени; там много зверей, на которых охотятся; древняя; европейская; пустынная; захваченная; отобранная; глухая; благословенная; граница России на севере; не особо туристическая; там были пожары; там много песка и растет мох; ее изучают в курсе географии; дурацкая; изобильный, гордый, неизвестный район; исследовательская; многонациональная; независимая; запоминающаяся; многообразная; доступная; атмосферная; необъяснимая; странная; редкая; рядом с Коми; там есть крепость и солдаты; там находят петроглифы; там хороший климат; там развиты ремесла; место лечения.

Фразы: карельская лайка; карельская лихорадка; карельское кантеле; карельская музыка; карельские болота; карельские песни; карельская вышивка; карельские скалы; карельские острова; карельская тундра; карельский костюм; карельская сосна.

Актуализация прецедентных текстов: песня «Долго будет Карелия сниться»; эпос «Калевала»; песня «Голубая тайга»; поэма декабриста

Ф. Глинки «Карелия»; А. К. Глазунов «Карельская легенда»; много песен о Карелии.

Оценочность: одобрительное (красивая, один из красивейших регионов России, красивые виды, живописная, чистая, интересная, прекрасная, великолепная, яркая, удивительная, загадочная, свежая, первозданная, культурная, романтическая, любовная, экологически чистая, величественная, волшебная, живая, необыкновенная, сказочная, девственная, полезная, комфортная, атмосферная, добрая, хорошая, спокойная); неодобрительное 0,004 (дурацкая).

Эмоциональность: положительно эмоциональное (любимая, родная, благословенная, уютная, манящая, милая, благодатная, чарующая, душевная, мечта).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение топонимов методами разных наук представляется продуктивным. Как видно из предложенной модели словарной статьи, обращение к экспериментальным данным и материалам корпуса русского языка делает возможным получить наиболее полное значение топонима, максимально приближенное к языковому сознанию носителей языка и к информации, хранящейся в русской культуре. Использование полевого принципа как одного из методов описания значения топонима обеспечивает четкие критерии для распределения сем / семем по разным уровням владения языком в аспекте преподавания русского языка иностранцам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Головина Л. С. Этнокультурная семантика имени собственного и ее лексикографическая презентация иноязычному адресату: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 12 с.

² Лингвострановедческий словарь «Россия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ls.pushkininstitute.ru> (дата обращения 30.07.2021).

³ Глазунова О. И., Колесова Д. В., Попова Т. И. Программа по русскому языку как иностранному. Уровни А1–С2. Основной курс. Фонетика Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Курсы, 2018. 216 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова О. Е., Стернин И. А. Психолингвистические методы в описании семантики слова: Монография. Воронеж: Истоки, 2016. 160 с.
2. Рудакова А. В. Обзор психолингвистических словарей русского языка // Значение как феномен актуального языкового сознания: Материалы IV Всерос. науч. конф. 26–27 октября 2018 года. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. С. 58–61.
3. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание: Монография. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 192 с.
4. Стернин И. А., Рудакова А. В. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2 (16). С. 174–183.
5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / Отв. ред. А. А. Реформатский. Изд-е 4. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. 368 с.

Original article

Irina V. Zykova, Senior Lecturer, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (St. Petersburg, Russian Federation)
kirishenka@mail.ru

FIELD PRINCIPLE FOR DESCRIBING THE MEANINGS OF TOPOONYMS (ILLUSTRATED BY THE TOPOONYM *KARELIA*)

A b s t r a c t. The aim of this article is to create a model for describing the meaning of a toponym as close as possible to the consciousness of native speakers. The interaction and integration of the data obtained by different methods makes it possible to form such a meaning of a toponym. The author uses the method of communicative and semantic analysis of the material selected from the corpus of the Russian language, the method of semantic interpretation of experimentally obtained data, as well as the field principle of integrated meaning organization. Such an integrated approach to identifying the meaning of a toponym, as well as an attempt to create a model for presenting its meaning to a foreign audience determine the relevance of the research. The novelty of the work lies in the development of the criteria that enable, on the basis of the field organization of meaning, to distribute its semantic components according to the frequency rate and use it for teaching Russian at different levels of language proficiency. The practical significance of the work lies in the fact that the proposed principle of describing and presenting the meaning of toponyms in the process of teaching Russian as a foreign language can be used to describe other types of proper names as well. The meaning of the toponym *Karelia* analyzed as an example substantiates the chosen approach.

K e y w o r d s : semantics, toponyms, psycholinguistic and communicative approaches, field principle, Russian as foreign language

F o r c i t a t i o n : Zykova, I. V. Field principle for describing the meanings of toponyms (illustrated by the toponym *Karelia*). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):70–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.711

REFERENCES

1. Vinogradova, O. E., Sternin, I. A. Psycholinguistic methods in describing the semantics of a word: Monograph. Voronez, 2016. 160 p. (In Russ.)
2. Rudakova, A. V. Review of psycholinguistic dictionaries of the Russian language. *Meaning as a phenomenon of actual linguistic consciousness: Proceedings of the IV all-Russian research conference*. Voronez, 2018. P. 58–61. (In Russ.)
3. Sternin, I. A., Rudakova, A. V. Psycholinguistic meaning of a word and its description: Monograph. Lambert, 2011. 192 p. (In Russ.)
4. Sternin, I. A., Rudakova, A. V. Problems of creation of psycholinguistic explanatory dictionary of Russian. *Journal of Psycholinguistics*. 2012;2(16):174–183. (In Russ.)
5. Superanskaya, A. V. General theory of proper names. (A. A. Reformatsky, Ed.). Moscow, 2012. 368 p. (In Russ.)

Received: 13 November, 2021; accepted: 20 December, 2021

ДИАНА ВИКТОРОВНА КОБЛЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
эстетики, истории и теории культуры

Всероссийский государственный институт кинематографии
имени С. А. Герасимова (Москва, Российская Федерация)

dvmk@yandex.ru

ТИПОЛОГИЯ ШВЕДСКОГО РОМАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация. Целью предпринятого исследования является построение типологии шведской романистики второй половины XX – начала XXI века. Шведская проза указанного периода до настоящего времени остается малодоступным и недостаточно изученным материалом, поэтому новизна работы определяется введением в научный оборот не исследованных в России шведских романов, в том числе не переведенных на русский язык, и предложенным типологическим подходом к их изучению. Актуальность исследования заключается в выявлении универсальных и индивидуальных черт шведской литературы в период глобализации и связанных с этим проблем сохранения национальной идентичности. На основе семантического и структурно-типологического методов анализа в шведской романной прозе изучаемого периода выделяются четыре основополагающих конфликта: социальный, политический, религиозно-этический, психологический. Внутри каждой группы обозначены характерные жанровые модификации романов, позволяющие учесть смысловой и формальный компоненты текстов. Исследование приоритетных форм, оригинальных и универсальных авторских подходов позволяет определить характер развития шведского романа в указанный период и показать его тесную взаимосвязь с общественными процессами в стране. Несмотря на изменения в общественной жизни Швеции, к настоящему моменту в шведской литературе в центре внимания по-прежнему оказываются три главные темы: социальная жизнь, психология личности, христианский гуманизм.

Ключевые слова: шведский роман, типология, социальный конфликт, политическая проза, религиозно-этическая проблематика, психология личности

Для цитирования: Кобленкова Д. В. Типология шведского романа второй половины XX – начала XXI века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 76–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.710

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, универсальной типологии романа в филологии не создано, как не предложено и единственно возможное типологическое исследование произведений других видов искусства. Сложность заключается в отсутствии единого критерия для построения типологических систем, в их возможном пересечении с несколькими разнородными группами – тематическими и жанровыми.

Изучение современной шведской романистики осложнено также тем, что с 1980 года [8], за исключением словаря-справочника по шведской литературе под редакцией А. Мацевича [6], в России не вышло ни одного обобщающего исследования по скандинавским литературам, а значительное число произведений второй половины XX века не переведено на русский язык¹.

Следовательно, длительное время не проводился системный анализ романных форм и не было предложено типологического подхода к их изучению. Однако и в самом шведском литературоведении ситуация сходная. Существующие работы по истории шведской литературы заканчиваются 1990-ми годами [9], [10], [11], [13], а по литературе XXI столетия, которая насчитывает уже двадцать один год, есть лишь отдельные обзоры. Шведские ученые гораздо чаще задаются методологическими вопросами: как сегодня следует изучать литературу, какова современная роль литературного критика [12], в то время как литературный процесс «продолжает идти своим путем».

Отметим, что и по тем авторам, чьи произведения были созданы задолго до рубежа XX–XXI веков, в шведских исследованиях имеют

место субъективные «пропуски». Нередко проблема связана с тем, что некоторые писатели, как это ни покажется парадоксальным, исчезают с литературной карты по социально-политическим причинам. Например, это касается таких авторов, как И. Лу-Юханссон с романом «Электра. Женщина 2070 года» (1967) и П. К. Ершильд с романом «Хольгерссонсы» (1991). Весьма разноречивые оценки получают произведения А. Линдгрен – от повести «Пеппи Длинныйчулок», созданной еще в 1945 году, до романа «Братья Львиное сердце», вышедшего в 1973-м. Дискуссию вызвал и самый известный детективный роман новейшего времени – «Девушка с татуировкой дракона» С. Ларссона, названный автором «Мужчины, которые ненавидят женщин» (2004) и затронувший острые проблемы неонацизма и гендерной ситуации в стране.

Помимо полемичности ряда шведских произведений разных лет, не получивших должной научной рефлексии, другая причина отсутствия обобщающих типологических исследований связана, на наш взгляд, с незначительным интересом шведских исследователей к форме произведения, так как в Швеции не было создано школ, подобных, к примеру, русскому формализму. Построение возможных типологий, основанных на взаимосвязи содержательного и структурного компонентов текста, не является в литературо-ведении Швеции приоритетом. Шведские исследователи все чаще отдают предпочтение литературной критике, рецензиям и газетным статьям. В масштабных работах ученые обращаются, как правило, к смысловой стороне произведения, которую они считают наиболее отвечающей национальным интересам: среди основных тем – христианская этика, проблемы экологии, личная идентичность, феминизм.

* * *

В статье на основе проведенного исследования² [2] предлагается типология шведского романа, которая позволяет понять, в каком направлении движется шведский литературный процесс. Работа с большим количеством произведений шведской литературы показала, что наиболее верным можно считать выделение базовых сюжетных конфликтов в произведениях, вокруг которых строится «здание» каждого романа, а затем изучение жанровых модификаций на основе как содержательной, так и поэтической сторон текста с выявлением в каждом романе ключевого приема. Разумеется, любая типология чаще всего сужает многоаспектность рассматриваемых

произведений, но, как любая система такого рода, она предлагается в рабочих целях для осмысливания основных литературных стратегий и, наоборот, выявления индивидуальных подходов, а также определения маргинальных форм, к которым в Швеции не проявляется интереса.

Итак, изучение большого числа шведских романов второй половины XX – начала XXI века показывает, что одним из важнейших в произведениях шведской литературы указанного периода остается *социальный конфликт*, начало которому в литературе Швеции было положено А. Стриндбергом, усилено представителями пролетарской литературы и писателями-шестидесятниками. К социальному роману обращались П. К. Ершильд, А. Линдгрен, И. Лу-Юханссон, М. Флорин, Я. Гийу, Х. Манкель, С. Ларссон. Главной темой произведений являются идеология шведского «Дома для народа», стратегия «третьего пути», роль личности в обществе всеобщего благосостояния, высокая степень феминизации и последствия создания шведской социальной модели. На современном этапе главными темами социальной жизни остаются межпартийная борьба, возникающие общественные движения и положение разных социальных групп. Разочарование в социальных стратегиях, помимо традиционных форм социальной литературы, облекается в формы антиутопии («Электра. Женщина 2070 года» И. Лу-Юханссона), романа-метафоры («Сад», «Братцы-сестрицы» М. Флорина), многофункционального жанра детектива, который, что показательно, появляется в Швеции только в 1960-х годах как поджанр социальной литературы (от романов П. Валё и М. Шёваль до произведений Х. Манкеля и С. Ларссона).

Второй тип конфликта, обращающий на себя внимание в исследуемый период, – конфликт *политический*. К романистике такого типа обращаются П. У. Энквист, П. К. Ершильд, К. Ю. Вальгрен, Ю. Юнессон, проявляющие интерес к философии истории, политическому опыту мировой войны, психологии масс, мистическому эффекту сильной личности. Главным вопросом политической жизни страны остается утрата Швецией прежней роли в европейской политике. Произведения отражают потребность в компенсации политических устремлений³, в восстановлении чувства национальной гордости. Отсюда – интерес к политически активному XVIII столетию и истории Германии. На современном этапе в искусстве возрождаются идеи панскандинавизма, единой нордической

культуры Севера. В этом процессе велика роль патриотического самосознания нации, которая вынуждена оборачиваться назад в поисках великих образцов для подражания.

В жанровом отношении используются «роман с ключом» («Пятая зима магнетизера» П. У. Энквиста), роман-памфлет («Путешествие Кальвиноля по свету» П. К. Ершильда), политическая литературная сказка («Братья Львиное сердце» А. Линдгрен), «терапевтический» роман («История удивительной любви чудовища» К. Ю. Вальгрена) и роман-анекдот («100 лет и чемодан денег в придачу» Ю. Юнассона). Характерно, что шведские прозаики оценивают не внутреннюю политическую ситуацию, а тенденции мировой политики, оставаясь наблюдателями. Авторы размышляют о тоталитарных политических режимах, об искушении властью и необходимости самосовершенствования.

Несмотря на значительность социальных и политических романов, национальным жанром можно считать *религиозно-этический* роман и его оригинальные модификации: роман-молитву («Путь змея на скале» Т. Линдгрена), роман-Евангелие («Послание из пустыни» Ё. Тунстрёма), религиозный пикарек («Пасторский сюртук» С. Дельбланка), притчу («Дочь болотного царя» Б. Тротциг) и даже нелинейный роман («Пути к раю. Комментарии к ненаписанной рукописи» П. Корнеля). В произведениях Т. Линдгрена, Ё. Тунстрёма, С. Дельбланка, Л. Лутасс, П. Корнеля, находящихся под влиянием экзистенциальной философии и продолжающих разработку идей С. Кьеркегора, Ф. М. Достоевского, А. Камю и С. Дагермана, а также в романах целого ряда современных писателей, начавших творческий путь после появления фильма «Твин Пикс» Д. Линча, в центре внимания находятся этические ценности, произведения тяготеют к символистской образности и отличаются интерпретационной многоплановостью. Вместе с тем представленные романы внутренне полемичны, поскольку вопросы религии и этики на протяжении XX века вызывали в среде шведской интеллигенции напряженные дискуссии. В последние десятилетия кризис веры затронул даже писателей-католиков, поэтому их прозу также отличает характерный для этой эпохи постмодернистский скепсис.

Наконец, четвертая особенность шведской литературы заключается в акцентировании индивидуального начала, в интересе к частной жизни человека, к внутренним *психологи-*

ческим конфликтам. Художественное осмысливание детских неврозов, психологических фобий, травматизма семейных отношений, женской обсессии, однополых отношений, а также кризиса старения человека и общей психологической неукорененности в обществе представлено в произведениях Ч. Юханссона, П. У. Энквиста, Т. Линдгрена, К. Масетти, М. Аксельссон, К. Фалькенланд, М. Ниеми, Ю. Гарделя, А. Плейель, Ю. А. Линдквиста, Ф. Бакмана. Внутренний мир человека рассматривается в оригинальных экзистенциальных романах-биографиях («Лицо Гоголя» Ч. Юханссона), романах воспитания («Библиотека капитана Немо» П. У. Энквиста), притчевых формах романа-параболы («Шмелевый мед» Т. Линдгрена), психоделических исповедях с элементами «магического реализма» («Апрельская ведьма» М. Аксельссон), метафизической психодраме («Осколки разбитого зеркала» К. Фалькенланд).

В произведениях этой группы традиции *модернизма* остаются наиболее востребованными, однако можно отметить синтез приемов разных методов: реализма, постмодернизма, постпостмодернизма, постсимволизма, необарокко и других [3], [4]. Интерес к психологии приводит к превалированию лирической прозы в форме «я»-повествования над эпическим принципом построения текста. Психологическая проза свидетельствует о значимости онтологических вопросов смысла жизни и личного предназначения. Добавим, что для шведской литературы характерно также проявление негативных чувств и эмоций: разочарования, одиночества, страха, присущих северным регионам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом с конца 1950-х годов наблюдается обновление литературной эстетики, желание разрушить идеологическую направленность шведской литературы середины XX столетия, возникавшую из-за влияния идей шведской социал-демократии, сказывается стремление показать проблемы частной и общественной жизни в новых художественных формах. Вместе с тем заметим, что литература акцентирует явления, корректирует их, но не изменяет систему национальных ценностей полностью⁴. По этой причине при всем разнообразии формальных экспериментов и влияния иронического дискурса постмодернизма в шведской литературе в центре внимания по-прежнему оказываются три главные темы: социальная жизнь, психология личности, христианский гуманизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В настоящее время переводческая деятельность активизировалась, и благодаря работе Е. Чевкиной, К. Коваленко, Р. Косынкина, А. Поливановой, М. Людковской, О. Боченковой, Е. Тепляшиной и других переводчиков на русском языке вышло большое количество значимых шведских романов XXI столетия.
- ² Кобленкова Д. В. Шведский роман второй половины XX – начала XXI века: поэтика художественной условности: Дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2016. 422 с.
- ³ Одной из тем в современной политической романистике Швеции является убийство премьер-министра страны Улофа Пальме. Подробнее см. [5].
- ⁴ Об этом свидетельствуют и другие исследования, посвященные европейским литературам исследуемого периода. См.: [1], [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гладилин Н. В. Становление и актуальное состояние литературы постмодернизма в странах немецкого языка (Германия, Австрия, Швейцария). М.: Изд-во Литературного института им. М. Горького, 2011. 347 с.
- Кобленкова Д. В. Шведский нереалистический роман второй половины XX – начала XXI века. М.: РГГУ, 2016. 447 с.
- Кобленкова Д. В., Шарапенкова Н. Г., Ошуков М. Ю., Орлов С. В. Неклассический XX век. Ч. 2. Литературные конвергенции: Швеция – Россия – Америка / Под ред. В. В. Дудкина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 84 с.
- Лисовская П. А. О взаимоотношениях постмодернизма, христианства и идей эпохи Просвещения в творчестве Пера Улова Энквиста // Скандинавская филология. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 136–150.
- Лисовская П. А. Мотив убийства Улофа Пальме в новейшем шведском романе // Скандинавская филология. Вып. 13. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 150–158.
- Мацевич А. А. Шведская литература от 1880-х годов до конца XX века: Словарь-справочник. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 311 с.
- Новикова В. Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма. Н. Новгород: ННГУ, 2013. 369 с.
- Неуструев В. П. Литература скандинавских стран (1870–1970). М.: Высш. шк., 1980. 279 с.
- Den svenska litteraturen. Medicålderns litteratur. 1950–1985 / Red. L. Lönnroth, S. Göransson. Stockholm: Bonnier Alba, 1990. 320 s.
- Hägg G. Den svenska litteraturhistorien. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 2000. 692 s.
- Jansson B. Nedslag i 1990-talets svenska prosa. Om 90-talets svenska roman och novell i postmodernt perspektiv. Högskolan Dalarna: Kultur och Lärande, 1998. № 2. 127 s.
- Nordlund A. Varför litteraturvetenskap? Lund: Studentlitteratur, 2013. 110 s.
- Olsson B., Algulin I. Litteraturens historia i Sverige. Stockholm: Norstedts, 1995. 619 s.

Поступила в редакцию 01.11.2021; принята к публикации 27.12.2021

Original article

Diana V. Koblenkova, Dr. Sc. (Philology), Professor, S. A. Gerasimov All-Russian State Institute of Cinematography (Moscow, Russian Federation)
dvmk@yandex.ru

TYPOLOGY OF SWEDISH NOVEL FROM THE 1950s TO THE EARLY TWENTY-FIRST CENTURY

Abstract. The aim of the research was to build a typological system of Swedish novels written between the second half of the XX and the early XXI centuries. The Swedish prose of the indicated period still remains poorly accessible and insufficiently studied, therefore, the novelty of the research is determined by introducing to scholars those Swedish novels that have not been studied or even translated in Russia and by proposing a typological approach to their study. The relevance of the study lies in identifying the universal and individual features of Swedish literature in the period of globalization and the related problems of preserving national identity. Using the semantic and structural typological methods of analysis, the author reveals four fundamental conflicts in the Swedish novels of the period under study: social, political, religious and ethical, and psychological ones. Within each group, the characteristic genre modifications of the novels are indicated, which make it possible to take into account the semantic and formal components of the text. The study of the priority forms, as well as original and universal authors' approaches enables to determine the nature of development of the Swedish novel during this period and to show its close relationship with social processes in the

country. Despite all the changes in Swedish social life, Swedish literature still focuses on three main themes: social life, personality psychology, and Christian humanism.

Keywords: Swedish novel, typology, social conflict, political prose, religious and ethical issues, personality psychology

For citation: Koblenkova, D. V. Typology of Swedish novel from the 1950s to the early twenty-first century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):76–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.710

REFERENCES

1. Gladilin, N. V. Formation and current state of postmodern literature in the countries of the German language (Germany, Austria, Switzerland). Moscow, 2011. 347 p. (In Russ.)
2. Koblenkova, D. V. Swedish non-realistic novel between the second half of the XX and the early XXI centuries. Moscow, 2016. 447 p. (In Russ.)
3. Koblenkova, D. V., Sharapenkova, N. G., Oshukov, M. Yu., Orlov, S. V. Non-classical XX century. Part 2. Literary convergence: Sweden – Russia – America. (V. V. Dudkin, Ed.). Petrozavodsk, 2014. 84 p. (In Russ.)
4. Lisovskaya, P. A. On relation of postmodernism, Christianity and Enlightenment ideas in the works of Per Olov Enquist. *Scandinavian philology*. St. Petersburg, 2006. P. 136–150. (In Russ.)
5. Lisovskaya, P. A. The assassination of Olof Palme as a motive in newest Swedish novel. *Scandinavian philology*. St. Petersburg, 2015. P. 150–158. (In Russ.)
6. Matsevich, A. A. Swedish literature between the 1880s and the late XX century: Dictionary. Moscow, 2013. 311 p. (In Russ.)
7. Novikova, V. G. British social novel in the era of postmodernism. Nizhny Novgorod, 2013. 369 p. (In Russ.)
8. Neustroev, V. P. Literature of the Scandinavian countries (1870–1970). Moscow, 1980. 279 p. (In Russ.)
9. Den svenska litteraturen. Medieålderns litteratur. 1950–1985. (Red. L. Lönnroth, S. Göransson). Stockholm, 1990. 320 s.
10. Hägg, G. Den svenska litteraturhistorien. Stockholm, 2000. 692 s.
11. Jansson, B. Nedslag i 1990-talets svenska prosa. Om 90-talets svenska roman och novell i postmodernt perspektiv. Högskolan Dalarna, 1998. № 2. 127 s.
12. Nordlund, A. Varför litteraturvetenskap? Lund, 2013. 110 s.
13. Olsson, B., Algulin, I. Litteraturens historia i Sverige. Stockholm, 1995. 619 s.

Received: 1 November, 2021; accepted: 27 December, 2021

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ШАРЫПИНА

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы Института филологии и журналистики

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8585-8983; swawa@yandex.ru

ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ Ф. ФЮМАНА И Б. ШЛИНКА

Аннотация. Впервые в сравнительном аспекте рассматриваются поэтологические функции авторской модальности на примере творчества Франца Фюмана и Бернхарда Шлинка. Актуальность статьи связана с междисциплинарным аспектом, а также с проблемой изучения коммуникативного пространства художественных текстов. Целью исследования является анализ основных тенденций в области стилеобразующей функции авторской модальности на основе сравнительного рассмотрения художественной практики Ф. Фюмана и Б. Шлинка. Сравнительно-типологический ракурс изучения позволяет сделать вывод о том, что своеобразие выражения авторской модальности, а также ее эволюция в художественной практике писателей определяются ярко выраженным автобиографизмом и личностными особенностями авторов. Так, уход от бинарной оценочной оппозиции сказки к полисемантичности мифа и диффузии канонических жанров открыл новые стилистические возможности для способов выражения авторской модальности в творчестве Ф. Фюмана, а выбор художественных средств и авторская модальность произведений Б. Шлинка предопределены аксиологическими установками и приоритетами протестантизма, сформированными еще в детстве и находящими своеобразную правовую базу в ментальности Б. Шлинка-юриста. С этим связано отличие в отношении к Слову у Фюмана, в конце творческого пути усомнившегося в его действенности и обратившегося к эмоциональной универсальной стихии танца, и Шлинка, в поэтике романов которого живописный и фотографический экфрасисы расширяют возможности его повествовательной техники. При всем различии истоков духовного опыта и жизненных перипетий интермедиальный дискурс, появляющийся в зрелой творческой практике Ф. Фюмана и Б. Шлинка, становится способом постижения вечных вопросов бытия.

Ключевые слова: модальность, субъективная модальность, модальность художественного текста, сказка, миф, жанр, экзистенциальная ситуация, интермедиальность

Для цитирования: Шарыпина Т. А. Поэтологические функции авторской модальности в художественной практике Ф. Фюмана и Б. Шлинка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 81–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.709

ВВЕДЕНИЕ

Стремительно трансформирующаяся действительность и ее социокультурный и политический контекст непосредственно влияют на специфический характер авторской модальности, реализующей себя в неминуемых сдвигах этических норм и экспрессивности оценки описываемых событий, стилеобразующих функций. В трудах, посвященных модальности, подчеркивается «человеческий фактор как важный экстралингвистический компонент языковых преобразований» [3: 8] и отмечается, «что категория авторской модальности в значительной степени определяется личностными особенностями автора, его эмоционально-этической сферой, аксиологически-

ми установками» [2: 20]. Интересные тенденции в области стилеобразующей функции авторской модальности выявляются при сравнительном анализе художественной практики Франца Фюмана (15 января 1922 – 8 июля 1984) и Бернхарда Шлинка (род. 6 июля 1944).

СТИЛЕОБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ Ф. ФЮМАНА

Первоисточник проблем, сюжетов и конфликтов произведений Ф. Фюмана, а также способов их воплощения, включая эволюцию и модификацию определенных изобразительно-выразительных средств или особенностей

изменения синтаксических конструкций, следует искать прежде всего в событиях его собственной жизни. Свою личную историю писатель считал не только фактом индивидуальной судьбы отдельного человека, но рассматривал ее как типичное явление той или иной исторической эпохи. Очень рано у Фюмана появляются интерес к сказочному и мифологическому наследию и, как следствие, многообразное использование этого материала, особенно в зрелом творчестве. Несомненно, это связано со знаменательным местом рождения писателя, наложившим особый отпечаток на авторское видение мира: у подножия Судетских (Исполиновых – *Riesengebirge*) гор, где с древнейших времен взаимодействовали немецкая, австрийская, славянская культуры. Ф. Фюман происходил из католической семьи, и торжественность и пышность католического богослужения также наложили особый отпечаток на его этическую систему с раннего детства. Стилистическая палитра Ф. Фюмана при всех изменениях его аксиологических установок в результате катастрофических событий XX века в Германии отличается удивительной насыщенностью и разнообразием изобразительно-выразительных средств. Немалое значение имело и то, что в качестве эталона и оценочной парадигмы и жизненного ориентира он выбирает художественные достижения немецких романтиков. Не случайно в конце 1970-х годов Фюман пишет эссе о творчестве Э. Т. А. Гофмана «Фройляйн Вероника Паульман из предместья Пирны, или Нечто о страшном у Э. Т. А. Гофмана» (*Fräulein Veronika Paulmann aus der Pirnaer Vorstadt oder Etwas über das Schauerliche bei E. T. A. Hoffmann*, 1979). Совершенно иной экстралингвистический компонент, иная коммуникативная практика влияют на формирование стилеобразующей функции авторской модальности Б. Шлинка. Становление личности Б. Шлинка определялось особой домашней атмосферой, связанной с нравственными, общественными, политическими взглядами его родных и близких. Уже само место рождения в северной части Германии (Гросдорнберг) предопределило своеобразие формирования его ментальных кодов. Отец – Эдмунд Шлинк – был видным немецким лютеранским теологом, идеологом экуменизма, активным участником Исповедующей церкви (*Bekennende Kirche*) в Германии. Теологами были мать писателя – Ирмгард Освальд, родом из Швейцарии, а также тетя. В такой эмоционально-этической атмосфере, в обстановке простоты и минимализма происходило становление аксиологических установок и нравственных

ценностей будущего писателя. Протестантизм, по мнению С. С. Аверинцева, создал культуру – мирскую и церковную, в которой происходит перенос акцента с церковных таинств на проповедь, а также с личного послушания духовным «предстоятелям» и практики регулярной церковной исповеди – на индивидуальную, личную ответственность перед Богом (см. об этом подробно: [1: 120]). Поэтому не случайно в произведениях писателя особое внимание уделяется Слову и волнующей автора дилемме о первичности Слова или Дела. Романы Б. Шлинка обращены к среднестатистическому немцу, представителю среднего класса, начинающему подводить промежуточные итоги своего жизненного пути. Аксиологические приоритеты протестантизма в ментальности Б. Шлинка определяются и правовой базой [11]. В официальных справочниках всегда указывается его профессиональная принадлежность: немецкий юрист и писатель. Немаловажно и то, что он не только преподавал право в различных университетах Германии, но с 1987 по 2006 год являлся судьей Конституционного суда земли Северный Рейн-Вестфалия. Следует сказать, что правовое сознание Б. Шлинка, особенно в начале творческого пути, явно определяет его творческие интенции. К соревнованию творчеству писатель приходит почти случайно. Первые романы, созданные в детективном жанре, о Гебхарде Зельбе были написаны как игра ума в свободное время совместно с другом Вальтером Поппом, тоже юристом, во время трехмесячного пребывания в одном из университетов Прованса. Уже в этих книгах первоочередной проблемой можно назвать вопрос о «пользе справедливости», сходный с темой научных интересов самого автора, обозначенной в 1989 году, – «Право – вина – будущее» в качестве названия его первого публицистического эссе.

Если экстралингвистический компонент языковых предпочтений Б. Шлинка в начале творческого пути во многом зависел от эмоционально-этической сферы, сформированной протестантизмом и его профессиональной деятельностью, то поэтиологические приоритеты Ф. Фюмана, связанные с фольклором, и прежде всего со сказкой, в послевоенный период определялись другими нравственными предпочтениями. Анализируя впоследствии природу мифа в книге «Двадцать два дня, или Половина жизни» (*«Zweiundzwanzig Tage oder Die Hälfte des Lebens»*, 1973) и в докладе «Мифический элемент в литературе» (*«Das mythische Element in der Literatur»*, 1974 [10]), Ф. Фюман констатирует

качественно иную дистрибуцию в мифе «света» и «тени», добра и зла, чем в сказке. Если в сказке сюжет всегда приходит к однозначному концу, то миф всегда полисемантичен и находится в развитии. В начале творческого пути писателя больше располагала к себе прямолинейность сказки с неизменной победой светлых сил. Однако уже в поэтическом сборнике «Направление сказок» можно заметить более сложное понимание поэтики сказки:

«Die Richtung der Märchen: tiefer, immer zum Grund zu, irdischer, näher der Wurzel der Dinge, ins Wesen»¹.

В конечном итоге это способствует более гибкому и неоднозначному прочтению сказочных сюжетов, их своеобразному «остранению». Писатель начинает анализировать зачастую тяжелый путь героя к счастливому финалу, требующий у него немалого самоотречения. Он говорит:

«“Laßt mich hinunter, und wenn ich vor Angst an den Strängen zerre, und je mehr ich zerr, desto tiefer laßt mich hinunter”. Und sie ließen ihn hinunter, und er zerrte, und sie ließen ihn tiefer hinab, und er kam, zerrend, in die Höhle, und er besiegte den Drachen»².

К этому в достаточной степени «оптимистическому» по общему мироощущению периоду относится небольшая новелла Ф. Фюмана «Богемия у моря» («Böhmen am Meer», 1962), построенная на доминирующем и оригинально варьирующемся мотиве, взятом из «Зимней сказки» Шекспира, – мотиве Богемии, лежащей у моря. Эта емкая метафора в произведении писателя получает множество новых смыслов. Ф. Фюман придает шекспировской реминисценции вполне конкретное значение, содержащее определенную эмоциональную и нравственную оценку. В тридцатых годах в Судетах обсуждалась возможность присоединения к Германии новых территорий, в том числе и Богемии. В таком случае границы Богемии могли бы вполне расположиться у моря. Эта «мифологема» насаждалась в умах жителей Судетских областей, особенно молодого поколения, о чём Ф. Фюман знал из личного опыта. Неожиданная и на первый взгляд случайная метафора имеет и другое конкретное значение. После войны судетские немцы были переселены в Восточную Германию, на Балтийское взморье, образовав небольшую, компактно проживающую «Богемию» у моря. Поводом к написанию послужило недовольство судетских немцев в Западном Берлине, требовавших возвращения им довоенных территорий. Пи-

сатель был поражен тоном пропагандистов, ярко напомнившим пафосные выступления нацистских пропагандистов в 1938 году. Так, на первый взгляд случайная метафора в контексте как личных событий из жизни автора, так и европейской истории получает острое современное звучание. Анализ стилеобразующих особенностей, изобразительно-выразительных средств и синтаксических конструкций этой новеллы показателен для общей оптимистической тональности творчества писателя этого периода. Он позволяет выявить такие черты стиля Фюмана-прозаика, как живописность, особенно проявляющуюся на страницах, посвященных природе Германии и Балтийскому морю, замедленность повествования, создаваемую уточнениями, повторами, тщательно отобранными и выписанными с большой точностью и поэтичностью деталями, напоминающую шум волн балтийского побережья. Все это создает особое романтическое настроение, полное надежды, и показывает личностное отношение писателя ко всему происходящему. Стиль этой новеллы Фюмана многое теряет в своей выразительности даже при хорошем переводе, так как писатель не только использует магию монотонных повторов, имитирующих и поток сознания героя, постоянно возвращающегося к мыслям о долгожданной поездке к морю, и сам монотонный шум набегающих волн. Опыт лирического поэта помогает Фюману прекрасно использовать фонетическое звучание слов, имитирующих звук плавно набегающих морских волн:

«Ich stand auf der Düne und sah die Wogen rollen; ich hörte das Brausen des Windes und das Rollen der Wogen und ihren Schlag an den Strand; Seeschwalben schossen silbern über die Wellen, und ich sah die See und die Schwalben und den Himmel und war nicht mehr auf dieser Welt»³.

«Я стоял на дюне, смотрел на море и слушал свист ветра и грохот валов, обрушившихся на берег, над водой серебристыми стрелами неслись ласточки; глаза охватывали все сразу – море, ласточек, небо, и мне казалось, что я очутился в каком-то другом мире»⁴.

Переходность этого произведения в мировидении и мироощущении Фюмана связана с появлением еще одной мифологемы. Застывшая фигура фрау Траугот несет в себе хорошо известную древнегреческую аллюзию и напоминает окаменевшую от горя Ниобею с застывшим лицом и остановившимся взглядом (мотив также позаимствован из «Зимней сказки» Шекспира). Определяющими в процессе дальнейших художественных исканий Фюмана становятся образ мифического Одиссея и мотив его многочисленных странствий, появляющиеся впервые в контексте литературных, исторических и мифических реминисценций книги «Двадцать два дня,

или Половина жизни»⁵ («Zweiundzwanzig Tage oder Die Hälfte des Lebens», 1973). Образ «в бедах упорного», «многострадального» Одиссея стал, вероятно, самым востребованным в немецкой литературе XX века. Тема многострадального и упорного в жизненных невзгодах Одиссея становится магистральной в произведениях писателя последних лет – радиопьесе «Тени»⁶ («Die Schatten», 1984) и «балете» «Кирка и Одиссей» («Kirke und Odysseus». Ein Ballet, 1984), сценарий которого является своеобразным знаковым, но не воплощенным на сцене произведением. Экспериментаторство Фюмана связано с проблемой адекватности восприятия произведения словесного искусства замыслу автора, возможности точно выразить мысль и быть правильно понятым. Неустанные поиски адекватных средств изображения спровоцировали эволюцию самой тональности авторской модальности в творчестве писателя от оптимистически приподнятой к трагической, спровоцированной неразрешимыми для писателя личными катастрофами и мировыми катаклизмами бытия. В радиопьесе «Тени» в соответствии с жанром из всех возможных средств художественной выразительности есть только звучание Слова, лаконичные реплики диктора, акустические эффекты и выразительность звучания человеческого голоса. По сути радиопьеса могла быть озвучена двумя голосами, мужским и женским, единодушными в оценке происходящего. К этому располагает и специфика жанра радиопьесы, а своеобразие драмы-дискуссии заставляет сконцентрироваться не на том, *кто* говорит, а на том, *что* говорят [7]. Все это способствует созданию определенной экзистенциальной ситуации в сюжете и проблематике этого произведения Фюмана, в изобразительно-выразительных средствах преобладают повторы, уточнения, циклическое построение диалогов, развивающихся как бы по спирали, что не только создает ощущение безысходности замкнутого круга в рассуждениях персонажей, но свидетельствует и об амбивалентности авторской оценочной системы. Слово выступает в своей обнаженной, ничем не приукрашенной сути. Однако автор идет дальше, как будто бы усомнившись в возможностях логического познания, выраженного Словом, разрешить краеугольные проблемы бытия. В своем последнем произведении – «балете» «Кирка и Одиссей» – Фюман использует интермедиальные возможности и обращается к всеобщему универсальному языку – языку человеческих чувств и настроений, к музыке и танцу, насыщенной экзистенциальными мотивами дра-

ма-дискуссия была лишена того, что составляет суть балетного спектакля – воплощения эмоциональной сферы, стихии чувства, растворенных в музыке и танце, что дает возможность раскрыть иные стороны в знакомых классических образах. Основой хореографического действия служит танец, воплощающий события сюжета, состояния и характеры. С помощью драматургии общих и понятных для всех чувств в танце передаются узловые моменты взаимоотношений героев, хореография имеет обобщенный характер и развивается в формах, аналогичных принципам симфонической музыки. В этой связи почти одновременно в художественных исканиях Фюмана встает другая важнейшая проблема – взаимосвязанность таких понятий, как язык, слово и миф. Это приводит к тому, что размышления о значении мифа в интеллектуальной и художественной истории человечества, а также размышления о действенности Слова в коммуникации поднимаются на новый уровень. Творчество Ф. Фюмана 70-х – начала 80-х годов отражает состояние тяжелого духовного кризиса, вылившегося в художественной практике в поиски новых эстетических принципов. Показателен уход писателя от бинарной оценочной оппозиции сказки к многовариантности и полисемантичности мифа, от веры в силу Слова оптимистического периода и от использования канонической жанровой системы к диффузии привычных жанров и продуктивному экспериментаторству в области интермедиальности, содержащему большие возможности для способов выражения авторской модальности.

К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. ШЛИНКА

Любопытно, что и в творчестве Б. Шлинка в переломный момент творческого пути начала двухтысячных мы наблюдаем обращение к полисемантичности мифа, возникает и мифология странствий Одиссея⁷. В отличие от Ф. Фюмана, у Б. Шлинка появляется образ Телемаха [8], [9], [12], что вполне закономерно, поскольку проблема взаимоотношения поколений, «коллективной вины», которая наложила особую печать на судьбы «второго поколения», «поколения детей», – одна из центральных в проблемном круге писателя. В этом «духовном ландшафте» герой романа «Возвращение» – одновременно и Телемах, и Одиссей послевоенного поколения детей, пытающихся не только найти ответы на трагические вопросы, поставленные историей, но и убедиться в справедливости извечных нравственных ценностей. Новый Телемах,

отражая автобиографические черты и интересы автора, работает в известном издательстве юридической литературы и пишет диссертацию на тему «Польза справедливости». Подобный личностный поворот обусловлен экстралингвистическими компонентами, в частности автобиографическими мотивами. Роман «Возвращение» – произведение переломное в эволюции авторской модальности, когда однозначность юридических понятий и минимализм стиля писателя начинают приобретать новые, уже не юридически скрупулезные и пуритански ориентированные черты. Роман, особенно в швейцарских эпизодах, отличается прозрачным, серьезным, в каком-то смысле задушевным стилем, поскольку явно включает близкие самому автору реалии и детали из его собственного традиционного детства немецкого мальчика, подростка. Сцены, посвященные описанию жизни и быта бабушки и дедушки героя, явно носят автобиографический характер. Интертекстуальная подсуггестия романа позволяет расширить коммуникативное пространство, подключив смысловые пластины по сути всех времен и народов, выбрав из них знаковые для немецкого менталитета произведения, мотивы, образы. Так, бабушка и дедушка героя с их нехитрым, но опрятным хозяйством и полезными занятиями напоминают не столько Лаэрта и Антиклею, сколько современных Филемона и Бавкиду на фоне неброского, но уютного пейзажа:

«Сад был большой; улицу от дома отделяла лужайка, с правой стороны были разбиты овощные грядки с помидорами и фасолью, тянулись кусты малины, смородины и ежевики <...> по левую сторону шла широкая, посыпанная гравием дорожка, которая сворачивала за дом, где находилась входная дверь, обрамленная двумя кустами гортензии <...> Скрип гравия, жужжание пчел, стук мотыги или металлических граблей на огороде, запавшие мне в память с тех пор, как я проводил лето у бабушки с дедушкой, стали для меня звуками лета <...> Дед ходил за покупками через день, следя маршрутом от молочной лавки к сырной <...> Дедушка ходил в светлой полотняной куртке и светлой полотняной кепке, в кармане куртки лежала книжечка, которую бабушка сшила ему из обрезков бумаги, в книжечку он записывал, что надо купить <...> Я нес старую кожаную сумку, а поскольку мы ходили за покупками через день, она никогда не заполнялась доверху, и нести ее было не тяжело. Быть может, дедушка ходил за покупками через день, чтобы доставить мне удовольствие? <...> А еще были звуки вечера и наступавшей ночи <...>»⁸.

Удивительным теплом, ностальгией, сладкой грустью веет от этого очень личного отрывка. Слишком он пронзительно прост и обезоруживает своей искренностью. Именно в этом произведении начинается прорыв Б. Шлинка в новое художественное коммуникативное про-

странство, представляющий собой поистине расширяющийся «духовный ландшафт», в отличие от минимализма художественных средств первых детективных романов и даже минималистской поэтики «Чтеца». Поражает сама лексика этих швейцарских эпизодов: автор выбирает для своих *Großeltern* только самые простые, теплые и задушевные, явно лично выстраданные слова. Не случайно в контексте характеристики особенностей современного речевого общения Ф. Фюман сделал замечание о том, что «прилагательные есть иероглифы воспоминаний». В данном случае, используя слова Ф. Феллини относительно его фильма «Амаркорд», – «прекрасные и горькие воспоминания». Становится очевидной та эволюция, которую проходит художественная практика Б. Шлинка от скучного на слова немецкого юриста к Слову Шлинка-писателя-творца. Минимализм стиля писателя начинает приобретать новые поэтические доминанты, связанные, как и у Ф. Фюмана, с возможностями интермедиальности.

В поэтике романа «Женщина на лестнице»⁹ Б. Шлинк широко использует прием экфрасиса в разных его проявлениях и видах, прежде всего в его эмоционально-экспрессивной и сюжетообразующей функциях. Далеко не каждый читатель заметит аналогию с известными живописными полотнами последней трети XIX–XX веков, так как название «Женщина на лестнице» повествует нам о реальной женщине, изображенной идущей вниз по лестнице [14]. Этот живописный сюжет оказался достаточно редким в истории мировой живописи и заставляет вспомнить известную картину Огюста Ренуара «Женщина на лестнице», вместе с парной «Мужчина на лестнице», представляющей декоративное панно, украшавшее особняк известного издателя Жоржа Шарпантье. Анализируя литературные произведения, включающие в свою структуру экфрастические описания, можно отметить, что обычно писатели используют очень узнаваемые классические произведения, Б. Шлинк, напротив, в романе «Женщина на лестнице» обращается в параллель с О. Ренуаром к актуальной живописи XX века, что само по себе было определенной смелостью и требовало от читателей интеллектуальной грамотности и определенных познаний современного искусства. В примечаниях к роману автор замечает, что портрет Ирены на лестнице может напоминать читателям картину Герхарда Рихтера «Эма. Обнаженная на лестнице»¹⁰. Эта картина относится к периоду, когда художник работал на стыке живописи и фотографии, что вызывало непонимание со стороны критиков и зрителей

и обвинения в поп-арте. Однако Рихтер настаивал на том, что это новый вид искусства. Известно, что он переписывал картину, стараясь достичь наибольшего эффекта, пока не окутал свою модель своеобразной дымкой или туманом, добившись успеха у зрителей. Не только тонкий стилист Б. Шлинк, но и автор рассматриваемой картины предлагает нам интеллектуальную игру, поскольку это творение само по себе является репликой работы Марселя Дюшана «Обнаженная, спускающаяся по лестнице» (1912), как известно, совмещавшей в себе опыты двух художественных направлений – кубизма и футуризма, когда трактованные в кубистическом духе изображения комбинируются с передачей различных фаз движения.

В романе «Ольга» [5], [6], [13] писатель идет дальше и использует тип так называемого фотографического экфрасиса, в большей степени отвечающего аксиологическим установкам его юридически ориентированного сознания, привыкшего к точности факта. В контексте романа с притязанием на документальность, поскольку в основу его сюжета легли реальные исторические события, связанные с загадочной гибелью экспедиции Герберта Шредер-Штранца, более уместной при создании образов героев должна была оказаться фотография или так называемый фотографический экфрасис. Будучи «не искусством», прежде всего онтологически, фотография именно в своей механистичности запечатления действительности обнаруживает особую природу, стимулирующую воображение наблюдателя и зрителя, что становится средством активной творческой деятельности. В романе Б. Шлинка перед нами описания вымышленных автором фотографий, которые, однако, не только играют сюжетообразующую и характерологическую роль, но и становятся способом документирования, так как описываемые снимки запечатлевают события не просто жизни героев, но судьбы частного человека XX века, жизнь которого не только вписана в непростую мировую историю, но составляет и творит эту историю. Любопытно, что в романе упоминаются, но не описываются реальные фотографии экспедиции Шредер-Штранца, на которых были

«ледяные пустыни, глетчеры, айсберги, белые медведи, моржи и люди в толстых меховых шубах, стоящие в героических позах рядом с санями, лыжами и ездовыми собаками – газетный художник сделал из фотографий лаконичные рисунки с тонкими черными линиями. На взгляд Ольги, они напоминали карикатуры. Как будто арктическая экспедиция – это повод для шуток!»¹¹

Возможно, на такое отношение писателя к реальным фотографиям, опубликованным ко времени написания романа в 2008 году в «Шпигеле», повлиял их явно постановочный характер, а также найденный Фальком Манке восьмиминутный фильм Кристофа Раве, входившего в состав погибшей экспедиции [15]. Фотография обретает жизнь в художественном Слове, «в слове-понятии, в слове-смысле» [4]. С точки зрения исследователя, фотография как таковая одушевляется и осмысливается реалистическим Словом, только в таком контексте она становится орудием исследования и постижения действительности. В этом усматривается отличие в отношении к Слову и у Ф. Фюмана, в конце творческого пути усомнившегося в его действенности и обратившегося к эмоциональной универсальной стихии танца, и у Б. Шлинка, в поэтике романов которого живописный и фотографический экфрасисы расширяют возможности повествовательной техники, его Слова и обогащают познавательные стратегии автора, расширяя проблемное поле и обогащая этико-эстетическую палитру его произведений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тем не менее при всем различии истоков духовного опыта и жизненных перипетий интермедиальный дискурс, появляющийся в зрелой творческой практике Ф. Фюмана и Б. Шлинка, становится способом постижения «вечных», «вселенских» вопросов. Обращение к интермедиальности, ставшее актуальным в период поиска ценностных ориентиров, служит примером потребности в восстановлении утраченной целостности мира и осмысления. Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что своеобразие выражения авторской модальности, а также эволюция ее поэтологических функций в художественной практике писателей определялись ярко выраженным автобиографизмом и личностными особенностями авторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Fühmann F. Die Richtung der Märchen // Fühmann F. Die Richtung der Märchen. Gedichte. Brl., 1962. S. 125. «Направление сказки: глубже, всегда ко дну, где корни, в суть вещей» (пер. В. Микушевича).

² Там же. Подстрочник стиха: «Он сказал: «Опустите меня, и если я // буду дергать за пряди от страха, и чем больше я дергаю, тем // глубже опустите меня», и // они опустили его, и он дернул, и они оставили его // спустившись ниже, // он, пошатываясь, вошел в пещеру //и победил дракона» (пер. Е. Витковского).

³ Fühmann F. Erzählungen 1955–1975. Rostock: VEB Hinstorff Verldg, 1990. S. 185–186.

⁴ Фюман Ф. Богемия у моря. Избранное: Сборник / Пер. Н. Бунина. М., 1989. С. 76.

⁵ Фюман Ф. Двадцать два дня, или Половина жизни. М., 1976. 288 с.

⁶ Fühmann F. Die Schatten // Neue Deutsche Literatur. 1984. № 11. S. 96–121.

⁷ Schlink B. Die Heimkehr. Zurich: Diogenes Verlag, 2006. 375 s.

⁸ Шлинк Б. Возвращение: Роман / Пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 10–11, 13.

«Der Garten war groß; zwischen Straße und Haus lag eine Wiese, neben dem Haus gab es auf dem rechten Seite Gemüsebeete, Tomaten- und Bohnenstauden, Himbeer- und Johannisbeerbüschle <...> auf den linken Seite einen breiten Kiesweg, der zur rückwärtiger Seite des Hauses führte, zu dem von zwei Hortensienbüschengerahmten Eingang <...> Das Knirschen des Riesen, das Summen der Bienen, der Klang der Hacke oder des Rechens bei der Gartensrbeit – seit den Sommern sin des Sommergeräusche <...>

Jeden zweiten Tag ging der Großvater einkaufen und machte die Runde vom Milch- und Käsegeschäft <...> Er trug seine helle Leinenjacke und eine ebenso helle Leinen kappe, hatte in der Jackentasche ein Büchlein, das die Großmutter au shier und da anfallendem leeren Papier näpey und in das sie die Einkaufsaufträge schrieb <...> Ich trug die alte, lederne Einkaufstasche, die, weil wir jeden zweiten Tag einkaufen gingen, nie so voll war, daß ich mich beim Tragen schwergetan hätte.

Ging der Großvater jeden zweiten Tag mit mir einkaufen, um mir eine Freude zu machen? <...>

Dann gab es noch die Geräusche des Abends und der Nacht <...>, – Schlink B. Die Heimkehr... S. 11–12.

⁹ Шлинк Б. Женщина на лестнице. СПб.: Азбука, 2015. 256 с.

¹⁰ Там же. С. 253.

¹¹ Шлинк Б. Ольга: Роман. М.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 105.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. София-логос: Словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/sofiya-logos-slovar-read-398791-120.html>. С.120 (дата обращения 07.09.2020).
2. Ваулина С. С., Девина О. В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8. С. 13–21.
3. Ваулина С. С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8. С. 7–12.
4. Сапаров М. Словесный образ и зримое изображение (живопись – фотография – слово) // Литература и живопись: Сб. статей. Л.: Наука, 1982. С. 66–93.
5. Чугунов Д. А., Гущина А. И. Мифология XX века в романе Бернхарда Шлинка «Ольга» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (677). С. 295–297.
6. Чугунов Д. А. Особенности репрезентации прошлого в прозе Бернхарда Шлинка // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 2. С. 186–201.
7. Шарыпина Т. А. Гомеровские мотивы в радиопьесе Франца Фюмана «Тени» // Новое о старом и новом. Ч. 2. Зарубежная литература нового времени. Переводы. Статьи. Комментарии: Хрестоматия для студентов. Самара, 2002. С. 228–248.
8. Шарыпина Т. А. Немецкая «Одиссея» Бернхарда Шлинка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1–2. С. 267–271.
9. Cavefty G. Die Odyssee als Obsession // Neue Zürcher Zeitung. 2006. 22. April [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nzz.ch/articleDLKTE-1.26954> (дата обращения 20.09.2019).
10. Fühmann F. Das mythische Element in der Literatur. Vortrag. Fühmann F. Erfahrungen und Widersprüche. Versuche über Literatur. Rostock, 1975. 222 s.
11. Güntner. Fabulierender Jurist mit klarer Prosa – Bernhard Schlink wird 70 // Neue Zürcher Zeitung. 2014. 07. July [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nzz.ch/feuilleton/buecher/fabulierender-jurist-mit-klarer-prosa-1.18336895> (дата обращения 22.10.2019).
12. Heidemann B. Bernhard Schlink erzählt vom Drama eines Jahrhunderts // Wiener Allgemeine Zeitung. 2018. 10. Jan. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.waz.de/kultur/bernhardschlink-erzaehlt-vom-drama-eines-jahrhunderts-id213072235.html> (дата обращения 30.04.2019).
13. Kürten J. Ein deutsches Jahrhundert: Bernhard Schlinks neuer Roman «Olga» // Deutsche Welle. 2018. 12. Jan. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dw.com/de/ein-deutschesjahrhundert-bernhard-schlinks-neuer-roman-olga/a-42114066> (дата обращения 24.06.2019).
14. Schulze Th. Oberlehrerhaft vorgetragene Trivialitäten. Bernhard Schlinks neuer Roman “Die Frau auf der Treppe” enttäuscht. Literaturkritik.de. 2014. 1 September [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://literaturkritik.de/id/19526> (дата обращения 21.09.2019).
15. Thadeusz F. Abenteurer: Harakiri im Polarmeer // Spiegel Geschichte [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/geschichte/abenteurer-a-946817.html> (дата обращения 20.10.2020).

Original article

Tatyana A. Sharypina, Dr. Sc. (Philology), Professor, Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-8585-8983; *swawa@yandex.ru*

POETOLOGICAL FUNCTIONS OF AUTHORIAL MODALITY IN THE ARTISTIC PRACTICE OF FRANZ FÜHMANN AND BERNHARD SCHLINK

A b s t r a c t. The paper for the first time analyzes the poetological functions of authorial modality through the example of the works of Franz Fühmann and Bernhard Schlink in a comparative aspect. The relevance of the paper is confirmed by its multidisciplinary focus and the problem of the communicative space of a literary text. The aim of the study is to discover the main tendencies of authorial modality and its functioning in style formation based on a comparative analysis of the works of Fühmann and Schlink. The comparative and typological perspective proves that the originality of authorial modality expression and its evolution in the creative practice of writers is determined by the strongly pronounced personal background and individual experience of authors. Specifically, the withdrawal from the biased binarity of a fairy tale in favour of the myth's polysemy and the diffusion of canonical genres in Fühmann's works opened new stylistic possibilities for the ways of expressing authorial modality, while the choice of artistic devices, as well as the authorial modality of Schlink's works were predefined by the axiological principles and priorities of Protestantism which had formed Schlink's personality in his childhood and then found a certain legal basis in his mentality as a lawyer. It explains the difference in the attitude to the phenomenon of the Word between Fühmann who doubted its effectiveness and appealed to the emotional universality of dance at the end of his career and Schlink whose novels are marked by the use of artistic and photographic ekphrasis, which is widening his narrative technics. Despite all the differences in the origins of spiritual experience and life peripeteia, the intermedial discourse which finds its expression in the mature creative practice of Fühmann and Schlink becomes a way of comprehending "eternal" questions of existence.

Key words: modality, subjective modality, fiction modality, fairy tale, myth, genre, existential situation, intermediality

For citation: Sharypina, T. A. Poetological functions of authorial modality in the artistic practice of Franz Fühmann and Bernhard Schlink. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):81–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.709

REFERENCES

1. Averintsev, S. S. Sofia-logos: Dictionary. Available at: <https://www.rulit.me/books/sofiya-logos-slovar-read-398791-120.html>. C.120 (accessed 07.09.2020). (In Russ.)
2. Vaulina, S. S., Devina, O. V. Author's modality as a text-forming category (problem statement). *Bulletin of Immanuel Kant Russian State University*. 2010;8:13–21. (In Russ.)
3. Vaulina, S. S. Modality as a communicative category: some debatable aspects of research. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University*. 2013;8:7–12. (In Russ.)
4. Saparov, M. Verbal image and visible image (painting – photography – word). *Literature and painting: Collection of articles*. Leningrad, 1982. P. 66–93. (In Russ.)
5. Chugunov, D. A., Gushchina, A. I. Mythology of the 20th century in the Bernhard Schlink's novel "Olga". *The World of Science, Culture and Education*. 2019;4(677):295–297. (In Russ.)
6. Chugunov, D. A. Representation of the past in Bernhard Schlink's fiction. *Studia Litterarum*. 2020;5(2):186–201. (In Russ.)
7. Sharypina, T. A. Homeric motifs in Franz Fühmann's radio play "Shadows". *The new about the old and the new. Part 2. Foreign literature of the modern times. Translations. Articles. Comments: Anthology for students*. Samara, 2002. P. 228–248. (In Russ.)
8. Sharypina, T. A. The German "Odyssey" by Bernhard Schlink. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012;1–2:267–271. (In Russ.).
9. Caveley, G. Die Odyssee als Obsession. *Neue Zürcher Zeitung*. Available at: <https://www.nzz.ch/articleDLK-TE-1.26954> (accessed 20.09.2019).
10. Fühmann, F. Das mythische Element in der Literatur. Vortrag. Fühmann F. Erfahrungen und Widersprüche. Versuche über Literatur. Rostock, 1975. 222 s.
11. Güntner. Fabulierender Jurist mit klarer Prosa – Bernhard Schlink wird 70. *Neue Zürcher Zeitung*. Available at: <http://www.nzz.ch/feuilleton/buecher/fabulierender-jurist-mit-klarer-prosa-1.18336895> (accessed 22.10.2019).
12. Heidemann, B. Bernhard Schlink erzählt vom Drama eines Jahrhunderts. *Wiener Allgemeine Zeitung*. Available at: <https://www.waz.de/kultur/bernhardschlink-erzaehlt-vom-drama-eines-jahrhunderts-id213072235.html> (accessed 30.04.2019).
13. Kürten, J. Ein deutsches Jahrhundert: Bernhard Schlinks neuer Roman "Olga". *Deutsche Welle*. Available at: <https://www.dw.com/de/ein-deutschesjahrhundert-bernhard-schlinks-neuer-roman-olga/a-42114066> (accessed 24.06.2019).
14. Schulte, Th. Oberlehrerhaft vorgetragene Trivialitäten. Bernhard Schlinks neuer Roman "Die Frau auf der Treppe" enttäuscht. *Literaturkritik.de*. Available at: <https://literaturkritik.de/id/19526> (accessed 21.09.2019).
15. Thadeusz, F. Abenteurer: Harakiri im Polarmeer. *Spiegel Geschichte*. Available at: <https://www.spiegel.de/geschichte/abenteurer-a-946817.html> (accessed 20.10.2020).

Received: 1 September, 2021; accepted: 20 December, 2021

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА АЛЕКСАНДРОВА

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации»

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5183-9322; nam-s-toboi@mail.ru

ШКОЛЯРЫ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ: «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ПОИСКАХ БЛАГОРОДСТВА

Аннотация. Актуальность темы определяется как запросом современного литературоведения на пересмотр традиционных для советского прошлого эстетических оценок и идеологических трактовок произведений о войне, так и задачей углубленного изучения творчества Булата Окуджавы, которое началось относительно недавно. Ранняя повесть Окуджавы «Будь здоров, школьарь» (1961) и соавторская киноповесть «Женя, Женечка и “катюша”» (1968) впервые сопоставляются как этапы рефлексии о «маленьком человеке» в ситуации войны. Рабочая гипотеза исследования базируется на идеях Л. Я. Гинзбурга о новой функции «маленького человека» в искусстве XX века (именно он, ставший универсальным символом человеческой уязвимости, призван восстанавливать моральное равновесие) и на принадлежащих В. А. Кошелеву обобщениях мифологизации 1812 года как «последней рыцарской войны». Этот подход позволяет определить своеобразие проблематики повестей Окуджавы на фоне «лейтенантской прозы», сравнить основные типы автопсихологических персонажей – искателей благородства. Принципиально новым является анализ исторических и литературных фантазий «школьаров» – приема, реализующего трезвый авторский взгляд на «благородную старину» (наполеоновскую эпоху).

Ключевые слова: Булат Окуджава, Л. Я. Гинзбург, «маленький человек», Отечественная война, наполеоновская эпоха, миф, «лейтенантская проза», автопсихологический персонаж

Для цитирования: Александрова М. А. Школьары Булаты Окуджавы: «маленький человек» в поисках благородства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 89–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.708

ВВЕДЕНИЕ. «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В КОНЦЕПЦИИ Л. Я. ГИНЗБУРГ

Еще в середине 1950-х годов Л. Я. Гинзбург констатировала, что современное мировое искусство отвело центральное место «страдательному, маленькому человеку, просто человеку», чья функция изменилась по сравнению с классическими воплощениями типа в творчестве Пушкина и Гоголя. Если для гуманистов прошлого «маленький человек» был «предметом отчужденного сострадания», то в XX веке он стал «выразителем всех – больших и малых, глупых и умных, умудренных и малограмотных»; именно в нем

«поколение узнаёт свои страдания. Это – всеобщность нищеты и бездомности, всегдашней смертной угрозы и полицейского запрета, хлеба насущного и любви, отчаянно цепкой и всему противостоящей» [5: 285].

Опыт войн XX века предельно обострил сознание человеческой «малости». Г. С. Померанц

в статье на годовщину смерти Окуджавы подчеркнул единое для читателя и художника самоощущение, которое можно определить (пользуясь терминологией Л. Я. Гинзбург) как историческую эмоцию: «*Все мы – маленькие люди рядом с танками*. Все мы не способны шагать в ногу с межконтинентальными ракетами»¹ [11: 24].

Но когда Л. Я. Гинзбург обращается к ранней повести Булаты Окуджавы в эссе «Вокруг “Записок блокадного человека”», положение «маленьких людей» XX века рассматривается не только в аспекте страдательности:

«О повести Окуджавы (“Будь здоров, школьарь”) говорили, что изображен в ней трус, слоняй, психологический дезертир, и никто не отметил любопытную черту: этот мальчик, который несчастен, который боится и жалеет себя и хочет, чтобы мама его пожалела, – ни разу, ни на мгновение не усомнился в том, что надо было идти и делать это страшное дело» [6: 580].

Мальчики-идеалисты, уходившие на фронт добровольно и зачастую погибавшие первыми (Л. Я. Гинзбург цитирует письмо одного из них [6: 579–580]), принадлежат к человеческому большинству, которое заведомо «не годится» для войны – в силу возраста (юного или преклонного), штатского опыта, душевного склада. Перед лицом войны многие оказываются истинно «маленьими людьми», однако без них невозможна победа. Так, школьарь выполняет свой солдатский долг вопреки страху, растерянности, усталости и, в конечном счете, действует не хуже остальных: «Мы делаем всё, что нужно. Всё, что нужно»².

Героическое поведение всегда общественно обусловлено, но оно (подчеркивает Л. Я. Гинзбург) выражает внутреннюю свободу личности, в то время как

«на войне миллионы самых обыкновенных людей, далеко не всегда по природе храбрых, ежеминутно рисуют жизнью и делают то, что от них требует ситуация войны»; «Потолок, последний предел героического – жертва жизнью. Война XX века превращает этот высший нравственный критерий в обыденную норму, в расхожее требование от любого человека» [6: 335].

«Любой человек», «просто человек» становится на войне «маленьким», оказавшись под тройным бременем: это физические страдания, страх смерти и утраты даже иллюзии свободы. В повести Окуджавы заглавный персонаж, постепенно привыкающий к будням войны («Как будто я не голоден. Как будто мне не холодно. Как будто мне никого не жалко» (52/а)), все сильнее ощущает груз несвободы:

«Пронесло. Опять пронесло. Как противна беспомощность собственная. <...> Почему я должен ждать, когда меня стукнет? Почему ничего от меня не зависит?» (73/а).

Но «маленький человек» XX века, одинокий перед «предельно необходимым и давящим миром объективного ужаса жизни» [5: 285], оказывается призван «восстанавливать моральное равновесие» тем или иным способом [5: 287]. Попытку такого рода и делают «школьары», персонажи двух фронтовых повестей Булата Окуджавы.

«СТАРИННЫЙ» ИДЕАЛ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ ФРОНТОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: ГЕРОИ «ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ ПРОЗЫ» И ШКОЛЯР БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

«<...> А я стою, сутулый и смешной, и я ничего не создал, а только хвастаюсь своим благородством, которого, может быть, и нету...» (52/а), – укоряет себя автобиографический персонаж Окуджавы. Поскольку эпизоды «хвастовства bla-

городством» отсутствуют в повести «Будь здоров, школьар», процитированную фразу можно трактовать как экспликацию рефлексии писательской, творческой. Смысл этого жеста раскрывается в литературном контексте эпохи: для военной прозы фронтового поколения идея личного благородства в его «старинном» – дворянском – понимании оказалась в высшей степени актуальной; поляризация героического и «обыкновенного» типов отчетливо проявилась в характере культурно-исторического самоопределения.

Взрослевшие в «сороковые, роковые» (Д. Саимолов) с первых шагов в литературе избирают 1812 год как идеальный ориентир для обобщения и типизации своего военного опыта [1]. В сознании юных фронтовиков воскресло досоветское представление, что первая Отечественная война – «последняя “рыцарская” война, которую вела Россия в ее истории» [7: 30]. Видоизменяясь в культурно-исторических перипетиях второй половины XIX – первой половины XX века, миф о 1812 году в итоге ассирировал даже толстовскую эпопею, где идея рыцарской войны отвергнута: «Нам толкуют о правах войны, о рыцарстве <...>. Все вздор»³. В годы Великой Отечественной Наполеон воспринимался как антипод Гитлера [9: 356–363], поэтому идея соперничества с достойным противником заведомо не могла прилагаться к современности. Зато статус нового дворянства, почти официально присвоенный командирскому составу советской армии, помог юным офицерам психологически отождествиться с благородными предками. Именно дворянство, как показывает В. А. Кошелев, изначально «определило мифологию Отечественной войны», сделав опорой патриотической гордости «честь русского свободного человека» [7: 34].

Повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946), стоящая у истоков «лейтенантской прозы», отразила самодвижение мифа, которое сняло противоречие между толстовской концепцией народной войны и культом героев. Здесь обозначена тенденция, ставшая затем традицией: автопсихологические и автобиографические персонажи фронтовиков «кодируются» образом толстовского князя Андрея [1: 13], [2: 164–165], романтически переосмысленного⁴. В глазах людей другой эпохи этот воин-мыслитель был олицетворением внутренней свободы, без которой нет героики. Позиция новых Болконских – синтез ранних героических вдохновений князя и откровений 1812 года о народной правде, общем духе войска; «личный опыт, отраженный в этом зеркале, получал

желанную монументальность, эстетическую завершенность» [2: 165]. Офицерское звание служило метафорой личной ответственности и духовного аристократизма⁵.

В повести Окуджавы «Будь здоров, школья» (1961) благородный дворянско-офицерский комплекс редуцируется к мечте «маявки» о «лихой офицерской шинели», в которой он был бы заменен «красивой связисткой» (51/а). Окуджавский персонаж – рядовой, каким был на фронте автор повести; в литературном контексте начала 1960-х этот биографический факт получает особую выразительность – прежде всего благодаря переименованию рядового в *школьяра*. Потенциал заглавной метафоры реализуется не столько в системе иерархических отношений «солдат – офицер»⁶, сколько во взаимодействии традиционных мифологем культуры, носителем которых выступает заглавный персонаж.

Школьяр тоже принадлежит к поколению юношей, которые были «запрограммированы» на немедленную мобилизацию, на определенное отношение к родине, к войне и миру, к товарищам, к девушке» [3: 154]. Он тоже выражает представление об идеальных воинах, соединяя подвиг Болконского при Аusterлице с атрибутами советской героики: «А где-то наступление. Идут танки, пехота, кавалерия, поют «Интернационал», падают, знамен не выпуская из рук» (53/а). Но под влиянием первых же фронтовых впечатлений предвоенные мечты о подвиге переключаются в регистр фантазий, отнесенных к другим, «далеким», настоящим героям [2: 169].

Приняв как должное участие рядового, школьяр оказывается перед испытанием, которое не всякому рядовому предназначено: «книжному» мальчику приходится подчинять законам войны свою человеческую сложность. Именно сложность внутреннего мира роднит школьяра с «двойниками» князя Болконского в «поколении лейтенантов». Проблема личного благородства оказывается настолько важной, когда человек попадает во власть могучих обстоятельств.

Вчерашний школьник выстраивает отношения с реальностью, оглядываясь на классическую литературу. Последовательность его литературных фантазий образует сквозной сюжет «поисков благородства». Путь неизбежно оказывается трудным: ведь точка отсчета – осознание себя в качестве «маленького человека», нелепого и беспомощного.

Заблудившись в ночной степи при выполнении первого задания, школьяр во всех отношениях

сбит с толку. Он ищет в памяти хоть какие-то ориентиры для самооценки – и цитирует из прочитанного, пытаясь припомнить автора:

«За спиной у меня автомат, на боку – две гранаты, с другого бока – противогаз. Очень воинственный вид. Очень. Кто-то сказал, что воинственность – признак трусости» (51/а).

Так варьируется суждение лермонтовского Печорина о претензиях Грушницкого на героизм:

«Дамы на водах еще верят нападениям черкесов среди бела дня; вероятно, поэтому Грушницкий сверх солдатской шинели повесил шашку и пару пистолетов: он был довольно смешон в этом геройском облачении»⁷.

Готовность увидеть себя в подобном зеркале – проявление особого рода личной смелости.

Привыкание к фронтовому быту не ослабляет изумления школьяра перед «вздыбленным» состоянием мира:

«Что случилось: всех подняло, понесло, перепутало... ползают школьники по окопам, умирают от ран, безрукими, безногими домой возвращаются...» (66/а).

Этому мировосприятию созвучна символическая картина бури в трагедии «Король Лир», подсказанная читательской памятью персонажа при подходящих обстоятельствах. Лишившись ночлега из-за ссоры с кавалеристами, минометчики бредут степью, а несчастный школьяр импровизирует монолог в духе царственного изгнанника: «Бейте, миномёты, бейте! Дуй, ветер! Сыпь, дождь пополам со снегом! Мокни, моя спина! Болите, мои руки!...» (55/а); сравним:

Дуй ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!
Лей, дождь, как из ведра, и затопи
Верхушки флюгеров и колоколен!
Вы, стрелы молний, быстрые, как мысль,
Деревья расщепляющие, жгите
Мою седую голову!⁸

Но конкретным поводом, замыкающим цепь ассоциаций, становится все та же необходимость личного самоопределения; подобно Лиру, который, скитаясь под бурей, смиряет былую гордыню («О нет, я буду образцом терпенья, // Ни слова больше не скажу»⁹), школьяр переживает недавнюю постыдную ссору – и принимает вину на себя: «Мне кажется, что это я обидел человека» (55/а). Тот, кому доступна подобная моральная рефлексия, истинно благороден, хотя и не сознает этого.

Наконец, ключевой эпизод исторических фантазий школьяра будет «эхом» наполеоновской эпохи. Маэста в поисках ночлега после боя, под снегом с дождем, вдохновляет персонажа Окуджавы припомнить на ходу и разыграть в лицах некий старинный сюжет:

«Ночь. Хатка какая-то. Окна темны.

Я стучу в ставнио. «Мадам, не будете ли вы столъ любезны...» Никто не отвечает. «Мадам, я остался в живых. О, если бы вы знали, что там было!..» Я стучу в ставнио. «Ботфорты – сюда, мундир – в гардероб, шпагу – на стул...» «Благодарю вас... *А где же ваша дочь?..*» <...>

Я стучу в ставнио. «Вальдшнеп?.. Сыр?.. Вино?..» «О, благодарю вас. Ломтик холодной телятины и ром. Я солдат, мадам». <...>

Я стучу в ставнио. Сашка стучит в ставнио. Коля стучит в ставнио.

«Вот ваша комната. Спокойной ночи». «Спокойной ночи, мадам. *А где же ваша дочь?..*»

– Чего вам еще?» (60/а).

Вероятный источник этой импровизации школяра – финал очерка К. Н. Батюшкова «Путешествие в замок Сирей (Письмо из Франции к г. Д^ашкову)» (1814):

«Между тем ночь становилась темнее и темнее. <...> Поднялась страшная буря: конь мой от страха останавливался, ибо вдали раздавался вой волков <...>. Вот, скажете вы, прекрасное предисловие к рыцарскому похождению! Бога ради, сбейся с пути своего, избавь какую-нибудь красавицу от разбойников или *з-э-з-ж-ай* в древний замок. Хозяин его <...> примет тебя как странника, угостит в зале трубадуров, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцирями, мечами и шлемами; хозяйка осыплет тебя ласками, станет расспрашивать о родине твоей, будет выхвалять дочь свою, прелестную, томную Агнессу, которая, потупя глаза, покраснеет, как роза <...>.

– Напрасно, милый друг! Со мной ничего подобного не случилось»¹⁰.

Со школяром как раз случается нечто подобное – только в пародийном варианте: хозяйка хаты, пустившая солдат на ночлег, и сама любезности не проявляет, и шестнадцатилетнюю Маньку урезонивает, но та без всякой застенчивости домогается постояльца. Рассказ о бивачном искушении построен на стилевом раздвоении. Вступительные фразы самим построением напоминают об изобилующей инверсиями прозе Батюшкова: «Я кладу шинель на лавку. Гаснет синий огонек коптилки. Чья-то рука проводит по волосам моим» (61/а).

Диалог с Манькой, мысленно переименованной в Марию, перемежается цитатами из только что прорепетированной сцены в замке. Вдвойне выразительной предстает на этом фоне предметная деталь – ботинки вместо ботфорта, которые были (наряду с мундиром и шпагой) частью благородного антуража:

«– Лезь ко мне, – говорит с печки тихий голос, – у меня тепло.

– А ты кто?

– *Какая разница?* Лезь. У меня тепло...

– Манька, – равнодушно говорит хозяйка, – смотри у меня...

– Тебя не спросилась, – говорит Манька с печи. А рука ее гладит меня, гладит.

– Лезь сюда.

– Обожди, ботинки сниму.

– Лезь. *Какая разница?*

Вдруг услышат?.. «Где ваша дочь, мадам?..» Вдруг услышат... Вот тебе и дочь!.. <...> Так просто?» (61/а).

Пресловутые ботфорты вообразились взамен нелепых ботинок с обмотками; и те же ботинки, неуместные для бивачного приключения, напоминают школяру о внутренней преграде – о невозможности перенять у Маньки принцип «какая разница».

Роль галантного кавалера былых времен, усвоенная «книжным» мальчиком, ставит его в смешное положение; но глубоко человечна сама потребность переименовывать грубое, облагораживать телесное, усложнять элементарное. Воображаемое «старинное» благородство суть благородство реальное, единственное посильное для «маленького человека» сопротивление войне, которая во все века требует от солдата одного и того же – упрощения.

БЛАГОРОДНЫЕ ФАНТАЗИИ И ЗАКОН ВОЙНЫ

Соавторская киноповесть «Женя, Женечка и «катьша», или Необыкновенные и достоподобительные фронтовые похождения гвардии рядового Евгения Кольшикина, вчерашнего школяра», опубликованная через год после выхода фильма Владимира Мотыля, представляет собой не сценарий, а произведение, в основном следующее за отснятой картиной: текст содержит целый ряд сюжетных поворотов и деталей, возникших в результате режиссерских импровизаций [8]. Некоторые решения Мотыля были неожиданными для Окуджавы; не вполне отвечал его замыслу и главный герой в исполнении Олега Даля. Режиссер так вспоминает разговор соавторов после просмотра начерно смонтированной картины:

«<...> когда мы писали сценарий, я представлял себе, что Женя Кольшикин – это я, а когда увидел Олега Даля, я понял, что наш главный герой – это ты» [8: 36].

Тем не менее во всех прижизненных публикациях киноповести первым автором значится именно Окуджава. Общеизвестная щепетильность писателя позволяет расценивать этот факт как свидетельство его реального вклада в общую работу. Отрефлексировав «свое и чужое», Окуджава напишет в предисловии (озаглавленном «Вместо предисловия»):

«Темы носятся в воздухе, как тополиный пух. Успевай – подхватывай. Вот и мы с Владимиром Мотылем <...> поймали одну и ту же тему»¹¹.

Фильм был задуман вскоре после широкомасштабного празднования 150-летия Отечественной войны. Третье творческое объединение Ленфильма заключило договор с писателем и режиссером на сценарий будущей картины в марте 1965 года [4]. К тому же времени относится большое культурное событие: в 1965-м Сергей Бондарчук выпустил две первые серии экранизации «Войны и мира». Об актуальности для соавторов этого контекста говорит мотив, сопровождающий главного героя с момента первого появления. Женя Колышкин по пути в свою часть «выкрикивал, повторяя на все лады, заучивая наизусть» фразу рапорта:

«Товарищ гвардии младший лейтенант!.. Гвардии рядовой сто тридцать девятого, отдельного, добровольческого, ордена Кутузова второй степени и ордена Отечественной войны первой степени, краснознаменного дивизиона гвардейских минометов... Евгений Колышкин после благополучного излечения в госпитале прибыл...» (5–6/б).

Представ перед командиром, незадачливый солдат сбывается как раз на историческом имени:

«Товарищ гвардии младший лейтенант, рядовой сто тридцать девятого отдельного... гвардейского, добровольческого ордена Кутузова второй степени...» (10–11/б).

Таким образом, перекличка двух Отечественных войн становится одной из граней весьма острой концепции, воплощенной в жанре трагикомедии.

Автобиографическое повествование о школьре предварялось замечанием: «Это не приключения. Это о том, как я воевал. Как меня убить хотели, но мне повезло» (50/а); в заглавие киноповести выносится иронически акцентированное слово «похождения»: «Необыкновенные и достопоучительные фронтовые похождения...» Герой киноповести представляет собой тот же психологический тип, что и школьр («грустный солдат», «маленький человек» XX столетия), но уже не имеет прототипом воевавшего автора. Похождения Колышкина совершаются в условном мире эксцентрического жанра. Закономерно, что фантазирование как прием используется здесь более откровенно.

Само стилизованное заглавие киноповести приглашает читателя к игре: сталкивается гвардейский статус и школьрское происхождение героя, его значащее благородное имя *Евгений* и смысловая фамилия *Колышкин*. Именно в качестве «вчерашнего школьра» он получает *кол за поведение*; в то же время по своей «внутренней форме» фамилия *Колышкин* (от *колышек*) – традиционный литературный антропоним, устанавливающий

связь с классическим типом «маленького человека». Окружающий героя мир «двоится» благодаря полету воображения, увлекающему в знакомое по книгам прошлое. Как и в повести «Будь здоров, школьр», темы фантазий вчерашнего школьра разнообразны (он вспоминает то приключения мушкетеров, то дуэль Онегина и Ленского, то страдания мадам Бовари), но отсылки к эпохе наполеоновских войн преобладают.

Культурно-исторические подтексты, характерные для ранней повести, здесь эксплицированы. Эту тенденцию легко заметить при сравнении портретов функционально подобных персонажей – антиподов-приятелей школьра:

«Коля Гринченко, когда говорит с офицерами, всегда чуть улыбается. Еле-еле. <...> И очень изящно козыряет и говорит при этом: “Так точно”» (51/а); «Лешка Зырянов прохаживался в карауле, подтянутый и изящный, как гусар» (13/б).

Сходным образом трансформируется ситуация ревности. Для главного героя «Школьра...» предполагаемый счастливый соперник – «высокий майор» – просто один из многих, чье превосходство над «маленьким человеком» подкреплено офицерским званием. Колышкин воспринимает галантного полковника в качестве ряженого, красующегося перед дамой:

«Эполеты, аксельбанты, галуны, кирасы, мазурки, тра-ля-ля, – с грустной иронией думал Колышкин. – Какие прекрасные лосины!.. Вы знаете, они вам к лицу» (27/б).

Фантазии о гостеприимном замке где-то в Европе, унаследованные от персонажа первой повести, разрастаются в цепь эпизодов и получают французский колорит; тем самым окончательно проясняется вдохновляющее мечтателя историческое событие – поход русской армии на Париж. Колышкин импровизирует:

«Мои друзья крепко спят в опочивальне замка, хрустя прохладными простынями. В этом сугубо мужском обществе заключена неповторимая прелест: полная раскованность, никаких условностей. Pas des conventions – la liberté complet» (14/б).

Хотя изъятие амурного интереса здесь особо подчеркнуто, позднее в монологе героя появится и мадам с «очаровательной дочерью»: «Et où est votre fille ravissante, madame?» (30/б). «Очаровательная дочь» тут же обернется беспутной Манькой. Допрос пленных с участием Колышкина превращается в фарс, поскольку тот не владеет языком реального противника и норовит перейти на французский, уместный во времена наполеоновских войн. Словом, именно эта эпоха отвечает представлению вчерашнего школьра о «совсем-совсем иной войне» (14/б): воскресив ее в памяти,

недотепа способен почувствовать себя настоящим героем и покорителем женских сердец.

Приближение победы вызывает понятную эйфорию и рождает иллюзию долгожданного совпадения фантазий с действительностью. На подступах к Берлину происходит настоящее чудо, когда после годичной разлуки среди огромной массы наступающих войск Женя встречает свою даму сердца. Местом их любовного свидания становится старинный особняк: «И в этом замке витал амур...»; «Он вообразил себя хозяином этого замка, а Женечку – своей женой» (80, 81/б). Втягивая Женечку в привычную игру, фантазер невольно навлекает на подругу смерть. Казалось бы, нельзя более наглядно показать несостоительность мечтателя перед военной реальностью. Однако в тот момент, когда формируется этот смысловой итог, тема «настоящей войны» резко осложняется.

Символичны обстоятельства смерти героини: она гибнет на пороге комнаты, из которой ей послышался голос Жени, в то время как там прятался настоящий хозяин замка с благородным именем Зигфрид. Собственное спасение школьера – результат очередного военного чуда: Зигфрид узнал в нем странного Эвгения, чьи бессвязные речи переводил позапрошлой зимой, смешного Эвгения, которому в новогоднюю ночь посчастливилось уйти живым из немецкого блиндажа. Краткий миг колебания Зигфрида перед выстрелом был данью человечности, которая на войне гибельна.

Таким образом, война щадит фантазера лишь для того, чтобы он привел в действие ее беспощадный закон: Женечка должна быть отомщена. До сих пор Колышкин ни в кого не стрелял сам, он лишь подносил снаряды, а теперь призван совершить первое настоящее убийство. Это событие, ставя точку в сюжете фронтовых похождений (и в ходе самой войны), не отменяет парадоксального итога школьарских фантазий. Исторические перевоплощения, сделавшие ощутимым далекое прошлое, подготовили и другое сближение: сойдясь лицом к лицу в хаотически перемешанном пространстве замка – на «руинах зла» (78/б), юные враги на мгновение оказались двойниками. Случайно застигнутый в своем убежище, Зигфрид стрелял в «этую русскую» рефлекторно, опережая ее

действия, и с такой же неизбежностью действует вчерашний школьер. Исполнив закон войны, он плачет – не только о погибшей любимой, но и об убитом немце.

Если сюжетно финал подготовлен эпизодом в немецком блиндаже, где Женя и Зигфрид удивленно, не чувствуя вражды, присматривались друг к другу, то внесюжетная мотивировка – система отсылок к «благородной» войне с Наполеоном. Миф о ней внушает школьарам упования, которым никакая реальность не может соответствовать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос об актуальности «старинного» идеала поставлен Окуджавой принципиально иначе, нежели авторами «лейтенантской прозы»: прошлое существует в качестве «благородного» лишь постольку, поскольку в нем нуждаются идеалисты новых поколений.

«Школьерский» взгляд формирует ракурс изображения событий как в рассказе от первого лица («Будь здоров, школьэр»), так и в объективном (по формальным признакам) повествовании («Женя, Женечка и “катюша”»). В художественном мире Окуджавы критерий отношения к закону войны, единому для всех исторических эпох¹², определяется именно «маленьким человеком», «грустным солдатом». Автор, внутренне причастный к персонажам этого склада, отнюдь не разоблачает их заблуждения, но демистифицирует идеал «совсем-совсем иной войны» (14/б) исподволь: сочетание наивной (по возрасту) книжности с ироничностью и рефлексивностью, присущей интеллигентному мальчику, позволяет ему увидеть собственные благородные мечтания со стороны.

Военная реальность, не имеющая даже воображаемой альтернативы, оставляет «грустного солдата» наедине с вечной проблемой: и дело войны – убийство – не подлежит облагораживанию, и долг есть долг, но человек уповаает на невозможное. В этом отношении школьеры оказываются истинными двойниками участников «рыцарской» войны с Наполеоном. Рефлексия писателя о военном опыте своего поколения послужит рождению концепции романа «Свидание с Бонапартом», где все персонажи предстанут «маленькими людьми».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Курсив в цитатах везде мой.

² Окуджава Б. Будь здоров, школьэр // Тарусские страницы. Калуга: Калуж. обл. кн. изд-во, 1961. С. 73. Далее номера страниц приводятся в круглых скобках с литерой «а» после косой черты: (73/а).

- ³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1940. С. 210.
- ⁴ См., например, представление героя в повести Ю. Бондарева «Юность командиров» (1956): «— А кто вон тот, весь в орденах? — Андрей Болконский в байроническом плаще» (Бондарев Ю. В. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1984. С. 222). В романе «Берег» (1975) «значащее» имя и символическая фамилия даны лейтенанту Андрею Княжко.
- ⁵ Попытка обойтись без данного контекста при описании «крушения романтических иллюзий» персонажа Окуджавы [9] привела автора статьи к смысловому упрощению.
- ⁶ О трансформации мотива «командования» и отказе от функциональной характеристики персонажей в повести Окуджавы см. в монографии С. С. Бойко [3: 144–151].
- ⁷ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М.: АН СССР, 1962. С. 67.
- ⁸ Шекспир В. Комедии; Хроники; Трагедии; Сонеты: В 2 т. Т. II. М.: РИПОЛ, 1994. С. 471.
- ⁹ Там же. С. 472.
- ¹⁰ Батюшков К. Н. Сочинения: В 2 т. Т. I. М.: Худож. лит., 1989. С. 107.
- ¹¹ Окуджава Б., Мотыль В. Женя, Женечка и «катюша», или Необыкновенные и достопоучительные фронтовые похождения гвардии рядового Евгения Колышкина, вчерашнего школьара: Киноповесть. М.: Искусство, 1968. С. 3. Далее номера страниц приводятся в круглых скобках с литерой «б» после косой черты: (3/б).
- ¹² См. об этом в нашей книге: Александрова М. А. Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке». М.: Флинта, 2021. В печати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова М. А. 1812 год в творческом сознании писателей фронтового поколения // Вестник Нижегородского университета. 2013. № 1. Ч. 2. С. 11–14.
2. Александрова М. А. Диалог с Л. Н. Толстым в повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школьар» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 164–171.
3. Бойко С. С. Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века. М.: РГГУ, 2013. 602 с.
4. Босенок В. И. [Комментарии] // Окуджава Б. Капли Датского короля. Киносценарии. Песни для кино. М.: ВПТО «Киноцентр», 1991. С. 246–247.
5. Гinzбург Л. Я. Литература в поисках реальности. Л.: Сов. писатель, 1987. 400 с.
6. Гinzбург Л. Я. Человек за письменным столом. Л.: Сов. писатель, 1989. 608 с.
7. Кошелев В. А. О литературной «мифологии» 1812 года // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года: Сб. науч. ст. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. С. 29–45.
8. Мотыль В. О Булате Окуджаве // Встречи в зале ожидания. Воспоминания о Булате. 2-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: Деком, 2004. С. 31–39.
9. Отечественная война 1812 года в культурной памяти России: Коллект. монография. М.: Кучково поле, 2012. 448 с.
10. Позина М. В. Крушение романтических иллюзий в повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школьар» // Вопросы литературы. 2018 № 4. С. 209–214.
11. Померанц Г. С. Серная спичка // Литературное обозрение. 1998. № 3. С. 23–24.

Поступила в редакцию 31.08.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Maria A. Aleksandrova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, International Research Laboratory of Basic and Applied Aspects of Cultural Identification, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-5183-9322; nam-s-toboi@mail.ru

SCHOOLBOYS OF BULAT OKUDZAVA: “LITTLE MAN” IN SEARCH OF NOBILITY

A b s t r a c t. The relevance of the topic is determined by the request of modern literature studies to revise the Soviet aesthetic assessments and ideological interpretations of the works about war, as well as the relatively recent need for a thorough study of Bulat Okudzhava's literary heritage. Okudzhava's early short novel *Be Well, Schoolboy* (1961) and the co-authored screenplay *Zhenya, Zhenechka and “Katyusha”* (1968) are for the first time compared as stages of reflection on a “little man” in a war situation. The working hypothesis of the study stems from L. Ya. Ginzburg's ideas about a new function of the “little man” in the twentieth-century art. Being a universal symbol of human

vulnerability, the “little man” is in charge of restoring the moral balance. Furthermore, the study develops V. A. Koshelev’s generalizations regarding the mythologization of the War of 1812 as the “last chivalric war”. This approach enables one to determine the originality of the problematics of Okudzhava’s works against the background of the most prominent examples of the so-called “lieutenant prose” and compare the main types of autopsychological characters searching for nobility. The substantially new element of the study is the analysis of the historical and literary fantasies of Okudzhava’s “schoolboys” which express the author’s realistic view of the “honorable past” (the Napoleonic era).

Keywords: Bulat Okudzhava, Lidia Ginzburg, “little man”, War of 1812, Napoleonic era, myth, “lieutenant prose”, autopsychological character

For citation: Aleksandrova, M. A. Schoolboys of Bulat Okudzhava: “little man” in search of nobility. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):89–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.708

REFERENCES

1. Aleksandrova, M. A. The year 1812 in the creative consciousness of war-generation writers. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2013;1(2):11–14. (In Russ.).
2. Aleksandrova, M. A. The dialogue with L. N. Tolstoy in Bulat Okudzhava’s story “Goodbye! All The Best, School Student!”. *Siberian Journal of Philology*. 2013;2:164–171. (In Russ.).
3. Boyko, S. S. Bulat Okudzhava’s works and the Russian literature of the second half of the XX century. Moscow, 2013. 602 p. (In Russ.).
4. Bosenko, V. I. [Comments]. *Okudzhava B. Drops of the Danish King. Screenplays. Songs for cinema*. Moscow, 1991. P. 246–247. (In Russ.).
5. Ginzburg, L. Ya. Literature in search for reality. Leningrad, 1987. 400 p. (In Russ.).
6. Ginzburg, L. Ya. Person at the desk. Leningrad, 1989. 608 p. (In Russ.).
7. Koshelev, V. A. Literary “mythology” of 1812. *Realities and legends of the War of 1812: Collection of articles*. St. Petersburg, Tver, 2012. P. 29–45. (In Russ.).
8. Motyl’, V. About Bulat Okudzhava. *Meetings in the waiting room. Memories of Bulat*. Nizhny Novgorod, 2004. P. 31–39. (In Russ.).
9. The War of 1812 in Russia’s cultural memory: Collective monograph. Moscow, 2012. 448 p. (In Russ.).
10. Pozina, M. V. The undoing of romantic illusions in B. Okudzhava’s story Lots of Luck, Kid [Bud Zdorov Shkolyar]. *Voprosy Literatury*. 2018;4:209–214. (In Russ.).
11. Pomerants, G. S. Sulfur match. *Literary Review*. 1998;3:23–24. (In Russ.).

Received: 31 August, 2021; accepted: 20 December, 2021

ВЕРОНИКА ВАЛЕНТИНОВНА ЦУРКАН

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкоznания и литературоведения

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (Магнитогорск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0096-960X; veravts2013@yandex.ru

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ПРОЗЕ А. БИТОВА 1960–1980-Х ГОДОВ

Аннотация. В споре о «дневном» / «ночном» характере творчества А. Битова весомым аргументом может стать анализ эмоционального концепта «счастье», традиционно относимого к периферийным в художественном мире писателя и недостаточно полно изученного в литературоведении. Актуальность статьи связана с необходимостью пересмотра содержания и структуры указанного концепта в произведениях А. Битова 1960–1980-х годов. Цель работы: посредством метода концептного анализа, во-первых, исследовать процесс взаимодействия универсального и индивидуального начал в битовской трактовке феномена счастья, во-вторых, рассмотреть своеобразие фелицитарной модели художественного бытия в текстах писателя. В результате исследования сделан вывод, что пребывающий на границе эстетических систем А. Битов стремится найти компромисс между концепцией «управляемого» счастья и концепцией непредопределенности человеческой судьбы. Актуализируя ассоциативные, символические и аксиологические поля фелицитарного концепта, писатель все более убеждается в легитимности гипотетических вариантов и нереализованных поворотов в репрезентации счастья. Подлинным счастьем для автора и его героев становится возможность говорить с самых разных идеологических позиций, двигаться от одной идентичности к другой.

Ключевые слова: А. Битов, русская проза, концепт «счастье», Божественная норма, воплощенность Благодарности. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и РЯИК научного проекта № 20-512-23007, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII–XX вв.».

Для цитирования: Цуркан В. В. Концепт «счастье» в прозе А. Битова 1960–1980-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 97–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.707

ВВЕДЕНИЕ

Проблема внутренней несвободы, разлада между сознанием и обстоятельствами жизни героя – сквозная в творчестве А. Битова. Мимолетные настроения, оттенки мыслей и чувств, психологические реакции дезориентированных персонажей, чья жизнь по воле автора полна несбытий ожиданий, не раз становились предметом исследования: М. Абашева связывала дисгармоничность мироощущения битовских героев с феноменом «утраченного я» [1: 94], Л. Аннинский – с «драмой безбытия» [3: 708], И. Роднянская – с «постепенным убыванием» в них жизни [7: 10]. Между тем утверждать, что суждения А. Битова о жизни сводятся исключительно к негативным трактовкам, значило бы упростить проблему. Несмотря на то что в битовских рефлексиях о «мучении быть человеком» (60)¹ вопрос о счастье порой отступал на второй план, он никогда не был для писателя риторическим. Он не раз подчеркивал собственную вне-

находимость по отношению к счастью («Любовь и счастье – это только в опыте, только те мгновения, когда меня не бывало» (293)) и в то же время не исключал возможности обретения счастья своими героями («Был ли счастлив Пиросман? Конечно нет, но и не было человека счастливее его» (381)). «Счастливая измученность» (428) воображения в сочетании с незаурядным интеллектом, парадоксальность художественного мышления повлияли на особенности репрезентации битовского концепта. С одной стороны, писатель исходил из концепции, в которой соединялись гедоническая и эпикурейская концепции, «возводящие этимологическую семантику концепта к воле / желанию»², а с другой – из специфической модели бытия, в которой, для того чтобы что-то принять, «нужно сначала это отбросить, осознать его в качестве отброшенного, для того, чтобы родиться, нужно сначала умереть» [4: 156]. Множественность битовских интерпретаций счастья существенно расширяет поле фелицитарного дискурса современной

прозы и литературоведения, в котором концепт «счастье» представлен в ряде оригинальных исследований [2], [8], [10], [13], [14], [15].

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В ПРОЗЕ А. БИТОВА 1960–1980-Х ГОДОВ

Ядро и ближняя периферия концепта «счастье» в произведениях А. Битова совпадают с соответствующими им компонентами в русской картине мира, где счастье определяется как «чувство высшего, глубокого, полного довольства» жизнью³. К ядру битовского концепта принадлежат общие для всех языковых реализаций концепта базовые понятия «счастье» (55), «радость» (23), «восторг» (55), «везение» (186), «удовольствие» (173), «радость» (314), «наслаждение» (317), «удача» (381). К периферии – дополненные признаками индивидуального опыта и личного воображения описания сопутствующих состояний души: «головокружение полета» (50), «музыка сфер» (50), «высший порог» (50), «сладкая мука» (53), «блаженное опустошение»⁴, «пик, вершина, взрыв»⁵. Счастливый человек характеризуется как «баловень мира» (148), «любовник, чемпион, артист» (148), «счастливый дурак» (253). Можно предположить, что именно периферийные значения обусловят специфику индивидуально-авторского истолкования концепта. Но сначала обратимся к его базовому слою, отражающему универсальные, недоступные чувственному познанию характеристики счастья в текстах А. Битова.

Счастье как переживание полноты бытия, причастность к чему-то светлому и высокому

В повестях «Одна страна» (1960), «Призывник» (1959–1961), созданных в период оттепели в «счастливом», по словам Н. Ивановой, для А. Битова жанре «путешествия молодого человека» [6: 171], герои переживают упоение юношеской свободой, верят в братство и любовь людей друг к другу. Изумление и восторг сближают геолога Бориса Мурашова и вчерашнего студента Кирилла Капустина, открывающих неизведанный, яркий, пьянящий мир со всеми его запахами, цветами и красками. Не чувствуя зазора между иллюзией и реальностью, герой «Одной страны» видит небо, «как увидел его князь Андрей на Праценской горе»⁶, Кирилл Капустин испытывает радостное удивление, когда миг его жизни вдруг разрастается до беспредельности:

«Он стоял выше всего. Он мог смотреть в любую сторону, и ничего не заслоняло ему взгляда <...>.

А за теми горами – еще озера и еще горы. И все это – без конца. И вперед – без конца. И назад – без конца. Кирилл стоял как бы немного внизу и смотрел на себя вверх...»⁷

Счастье ассоциируется с понятиями «солнце», «небо», «полет», «улыбки», «радость», «тепло». В рассказе «Солнце» (1959) веселое и восторженное светило символизирует «сущность самой жизни» [11: 45]. Цепочка солярных образов, сопровождающих на протяжении дня юного героя (золотые прямоугольники на полу, солнечные блики на асфальте, блестящие кнопки на переходе, в которых загораются новые солнца), в совокупности с развернутым сравнением солнечных лучей с теплой, пульсирующей, как сердце, птицей выражают идею универсальной связи явлений мира, обогащают концепт семантикой жизнесозидания, всеведения, бессмертия. С образом солнца «рифмуется» образ шара из рассказа «Большой шар» (1961). Центральную его часть составляет история путешествия Тони по сказочному городу. Волшебство момента усиливают ирреальный Недлинный переулок, звуки колокольчика, огромный шар с золотым корабликом, на фоне голубого неба напоминающий об огромном Земном шаре. Космические ассоциации, сближающие поля концептов «детство» и «счастье», подчеркивают значимость для писателя незамутненного, «пребывающего взгляда на действительность» [5: 301]. Писатель дарит мечту о счастье не только Тоне, но и живущему «краденой жизнью» герою рассказа «Бездельник» (1961), ведь в детстве «живой был до самой последней клеточки», «чистый и хороший»⁸. Сюжет картины М. Шагала, оживляющий в сознании инфантильного персонажа, помогает автору выразить тоску по идеалу:

«Я шел, шел – и вдруг полетел <...> Вижу женщину и пикирую... “Откуда вы?” – говорит она удивленно. “Оттуда, – говорю и показываю вверх. – Хотите, полетим вместе?” – “Хочу”, – говорит она. И мы летим, взявшись за руки. Ветер, простор, свобода!»⁹

Вместе с тем стремление к небесной высоте уже в ранних битовских произведениях сталкивается с осознанием неотвратимости жизненных утрат. В реальной жизни воздушные шары лопаются и висят, как «шкурка», а большие красные шары – «с брачком»¹⁰. Способность к счастью оказывается принадлежностью детства и исчезает вместе с ним. Путешествие в среднеазиатскую страну разрушает стереотипы, почерпнутые из книг Э. Хемингуэя и Дж. Сэлинджера. В противоположность увлеченным производственными успехами персонажам «молодежной прозы» В. Аксенова и А. Гладилина герой

А. Битова не в состоянии объяснить, почему мертвая пустыня называется целиной, тоненькая голубая полоска – морем, а лес фанеры – парком культуры и отдыха. Мечту о гармоничности и стройности мироздания, как отмечает Л. Аннинский, уже в первых битовских текстах «оплетает некая пустота» [3: 702], что подтверждает эпиграф к «Одной стране», взятый из книги о Пржевальском: «Вернувшись из путешествия, он впал в глубокую тоску по бескрайним просторам своих пустынь. Жизнь в имении была ему постыла»¹¹.

Близость переживания счастья к аффекту любви

«Я любил, я был любим. Невиданное счастье!» – восклицает герой travelога «Наш человек в Хиве» (210). В ранних произведениях А. Битова точкой пересечения концептов «счастье» и «любовь» становится универсальный топос райского сада. В рассказе «Бабушкина пиала» (1958) ужасам войны и эвакуации противопоставлен рай бабушкиного дома. Бабушка, хозяйка рая, «царит, ласкает, смеется»¹², излучая любовь: «Тут меня обняла какая-то ласковая, теплая волна и увлекла»¹³. Счастье передается через вкусовые и цветовые апперцепции. Герой радуется, видя «золотой стаканчик», из которого выглядывает «настоящий», «белый» сахар, и бабушку пиалу, по которой, «крадучись, ходят парами странные ежики»¹⁴.

В ином ключе истолкован топос счастья в романе «Улетающий Монахов» (1960–1966):

«Был прекрасный сад, и они были там вдвоем <...> ощущение было прекрасным. В этом было сознание того, что этот сад приснится через десять, двадцать, тыщу лет, он случился с ними – счастье, но лучше не задумываться об этом»¹⁵.

Измена любви грозит Монахову ущербом в репутации (на это намекает эпиграф из Апокалипсиса к шестому рассказу) и изгнанием из сада-рай: «Сад как-то на глазах стал прошлым»¹⁶. Спустя годы в пустых лабиринтах детского сада в ожидании «вечной» своей возлюбленной Монахов будет вкушать оставшееся от полдника жесткое яблочко:

«Ева, – сказал он. – Адам <...>. Он укусил яблоко – ему показалось, что треск яблока раздался на весь этот мертвый дом. <...>. Он понял, что ничего не хочет и не ждет, и ему стало гадко от себя»¹⁷.

Мертвяще бесчувствие героя подчеркнуто и зеркальной соотнесенностью эпизодов романа, рисующих ожидание Алексеем Аси на лестничной клетке. Повзрослевшему Монахову становятся безразличны взгляды людей, которые могут

подумать, что он ждет тут кого-то «как мальчик»: «В том-то и дело, что я уже не мальчик»¹⁸. В критических суждениях о романе справедливо подчеркивалось, что чувства Монахова в каком-то смысле – проекция чувств самого автора. Действительно, с обезличенностью скомпрометировавшего себя персонажа спорит подлинность авторского существования. Высшим приоритетом для повествователя является «любовь, которая в нас и выше нас»¹⁹. Однако очень скоро и этот постулат подвергается сомнению: «Ведь если говорить всерьез <...> то это все было мимо, мимо»²⁰. Нельзя не согласиться с замечанием М. Эпштейна о том, что перебираемые и отбрасываемые рассуждения подобного рода (как в «Улетающем Монахове», так и в «Пушкинском доме») «демонстрируют смысл времени и мироощущения человека, существующего как бы в со-слагательном наклонении» [12: 276].

Счастье-удача

В поисках везения, удачи герои А. Битова готовы взорвать упорядоченный мир. Накал страсти, эмоций, целиком зависящие от исхода азартной игры, скрупулезно исследованы в повести «Наш человек в Хиве» (1971–1972), в рассказе о действительности обманчивой, мнимой, неистинной: «Игра шла не на деньги, а на сюжет, на судьбу, на совпадение в реальности – на жизнь и ради чувства жизни» (243). Фантомное счастье игрока писатель противопоставляет счастью победы в спортивном состязании. В повести «Колесо» душа победивших на мототреке спортсменов «поет», их внешность пленяет девушек:

«За ними голубело небо и зеленело поле. Они шли высокие, стройные, бледные, в импортных черных кожаных куртках и черных кожаных брюках, с лицами, вымазанными гарью, со сбившимися, длинными темными кудрями, – они были все похожи на летчиков, потерпевших аварию за тысячу километров от жилья <...>. Они были романтичны» (171).

Аксиологический аспект концепта «счастье» в повести «Колесо» опирается как на взволнованно-романтическое, так и на мифологическое начало. Увиденный с высоты птичьего полета стадион напоминает рассказчику «серое гнездо с одним сверкающим яйцом, наверное, птицы Рух» (155). Образ птицы из «Тысячи и одной ночи» коррелирует с мотивом превращения ушедших из жизни гонщиков в «летучих голландцев» (203) и, спроектированный на судьбу легендарного Деда, вдохновленная душа которого, «совершив четыре ласковых непостижимых круга, не искрошив льда» (205), навсегда покидает трек, наполняет концепт «счастье» мыслью о бесконечности человеческого духа.

С апологией великих рекордсменов и большого спорта в «Колесе», однако, спорит скепсис в отношении достижимости счастья для автора и торчащих на трибунах болельщиков. Их жизнь крутится вокруг собственной оси. Неслучайно повесть венчают слова из гетеевского «Путешествия в Италию»:

«И все же мир – только простое колесо, равное самому себе по всей окружности; оно кажется нам необычайным потому только, что мы сами несемся вместе с ним»²¹.

Подчеркнуто литературный довод (перенос эпиграфа в финал повествования) акцентирует признак условности, мимолетности и непостоянства удачи-счастья, обнажает механизм авторской игры в «перевертыши».

Итак, при любом повороте фелицитарного сюжета в текстах А. Битова возникает ограниченность выбора, заводящая героев в тупик. С этой фатальной обреченностью спорит авторская «великая ностальгия духа, залетевшего ввысь» [3: 709]. В поиске не ограниченного внешними рамками счастья писатель стремится найти нечто, равное самому себе, – в творчестве, в путешествиях, в приобщении к жизни естественной, природной.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ»

Счастье творчества

Описывая, возможно, не слишком убедительно простое человеческое счастье, А. Битов довольно уверенно размышляет о счастье творца. В повести «Жизнь в ветреную погоду» предчувствие «чего-то гениального»²² в душе начинающего писателя сравнивается с пребыванием «на каком-то высшем пороге, за которым все и начинается <...> пороге нового мышления, нового мира»²³. Оказавшись, благодаря порыву вдохновения, на оси, «совпавшей с взглядом и ветром»²⁴, герой воспринимает эту «счастливую симметрию» как «пик, вершину, взрыв»²⁵. Раздумьями о счастье признания творческой личности пронизаны «Уроки Армении» (1969). Выстроенный в форме уроков языка, истории, географии битовский тревелог начинается с апологии создателя армянского алфавита: «Тот человек (Месроп Маштоц. – В. Ц.) был подобен Богу в дни Творения» (16). В «Грузинском альбоме» (1980) писатель благословляет счастье неразрывности человека и искусства, рассказывая о творчестве трех великих грузин – Н. Пирсами, Э. Ахвledиани, О. Иоселиани: «Их произведения так невыразимо и неуловимо ни на что не похожи, как народное слово.

Может, это и есть свобода, о которой художник может только мечтать?» (376). Понятие свободы в данном контексте синонимично понятию счастья.

Счастье слияния с землей

Путешествующий по Кавказу, автопсихологический герой А. Битова неоднократно сравнивает себя с персонажами русской классической литературы, аутентичной самой себе. «Счастливый журчанием и похрустыванием армянской речи» (20), он открывает страну реальных идеалов, «где все было тем, что оно есть: камень – камнем, дерево – деревом, вода – водой, свет – светом, зверь – зверем, а человек – человеком» (60). Равенство означающего и означаемого (чисто битовский эквивалент счастья) акцентируется в народных рецептах обретения гармонии в «Грузинском альбоме». Это «касание и слияние с землей» (315); следование унаследованному от предков образу жизни («не торопиться жить, не торопиться понимать, не торопиться отвечать» (314)); укрепление нравственных начал («быть честным как материал – не перебродить и не закиснуть» (316)). Наиболее ярко данная модель счастья реализуется в рассказе «Осень в Заоди», герои которого – «трудовые мирияне, пившие и беседовавшие так ровно и достойно, как не мог бы быть достоин ни один лорд» (315) – словно сходят с известной картины Н. Пирсами «Пир князей». Завод по производству вина «цвета осеннего листа» (315), сакрализуясь, уподобляется «кораблю мира», «театру», «мавзолею», «храму» (314). Чувства, испытываемые путешественником, столь сильны, что все предыдущие «въедливые расследования, сомнения и самодопросы» [7: 18], казалось бы, должны отступить перед этим апофеозом счастья:

«От счастья нельзя уйти самому, нет сил <...>. Не может отвернуться от счастья человек. Неужели такое, ради чего всю жизнь жили, может кончиться? Нет! Никогда! Никогда не предадим мы этого счастья сами!» (317–318).

Однако в битовской душе, обращающейся вокруг собственной оси, в который раз берут верх ностальгические настроения: «Разбудит нас утро, и окажется, что счастье миновало» (318). Виноват в этом не только Гоги, который, уходя в перспективу, «уносит» с собой счастье, но и время, что «течет и точит, и торопит предательство именно этого мгновения» (318).

Счастье приобщения к Божественной норме

Власть времени, по А. Битову, может быть преодолена в приобщении к дыханию Вечности.

У путешественника, оказавшегося в плену у вырастающего из простора Гехарда, благовение перед чудом подавляет легкомысленный туристский восторг:

«Слева, как хор, поднимались скалы. Низкого, тенистого, плотного звучания внизу, они росли вверх, светлея и утончаясь, несколькими ступенями… наверху выветренные стрелы были уже как хор мальчиков; вправо и вниз, сворачиваясь спиралью, как раковина оркестра, лежало дно котловины: с духовым серебром ручья, зеленью, кудрявой, как флейта, спокойными и уверенными лбами ударных – валунов и глыб, – земная понятность придуманных инструментов, исчезающих в тайне человеческого голоса, как деталь в машине; как черта в лице, как лемех в земле – орудия труда и предмет того же труда. Все это пропадало в хоре скал» (91).

Рациональное начало, подвергающее мир «насилию анализа, расчленения, ограничения деталью» (455), терпит крах. Похожий путь проходит герой раннего творчества А. Битова. Писатель ищет иное «обоснование пути к счастью в смысле достижения совершенства» [9]. Обещанием счастья становится «ожидание» (212) и неторопливое самопознание «Я» через «возможность другой жизни» (83). Включая свое бытие в нечто, превосходящее физическое время и пространство, восхищаясь «предвечностью» древнего царства, автор «Уроков Армении» испытывает катарсис от осознания своих глубинных связей с Творцом и Вселенной:

«И я стал подобен ЕМУ, та же немота, та же отсутствие себя, та же вера жила теперь во мне, потому что я был заключен в его честный и чистый мозг, в его веру, в его цельную и единственную мысль, где никакая другая уже существовать не могла. Это было ЕГО бессмертие» (96–97).

В «Грузинском альбоме» счастье вновь ре-презентируется как тонкий баланс, «остановка в полете», «трепетная норма», «та форма чувствования, при которой разве что не сходишь с ума» (267). Это состояние иррационально («трудно доказать это чувство: как всякое чувство, оно – недоказуемо» (313)); мимолетно («Я мечтал бы жить сию минуту. В эту минуту и только ею. Тогда бы я был жив, гармоничен и счастлив» (332)),

не терпит изменения («Пироман сопутствовала удача, потому что он не изменил своему чувству счастья» (381)). Оно приходит к человеку лишь тогда, когда «усилие и результат обретают одно время и одну природу, соответствуют» (381–382).

ВЫВОДЫ

1. Перемещая центр тяжести душевной жизни поколения с общественного на частное, А. Битов ставит вопрос не столько об удовлетворенности или неудовлетворенности своих персонажей жизнью, сколько о их способности быть счастливыми.

2. Общее движение творчества А. Битова развивается как самоопределение. Обладающий богатым семиотическим ресурсом, концепт «счастье» находится в режиме постоянной актуализации. Выявить поэтическую уникальность феномена счастья через художественную универсальность в ранней прозе писателю помогают концепты «детство», «любовь», «творчество», «память», «игра», «судьба», «круг», ореол сопутствующих им ассоциаций, метафорических и метонимических значений. Утверждая, что ничто не существует само по себе, определяя истину через ложь, веру через неверие, любовь через нелюбовь, порой противореча общезвестному, битовский герой ищет счастье в преодолении своей духовной разобщенности с миром.

3. В репрезентации концепта «счастье» А. Битов находится на границе реалистической и постмодернистской систем: стремление найти компромисс между концепцией «управляемого» чувства и концепцией непредопределенности человеческой судьбы приводит его к сомнению в понимании счастья, сформированного реалистическим дискурсом. Инициируя символические и аксиологические поля фелицитарного концепта, писатель все более убеждается в легитимности гипотетических вариантов и нереализованных поворотов в его воплощении. Подлинным счастьем для А. Битова и его героев становится возможность говорить с самых разных идеологических позиций, двигаться от одной идентичности к другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Битов А. Г. Путешествие из России. М.: Вагриус, 2003. 476 с. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.

² Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е. Ф. Губского. М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 2009. С. 816.

³ Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. С. 1297.

⁴ Битов А. Г. Новые сведения о человеке: Роман. Повести. М.: Эксмо, 2005. С. 277.

⁵ Там же.

⁶ Битов А. Г. Нулевой том. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/nulevoj-tom-sbornik-read-364114-1.html> (дата обращения 20.08.2021).

- ⁷ Битов А. Г. Повести и рассказы: Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. С. 83.
- ⁸ Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. М.: Фортуна Лимитед, 2002. С. 33.
- ⁹ Там же. С. 35.
- ¹⁰ Там же. С. 20.
- ¹¹ Битов А. Г. Нулевой том...
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. М.: Фортуна Лимитед, 2002. С. 112.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 136.
- ¹⁸ Там же. С. 132.
- ¹⁹ Там же. С. 122.
- ²⁰ Там же. С. 195.
- ²¹ Битов А. Г. Нулевой том...
- ²² Битов А. Г. Новые сведения о человеке... С. 276.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 277.
- ²⁵ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. 320 с.
2. Абрамзон Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // *Libri Magistri*. 2015. Вып. 1. С. 117–125.
3. Анинский Л. А. Станный странник // А. Г. Битов. Книга путешествий по империи. М.: АСТ Олимп, 2000. С. 699–712.
4. Большев А. О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века. СПб.: Филол. ф-т СПб. гос. ун-та, 2002. 171 с.
5. Васильева Т. И., Карпичева Н. Л., Цуркан В. В. Антология художественных концептов русской литературы XX века. М.: Флинта, 2013. 356 с.
6. Иванова Н. Б. Точка зрения: О прозе последних лет. М.: Сов. писатель, 1988. 424 с.
7. Роднянская И. Б. Новые сведения о человеке // А. Г. Битов. Обоснованная ревность: Повести. М.: Панорама, 1998. С. 6–20.
8. Рудакова С. В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). С. 49–75.
9. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье: Трактат об усовершенствовании разума; Этика / [Пер. с гол. под ред. А. И. Рубина и лат. Я. М. Боровского, Н. А. Иванцова]. М.: Мир книги, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/benedikt_spinoza/page36/trudy.html (дата обращения 20.08.2021).
10. Цуркан В. В., Зайцева Т. Б. Концепт «Счастье» в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 10. С. 70–74.
11. Чансес Э. Андрей Битов: Экология вдохновения. СПб.: Академический проект, 2006. 320 с.
12. Эпштейн М. Н. Время самопознания // Дружба народов. 1978. № 8. С. 276–280.
13. Abrahmzon T. E. The philosophy of happiness in selected works of N. M. Karamzin: The search for true bliss // *Slavonica*. 2018. Vol. 23. Iss. 1. P. 25–41.
14. Nettle D. Happiness: The science behind your smile. N. Y.: Oxford University Press, 2005. 216 p.
15. Veenhoven R. World Database of Happiness [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://worlddata-baseofhappiness.eur.nl> (дата обращения 20.08.2021).

Поступила в редакцию 10.09.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Veronika V. Tsurkan, Cand. Sc. (Philology), Associated Professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-0096-960X; veravts2013@yandex.ru

CONCEPT OF “HAPPINESS” IN ANDREY BITOV’S PROSE (1960s–1980s)

A b s t r a c t. The analysis of the emotional concept of “happiness”, which has been traditionally shifted to the periphery in the writer’s artistic world and not fully covered by literary studies, can become a weighty argument in the dispute about the “daytime” / “night-time” nature of Bitov’s works. The relevance of the article is connected with the need

to revise the content and structure of this concept in Bitov's texts of the 1960s–1980s. The purpose of the research was to use the method of conceptual analysis in order to study the process of interaction between universal and individual principles in Bitov's interpretation of the happiness phenomenon and consider the uniqueness of the writer's felicitous model of artistic existence. The study resulted in the conclusion that while staying on the border of aesthetic systems Bitov seeks to find a compromise between the concept of "manageable" happiness and the concept of indeterminacy of human destiny. Actualizing associative, symbolic and axiological fields of the felicitous concept, the writer is becoming more and more convinced of the legitimacy of hypothetical variants and unrealized turns in the representation of happiness. Bitov and his characters find genuine happiness in the opportunity to speak from different ideological positions and move from one identity to another.

Keywords: Andrey Bitov, Russian prose, "happiness" concept, divine norm, embodiment

Acknowledgments. The paper was written as part of the research project No 20-512-23007 ("Phenomenology of happiness in Russian literature between the XVIII and the XX centuries") supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Foundation for Russian Language and Culture in Hungary.

For citation: Tsurkan, V. V. Concept of "happiness" in Andrey Bitov's prose (1960s–1980s). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):97–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.707

REFERENCES

1. A b a s h e v a , M . P . Literature in search for its face (Russian literature of the late XX century: evolution of author's identity). Perm, 2001. 320 p. (In Russ.)
2. A b r a m z o n , T . E . To the question of the Russian happiness (eighteenth-century poetry). *Libri Magistri*. 2015;1:117–125. (In Russ.)
3. A n n i n s k y , L . A . The strange wanderer. *Bitov, A. G. The book of travels in the Empire*. Moscow, 2000. P. 699–712. (In Russ.)
4. B o l s h e v , A . O . Confessional and autobiographical beginning in Russian prose of the second half of the XX century. St. Petersburg, 2002. 171 p. (In Russ.)
5. V a s i l y e v a , T . I ., K a r p i c h e v a , N . L ., T s u r k a n , V . V . Anthology of artistic concepts of Russian literature of the XX century. Moscow, 2013. 356 p. (In Russ.)
6. I v a n o v a , N . B . Point of view: The prose of recent years. Moscow, 1988. 424 p. (In Russ.)
7. R o d n y a n s k a y a , I . B . New information about a human. *Bitov A. G. Justified jealousy. Short novels*. Moscow, 1998. P. 6–20. (In Russ.)
8. R u d a k o v a , S . V ., R e g e c z i , I . On studying the phenomenon of happiness. *Libri Magistri*. 2020;3(13):49–75. (In Russ.)
9. S p i n o z a , B . A Short treatise on God, man and his wellbeing: Treatise on the emendation of the intellect; Ethics. Moscow, 2010. Available at: http://read.newlibrary.ru/read/benedikt_spinoza/page36/trudy.html (accessed 20.08.2021). (In Russ.)
10. T s u r k a n , V . V ., Z a i t s e v a , T . B . Concept HAPPINESS in K. Balmont's and V. Bryusov's poetry. *Philology. Theory & Practice*. 2020;13(10):70–74. (In Russ.)
11. C h a n c e s , E . Andrey Bitov: The ecology of inspiration. St. Petersburg, 2006. 320 p. (In Russ.)
12. E p s h t e i n , M . N . Time of self-knowledge. *Friendship of Peoples*. 1978;8:276–280. (In Russ.)
13. A b r a m z o n , T . E . The philosophy of happiness in selected works of N. M. Karamzin: The search for true bliss. *Slavonica*. 2018;23(1):25–41.
14. N e t t l e , D . Happiness: The science behind your smile. N. Y., 2005. 216 p.
15. V e e n h o v e n , R . World Database of Happiness. Available at: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl> (accessed 20.08.2021).

Received: 10 September, 2021; accepted: 20 December, 2021

КСЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА СУРКОВА

аспирант кафедры зарубежной литературы

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация)

gnomik_29@mail.ru

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГРАНИЦЫ КАК СПОСОБ ИНИЦИАЦИИ ГЕРОЕВ ЦИКЛА «ЛЕГЕНДЫ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ» УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН

Аннотация. Целью исследования является выявление специфики инициации героев цикла «Легенды Западного побережья» американской писательницы Урсулы Ле Гуин. Научная новизна обусловлена обращением к анализу позднего творчества У. Ле Гуин, являющегося на данный момент малоизученным. Исследование мифопоэтической основы образов главных героев позволяет изучить как особенности творческого метода писательницы, так и специфику построения образов главных героев в рамках жанра фэнтези. Значимое место, занимаемое фэнтези в современной литературе и культуре в целом, определяет актуальность нашей работы. Применяются описательный, мифопоэтический и сравнительно-исторический методы исследования. Отмечается, что при построении вторичного мира используется мифологическая традиция (мир Западного побережья построен на основе бинарных оппозиций), однако многие традиционные образы и мотивы переосмысяляются. Анализируются образы главных героев и выявляются такие их черты, как двойственность, неустойчивость изначального положения, способность к преодолению границ (в первую очередь культурных и социальных). Обращается внимание на роль ситуации травмы в процессе инициации. Выход за границу обыденного в сферу сверхъестественного становится обязательным для становления героя, но ожидаемое в рамках жанра обретение необычайных способностей представляет собой ложный ход на пути развития персонажей. Инициация героев соотносится со стадиями ритуальных обрядов перехода, а также со схемой путешествия мифологического героя, разработанной Дж. Кэмпбеллом. После прохождения инициации герои остаются в пограничном положении – между различными культурами и между миром реальности и текста, а их главной задачей становится постоянное преодоление границ: сначала как путь личностного становления, а затем – для созидания нового, гармоничного пространства. Делается вывод, что инициация героев цикла происходит посредством преодоления ими различных границ (собственного сознания, общественных стандартов, социальных ролей и т. д.), в результате чего они обретают функцию культурной медиации, что соотносится с мифологическим образом поэта и архетипом чтеца.

Ключевые слова: фэнтези, Урсула Ле Гуин, «Легенды Западного побережья», инициация, граница

Для цитирования: Суркова К. В. Преодоление границы как способ инициации героев цикла «Легенды Западного побережья» Урсулы Ле Гуин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 104–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.706

ВВЕДЕНИЕ

Мотив преодоления границы занимает важнейшее место в мифологии и литературе, поскольку, как отмечает Н. Т. Рымарь, «границы – это и средства, и цель искусства» [12: 309]. Семантика таких четко разделенных мифологических топосов, как мир теней, мир людей и мир богов, обуславливает как функцию границы между ними, так и символику ее преодоления. Противопоставление своего и чужого, сакрального и профанного пространств трансформируется в двоемирье романтизма и нео-

романтизма, миры рационального и чудесного в фантастической литературе. В фэнтези мотив преодоления границы может возникать на разных уровнях, и прежде всего это преодоление персонажами границы между миром реального и чудесного, а также между различными мирами внутри Мультивселенной. В отечественном литературоведении вопросы пространственно-временной организации фэнтези рассматриваются в работах Е. Н. Ковтун [4], О. А. Чигиринской [16], О. А. Костровой [6], О. С. Наумчик [9] и др., исследованию роли и символики границ

в фантастических произведениях посвящен сборник «В поисках границ фантастического: инициация, медиация, трансформация»¹, а англоязычные исследователи выделяют произведения, предлагающие преодоление границы между мирами, в отдельный поджанр – portal (portal-quest) fantasy. В то же время в произведениях так называемого высокого фэнтези, изображающих «мир с одним пространственно-временным центром, который осмысляется как самодостаточная вселенная, не зависящая от нашей реальности» [10: 361], как правило, представлены различные разграниченные между собой топосы вторичного мира, несущие ту или иную символическую функцию.

С другой стороны, в основе многих произведений фэнтези лежит квест, в результате которого происходит как космизация вторичного мира, так и становление главного героя, поскольку, как отмечает Е. Н. Ковтун, в фэнтези важен человек в своих индивидуальных проявлениях, «открывающий для себя мир в его сложности и целостности» [5: 127]. Преодоление героем ряда препятствий ведет к изменению его личности, выявлению особых (зачастую волшебных) способностей, обретению новой социальной роли, что позволяет соотнести процесс испытаний и приключений с инициацией.

Под инициацией в антропологии и религиоведении принято понимать

«переход индивида из одного статуса в другой, в частности включение в некоторый замкнутый круг лиц (в число полноправных членов племени, в мужской союз, эзотерический культ, круг жрецов, шаманов и т. п.), и обряд, оформляющий этот переход»².

Для инициальных (переходных / посвятительных) обрядов характерно взаимодействие с мифом на двух уровнях: с одной стороны, инициация включает в себя миф как составную часть (во время обряда испытуемому сообщаются мифы племени), с другой – структура многих мифов аналогична трехчастной структуре инициации (исключение индивида из общества / выход за пределы привычного мира, пограничный переход и возвращение, реинкорпорация в новом статусе / новой подгруппе общества). Структура и специфика обрядов инициации изучалась в работах А. ван Геннепа [3], В. Тэрнера [15], М. Элиаде [17]; на основе трехчастной структуры инициации Дж. Кэмпбелл [7] выделил универсальную схему путешествия мифологического героя, получившую развитие в работах его последователей (К. Воглер [2], М. Мёрдок [8] и др.); В. Пропп [11] исследовал связь между структурами инициации и фольклорной волшебной сказки.

Для понимания специфики инициации героев цикла «Легенды Западного побережья»³ («The Annals of the Western Shore») важно проанализировать ту роль, которую играет в ней мотив преодоления границы. Трилогия относится к позднему творчеству Урсулы Ле Гуин и включает романы «Проклятый дар» («Gifts», 2004), «Голоса» («Voises», 2006) и «Прозрение» («Powers», 2007).

ПОГРАНИЧНАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ

Ситуация границы задается уже в самом названии цикла «Легенды Западного побережья» – «The Annals of the Western Shore», где Shore – берег моря / край / прибрежные воды. Во многих древних космогонических мифах океан неотделим от хаоса, поэтому безграничен, опасен и неупорядочен, но в то же время вода представляет собою творческое начало⁴, и образ морской стихии обретает черты особого, иного пространства. У. Ле Гуин изначально строит мир на пограничной территории, побережье ограничено с одной стороны морем, а с другой – материком, и это определяет его потенциальную подвижность и неустойчивость. Однако мир Западного побережья построен в целом в соответствии с каноном «высокого фэнтези», заложенным Дж. Р. Р. Толкиным, а столкновение реального и чудесного происходит уже внутри этого мира.

Важнейшей для сюжета является пограничная ситуация, выступающая толчком к развитию и становлению главных героев. Урсулу Ле Гуин интересует как процесс формирования личности конкретного человека, так и пути гармонизации социального устройства и межкультурного взаимодействия. Мир Западного побережья строится на основании бинарных оппозиций (знания – невежество, вера – фанатизм, свобода – рабство), каждая составляющая которых воплощается в определенном топосе, представляющем собой сочетание географических и культурных свойств.

В «Проклятом даре» в основание противопоставления Верхних и Нижних земель положена традиционная мифологическая оппозиция верха – низа, воплощаемая также в противостоянии гор и долины, широко использовавшемся в литературе романтизма и неоромантизма («Руненберг» Л. Тика, «Потонувший колокол» Г. Гауптмана и др.). Верхние – горные земли связаны с магией, их жители обладают дарами – необыкновенными способностями, однако не используют их во благо и живут в бедности и невежестве. Мир Нижних земель практичен и полностью

лишен волшебства, но имеет гораздо более развитую культуру и религию. В «Голосах» действие разворачивается в захваченном кочевниками-альдами городе Ансуле, расположенному на рубеже – на побережье пролива, напротив подножья горы Сул. В основе культуры Ансула лежат торговля и знания, тогда как для альдов важнейшим является фанатичное поклонение божеству. В «Прозрении» разворачивается целая галерея топосов – социальных моделей, с которыми сталкивается главный герой, преодолевая путь от рабства к свободе (рабовладельческая Этра, пещера отшельника Куги, город беглых рабов Барны, поселения обитателей болот и университетский Месун).

Ни один из представленных топосов не может быть охарактеризован как однозначно положительный или отрицательный, а традиционные образы и мотивы переосмысливаются. Так, пространство Верхних земель теряет характерную для верха связь с сакральностью и духовностью, представляя магию бездуховности и насилия. Традиционное восприятие солнца как символа жизни и разума в религии альдов трансформируется в агрессивный фанатизм и стремление уничтожить все иное, а загадочная тьма пещеры оракула не содержит никаких демонов, поскольку их создает лишь человеческое воображение. Рациональное устройство просвещенного государства Этра, так же как и изначально базирующегося на идее справедливости лесного города Барны, оказывается лишь очередным воплощением насилия и несвободы.

Строя пространство произведения как столкновение этих амбивалентных, но в то же время противопоставленных друг другу пространств, У. Ле Гuin ставит своих героев в центр оппозиции. Оказавшись на границе, они вынуждены сделать выбор, определив свою принадлежность тому или иному топосу, что соотносится с лиминальной – пороговой, пограничной стадией в ритуальных обрядах перехода, исследовавшейся в работах А. ван Геннепа [3] и В. Тэрнера [15] и связанной со сменой идентичности, социального статуса или системы ценностей личности. Неустойчивость изначальной ситуации героев У. Ле Гuin воплощается как в их возрасте (подростки), так и в происхождении. Так, Орек является сыном брантора одного из древних родов горцев и уроженки Нижних земель, жителей которых, не обладающих магическими способностями, горцы презрительно именуют каллюками. Мать Мемер – представительница древнего рода Ансула, к которому принадлежит и Лорд-хранитель, а отец – неизвестный альдский воин.

Гэвир – уроженец болот, раб, воспитывающийся с раннего детства в богатой семье Арков. Все это закладывает изначальную неоднозначность образов героев и их потенциальную способность выйти за рамки обычного уклада жизни и привычного взгляда на окружающее.

Герой не принадлежит однозначно к какому-либо социуму, хотя до определенного момента и причисляет себя к нему: Орек воспринимает себя наследником семьи Каспро, владеющим даром разрушения связей, Мемер всей душой принадлежит семье своей матери, ненавидя альдских захватчиков, а Гэвир чувствует глубокую преданность и благодарность семье Арков. У. Ле Гuin создает ситуацию травмы, которая призвана показать ошибочность изначальной точки зрения персонажа и вынуждает его выйти за границы привычного существования. Сформировавшаяся картина мира героя оказывается ложной, а сетка социальных отношений – противоречащей внутренним потребностям личности, происходит процесс самоидентификации персонажа, ищащего ответ на вопрос, кто он и к какому обществу принадлежит. Орек понимает, что не обладает фамильным даром; Грай принимает решение не использовать свои способности для убийства животных на охоте; Мемер открывает в себе дар слышать оракула; Гэвир, пережив предательство людей, которых считал своей семьей, покидает Аркамант. Происходит инициация, взросление главного героя, становящегося способным не только совершить решительный поступок, но и взять на себя ответственность за него.

РОЛЬ МАГИИ И ВОЛШЕБСТВА В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГЕРОЕВ

У. Ле Гuin значительно трансформирует канон фэнтези, и, хотя некоторые герои открывают в себе сверхъестественные способности, подлинная инициация связана отнюдь не с магией. Читатель понимает, что раньше описываемый мир функционировал по законам магии и волшебства, но в настоящее время в нем присутствуют лишь отголоски магического, неспособные существенным образом повлиять на развитие событий. В рассматриваемом цикле усиливается доля фантастического в том виде, как это понимал Ц. Тодоров, противопоставлявший фантастическое чудесному (миру волшебной сказки), где сверхъестественная природа происходящего не вызывает сомнений, и называвший базовыми чертами фантастического неоднозначность трактовки события, возможность одновременно мотивировать его сверхъестественными и реальными причинами [14]. Особенno ярко это проявляется

в романе «Голоса», где кульминационный момент возрождения разрушенного фонтана и произнесения пророчества позже объясняется вполне реалистично. Следует также отметить, что одной из характеристик фантастического дискурса является, по мнению Ц. Тодорова, повествование от первого лица, и именно Я-нarrативная стратегия используется в «Легендах Западного побережья».

Самодостаточный мир Западного побережья, построенный в соответствии с основными принципами «высокого» фэнтези, оказывается вместе с тем немагическим пространством, в котором появляются локусы фантастического. Выход за границу обыденного в сферу сверхъестественного становится обязательным для становления героя, но в то же время ожидаемое в рамках жанра обретение необычайных способностей является ложным ходом на пути развития персонажа. Ожидания читателей обманываются, и оказывается, что сверхъестественные способности неоднозначно трактуются, являются бесполезными или вовсе отсутствуют у главных героев. Каждый из них находит свою сверхспособность, которая, однако, не связана с волшебством и магией, напротив, У. Ле Гуин переводит необычайное в символический план, показывая, что талант, скрытый в каждом человеке, и есть настоящее чудо и сверхсила.

На протяжении большей части романа «Проклятый дар» читатель подготавливается (с помощью истории слепого Каддара, рассказов о Каноке, описания трудностей Оррека, конфликта с Огге Драммом и трагической смерти Меле) к тому, что в конце произведения главный герой обретет власть над своим даром, отомстит врагам и установит порядок в Верхних землях. Однако оказывается, что Оррек не обладает волшебным даром, и его способности находятся в рамках мира обыденного – это талант поэта, а становление героя связано с выходом не только за границы топоса Верхних земель, но и символически за границы чудесного. В то же время поэтическая деятельность Оррека также рубежна: она не принадлежит сфере волшебного, но и не является обыденной, и в следующих книгах оказывается, как с ее помощью осуществляется поистине чудесное воздействие на людей и события (в «Голосах» Оррек силой своего слова практически бескровно разрешает конфликт между захватчиками и порабощенным народом; в «Прозрении» книга Оррека меняет судьбу другого героя – Гэвира).

В «Голосах» необычайное связано с образом погруженной во тьму пещеры оракула, где

обладающие даром прорицания люди способны услышать пророчества, являющиеся ответом на животрепещущие вопросы. Символически тьма пещеры соотносится с человеческим подсознанием, хранящим то, что скрыто от разума. Героиня открывает в себе способности общения с оракулом, однако последующим событием дается двойная мотивировка (также можно провести параллель с творчеством романтиков): смысл пророчества меняется в зависимости от воспринимающей личности. Сказанные Мемер слова люди слышат по-разному, чудесным образом возродившийся фонтан был просто починен, а сакральная книга оракула оказывается детской азбукой. Задачей героини становится не углубление в тьму пророчеств, а поиск точек соприкосновения между двумя народами ради сохранения мира и дальнейшего развития. Чудесное, иррациональное, ассоциирующееся с подсознанием, воплощается в образе пещеры оракула, тогда как рациональное, обыденное и осознанное – в доме и дворе Галваманда. Однако ни то, ни другое пространство не идеальны: город находится в запустении под гнетом захватчиков, но в то же время тьма пещеры безмолвна, пророчества неоднозначны, а способность общения с оракулом не зависит от воли человека. На границе этих противопоставленных топосов находится комната с библиотекой, являющаяся подлинным пространством силы для Мемер, обретающей функцию медиации, посредничества между мирами. Истинное призвание героини – не только изучение древнего наследия, но и передача знаний другим людям.

В «Прозрении» повествование строится на основе хронотопов дороги и чужого мира, а путь становления героя представлен в виде реального путешествия, во время которого происходит неоднократное преодоление как социальных, так и личных границ. Индивидуальная трагедия становится толчком к началу движения героя, в результате которого он выходит за рамки своей социальной роли (раб), затем поступательно проходит сквозь ограничения различных социальных моделей (общины беглых рабов, первобытная жизнь племен болот), а также расширяет границы собственных возможностей. Гэвир обладает двумя необычайными способностями: видеть картины будущего и запоминать различные тексты. У. Ле Гуин и здесь подводит своего героя к выбору в пользу жизненной стратегии, связанной с созиданием культуры, тогда как уводящая в иные миры способность прозревать будущее влечет за собой отказ от реальности. Истинной жизнью становится не мир чудесного,

а мир текста, объединяющий как временные, так и пространственные пласти.

СПЕЦИФИКА ИНИЦИАЦИИ ГЕРОЕВ

В процессе становления героев важно двойное пересечение границы: сначала персонаж совершает уход из привычного мира (отказ от своей роли), а затем происходит его возвращение к людям, что соотносится со стадиями инициации и схемой путешествия мифологического героя, разработанной Дж. Кэмпбеллом [7]. Однако в «Легендах Западного побережья» возвращение трактуется метафорически, как трансляция полученных знаний и опыта другим людям, а не как возврат в исходную географическую точку или социум. Специфической чертой является также то, что герой так и остается в пограничном положении – между различными культурами и между миром реальности и текста, а его главной функцией становится постоянное преодоление границ: сначала как путь личностного становления, а затем – для созидания иного, гармоничного пространства.

Выход за границы привычного существования, осуществляемый героями под влиянием травматического опыта, представляет собой инициацию, в результате которой персонаж открывает в себе или осознает уникальные качества личности. Образы центральных персонажей показаны как характеры в развитии, наделенные различными, иногда противоречивыми чертами. Очередной шаг на пути становления героя является преодолением привычных границ и маркирован символическим действием, представляющим собой устранение препятствия или преодоление рубежа, что соотносится с выделенным М. Бахтиным хронотопом порога, воплощающим момент жизненного перелома и преодоления кризиса [1]. Оррек, расставшись с иллюзией обладания фамильным даром, снимает с глаз повязку и видит глубокое звездное небо – тьма преграды / слепоты сменяется тьмой бесконечности космоса. Выбор социальной роли также обозначается преодолением рубежа: герой отказывается от своих прав на родовое поместье и покидает Верхние земли, отправляясь в странствия. Символически звучат слова Грай «Мы могли бы дойти даже до берега океана...»⁵ как преодоление ограничений ради выхода к бесконечности. Здесь следует отметить направление движения героев в сторону океана, традиционно символизирующего стихию неизвестного, «иного», а также западное направление, соответствующее пространственной модели Дж. Р. Р. Толкина (в которой Аман,

или Заокраинный Запад, представляет собой пространство более высокоразвитой, чем Среднеземье, цивилизации) и осмысливавшееся У. Ле Гуин как альтернативный путь развития, пространство «другого», и в цикле о Земноморье.

Мемер переступает символический порог, вступая в тайную комнату, отправляясь в пещеру оракула и входя во дворец повелителя альдов. Выбор Мемер своего дальнейшего пути маркирован ее поступком, когда героиня выносит из тайной комнаты книгу стихов Регали, считавшуюся утерянной, стремясь не только к сохранению знаний, но к их приумножению. Гэвир Айтана также совершает ряд действий, связанных с преодолением очередного этапа его путешествия и символизирующих переход нового рубежа (используются традиционные мифологические мотивы: спуск в пещеру, переход через реку и др.). Это, в частности, уход из дома Арков (маркирован переходом через мост), бегство из города Барны, решение покинуть хижину Додора и, наконец, пересечение двух рек на пути в университетский Месун.

Однако в «Легендах Западного побережья» инициация ведет не к утверждению героя в данном социуме, а к получению им социальной функции медиации, которая соотносится с мифологическим образом поэта [13] и архетипом чтеца, получившим развитие в литературе постмодернизма (Г. В. Кучумова рассматривает образ чтеца в качестве характерной черты немецкоязычной литературы последней трети XX века)⁶.

Оррек и Грай связывают посредством поэтического искусства и науки Верхние и Нижние земли, играют центральную роль в восстановлении мира в Ансуле и в налаживании взаимодействия между бывшими захватчиками и рабами, осуществляют связь прошлого и настоящего посредством изучения древнего литературного наследия. Мемер играет значительную роль в организации взаимодействия между альдами и жителями Ансула, является проводником пророчеств оракула, то есть соединяет древнюю мудрость и книжную культуру с современностью (учит аританскому языку Оррека, чтобы он мог познакомиться с древними памятниками на этом языке). Гэвир транслирует знания, полученные им в Этре, жителям тех пространств, в которых оказывается во время своего путешествия. Пройдя путь личностного становления и обретя новую социальную и культурную функцию, герои создают и новую общность, соотнесенную с топосом университетского города Месуна – пространства свободы, созидания, многогранности и единомыслия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, личностное становление героев «Легенд Западного побережья», находящееся в центре внимания У. Ле Гуин, происходит посредством преодоления ими различных границ: собственного сознания, общественных стандартов, социальных ролей, культурных

и религиозных традиций и т. д. В результате инициации главные герои обретают функцию медиации – становятся проводниками между различными обществами и культурами, прошлым и настоящим (через сохранение культурной памяти), реальным и текстовым пространствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В поисках границ фантастического: инициация, медиация, трансформация: Сборник статей. Вроцлав, 2021. 140 с.
- ² Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1 / Под ред. С. А. Токарева. Репринт. изд. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 2008. С. 543.
- ³ Ле Гуин У. Легенды Западного побережья: Романы / Пер. с англ. И. Тогоевой. СПб.: Азбука, 2017. 736 с.
- ⁴ Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2 / Под ред. С. А. Токарева. Репринт. изд. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 2008. С. 249–250.
- ⁵ Ле Гуин У. Проклятый дар // Ле Гуин У. Легенды Западного побережья: Романы / Пер. с англ. И. Тогоевой. СПб.: Азбука, 2017. С. 170.
- ⁶ Кучумова Г. В. Роман в системе культурных парадигм (на материале немецкоязычного романа 1980–2000 гг.): Автограф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2010. 47 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/roman-v-sisteme-kulturnyh-paradigm> (дата обращения 11.08.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
2. Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 476 с.
3. Генеп А ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
4. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
5. Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Вышш. шк., 2008. 408 с.
6. Кострова О. А. Пространственно-временная организация художественного мира в произведениях Дж. К. Роулинг [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://docplayer.com/26005108-O-a-kostrova-prostranstvenno-vremennaya-organizaciya-hudohestvennogo-mira-v-proizvedeniyah-dzh-k-rouling.html> (дата обращения 20.08.2021).
7. Кэмбелл Д. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2016. 347 с.
8. Мёрдок М. Путешествие Героини. М.: Клуб Кастилия, 2018. 240 с.
9. Наумчик О. С. Миромоделирующие функции игры в художественной системе английского фэнтези: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. 321 с.
10. Наумчик О. С. Пространственно-временные модели фэнтези // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв.: Коллективная монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Лобачевского, 2019. С. 356–362.
11. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Азбука; М.: Азбука-Аттикус, 2020. 544 с.
12. Рымарь Н. Т. Поэтика границы в литературе: эстетические и поэзологические аспекты границы как феномена художественного языка. Siedlce, 2016. 334 с.
13. Суркова К. В. Мифологические истоки образа поэта в цикле «Легенды Западного побережья» Урсулы Ле Гуин // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности: Коллективная монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. С. 243–251.
14. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Пер. с фр. Бориса Нарумова. М.: Дом интеллект. кн., 1999. 144 с.
15. Тэрнер В. Символ и ритуал: Пер. с англ. М.: Наука, 1983. 277 с.
16. Чигиринская О. А. Фантастика: выбор жанра, выбор хронотопа [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.rusf.ru/star/doklad/2008/chigr.htm (дата обращения 11.08.2021).
17. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения: Пер. с фр. СПб.: Университетская книга, 1999. 356 с.

Original article

Ksenia V. Surkova, Postgraduate Student, Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
 gnomik_29@mail.ru

BORDER CROSSING AS A WAY OF CHARACTERS INITIATION IN THE ANNALS OF THE WESTERN SHORE BY URSULA LE GUIN

A b s t r a c t. The article addresses the specifics of the characters initiation in *The Annals of the Western Shore* – a fantasy cycle by an American writer Ursula Le Guin. The novelty of the research is due to the appeal to Le Guin's late works (the cycle was written between 2004 and 2006), which have been little studied. Studying the mythopoetic basis of the main characters' images allows us to investigate both the features of Le Guin's creative method and the specifics of fantasy heroes. The relevance of the study is determined by the significant place that fantasy occupies in modern literature and culture. Descriptive, mythopoetic and comparative research methods are used. It is noted that Ursula Le Guin uses the mythological tradition when building the secondary world (the world of the Western Shore is built on binary oppositions), but reinterprets many traditional images and motifs. The images of the main characters in *The Annals of the Western Shore* are analyzed. The main heroes of the cycle have such features as the original position's instability and the ability to cross cultural and social borders. It is emphasized that the characters initiation starts with the situation of injury. It is imperative for the heroes to go beyond the border of the ordinary into the realm of the supernatural, but the expected acquisition of extraordinary abilities by the heroes does not occur. The initiation correlates with the stages of ritual rites of passage and with the scheme of the mythological hero's journey according to Joseph Campbell. After the initiation, the heroes remain in a borderline position between different cultures and between the world of reality and the text. The main heroes' task is to constantly cross the boundaries for personal development and then for the creation of a new harmonious space. It is concluded that the characters initiation in *The Annals of the Western Shore* occurs through the crossing of various boundaries (their own consciousness, social standards, social roles, cultural and religious traditions, etc.). As a result, the heroes acquire the cultural mediation function which correlates with the mythological image of the poet and the archetype of the reader.

K e y w o r d s : fantasy, Ursula Le Guin, The Annals of the Western Shore, initiation, border

F o r c i t a t i o n : Surkova, K. V. Border crossing as a way of characters initiation in *The Annals of the Western Shore* by Ursula Le Guin. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):104–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.706

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. Forms of time and chronotope in the novel. *Bakhtin, M. M. Questions of literature and aesthetics*. Moscow, 1975. P. 234–407. (In Russ.)
2. Vogler, K. The writer's journey. Mythological structures in literature and cinema. Moscow, 2017. 476 p. (In Russ.)
3. Genep, A. The rites of passage. Systematic study of rituals. Moscow, 1999. 198 p. (In Russ.)
4. Kovtun, E. N. Poetics of the extraordinary: the artistic worlds of science fiction, fairy tale, utopia, parable and myth (based on the material of European literature of the first half of the XX century). Moscow, 1999. 308 p. (In Russ.)
5. Kovtun, E. N. Fiction in the twentieth-century literature. Moscow, 2008. 408 p. (In Russ.)
6. Kostrova, O. A. The spatial and temporal organization of the artistic world in J. K. Rowling's works. Available at: <https://docplayer.com/26005108-O-a-kostrova-prostranstvenno-vremennaya-organizaciya-hudozhestvennogo-mira-v-proizvedeniyah-dzh-k-rouling.html> (accessed 20.08.2021).
7. Campbell, J. The hero with a thousand faces. St. Petersburg, 2016. 347 p. (In Russ.)
8. Murdock, M. The heroine's journey. Moscow, 2018. 240 p. (In Russ.)
9. Naumchik, O. S. The world-modeling functions of the game in the artistic system of English fantasy: Monograph. Nizhny Novgorod, 2020. 321 p. (In Russ.)
10. Naumchik, O. S. Space-time models of fantasy. *Paradigms of transition and images of a fantastic world in the artistic space of the XIX–XXI centuries: Collective monograph*. Nizhniy Novgorod, 2019. P. 356–362. (In Russ.)
11. Propp, V. The historical roots of the fairy tale. St. Petersburg, Moscow, 2020. 544 p. (In Russ.)
12. Ryamar, N. T. Poetics of the border in literature: aesthetic and poetological aspects of the border as an artistic language phenomenon. Siedlce, 2016. 334 p. (In Russ.)
13. Surkova, K. V. The mythological origins of the poet's image in *The Annals of the Western Shore* series by Ursula Le Guin. *Paradigms of cultural memory and constants of national identity: Collective monograph*. Nizhniy Novgorod, 2020. P. 243–251. (In Russ.)
14. Todorov, Tz. Introduction to fantastic literature. Moscow, 1999. 144 p. (In Russ.)
15. Turner, V. Symbol and ritual. Moscow, 1983. 277 p. (In Russ.)
16. Chigirinskaya, O. A. Science fiction: choice of genre, choice of chronotope. Available at: www.rusf.ru/star/doklad/2008/chigr.htm (accessed 11.08.2021)
17. Eliaze, M. Secret societies. Rites of initiation and ordination. St. Petersburg, 1999. 356 p. (In Russ.)

Received: 14 October, 2021; accepted: 27 December, 2021

НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА ПАВЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры начального образования, общей и социальной педагогики Института педагогики и психологии

Череповецкий государственный университет (Череповец, Российская Федерация)

npp55@mail.ru

Рец. на кн.: Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. – Изд. стереотип. – Москва: Издательская группа URSS, Editorial URSS, издательство «Либроком», 2020. – 192 с.

Для цитирования. Павлова Н. П. Рец. на кн.: Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. – Изд. стереотип. – Москва: Издательская группа URSS, Editorial URSS, издательство «Либроком», 2020. – 192 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 111–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.721

Книги, как и люди, могут отмечать круглые даты. Одна из таких книг – «Речевые ошибки и их предупреждение», автор которой – Стелла Наумовна Цейтлин, доктор филологических наук, профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка РГПУ им. А. И. Герцена. В 2022 году исполняется 40 лет со времени выхода первого тиража этой книги в издательстве «Просвещение». Книга (в выходных данных в разные годы довольно скромно указано: учебное пособие, учебно-методическое пособие) за эти годы переиздавалась семь раз: в 1982, 1997, 2008, 2009, 2013, 2017, 2020 годах [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11]. Издания 1997, 2008, 2009 годов исправлены и дополнены автором. Такая творческая судьба публикации объясняется довольно просто: потребность в понимании и осмысливании речи школьников разного возраста не уменьшается, а, скорее наоборот, возрастает в связи с требованиями Федеральных образовательных стандартов (ФГОС), обязательных при реализации основных образовательных программ начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования. Следует отметить, что уже первое издание этой книги [5] стало своеобразным справочным пособием не только для учителей, но и всех, кто работает с детьми или интересуется / занимается вопросами речевой культуры. Такой широкий круг читателей отмечен и в аннотации к последнему изданию: для учащихся, студентов, аспирантов, преподавателей, родителей, широкого круга читателей [9]. Автор, С. Н. Цейтлин, особо выделяет еще одну категорию читателей, которым может быть полезна и интересна книга: «Эта книга, как я надеюсь, будет полезна и логопеду, который часто бывает поставлен перед необходимостью по характеру допущенной ошибки разграничивать нормальный и аномальный путь освоения

языка» [9: 8]. Безусловно, издание адресовано и филологам, как занимающимся проблемами онтолингвистики, так и тем, кто изучает широкий круг лингвистических проблем (порождение и восприятие речи, семантические категории в речи, грамматический компонент языковой системы, проблемы восприятия текста, вопросы строения ментального лексикона и др.).

В отечественной науке изучение речевых ошибок довольно длительное время рассматривалось в работах педагогов-методистов (Т. А. Ладыженская [3], М. Р. Львов [4], В. И. Капинос [2] и др.). В последние десятилетия опубликованы научные труды, в которых феномен речевой ошибки проанализирован с точки зрения психолингвистики [2]. Однако заметных работ, направленных на исследование языковых причин речевых ошибок, детального комплексного их рассмотрения именно в речи детей, в лингвистической литературе немного.

Книга «Речевые ошибки и их предупреждение», вышедшая из печати в 1982 году, стала той первой ласточкой, в которой нашли отражение и лингвистический механизм возникновения речевых ошибок, и методические основы работы по их преодолению, и стройная классификация отступлений от языковой нормы в речи учащихся.

Уже в первом издании «Речевых ошибок...» автор убеждает читателя в том, что ни одна из ошибок не является случайной. Самая трудная задача, которую необходимо решить работающему с детьми, – понять причину девиаций в речевой продукции ребенка.

Безусловно, первое издание и последующие переиздания книги, посвященной речевым ошибкам школьников (отчасти используются примеры из речи детей дошкольного возраста), стали бы невозможными без обширного эмпирического материала, собранного С. Н. Цейтлин.

Необходимо отметить, что, приступая к чтению книги, не следует настраиваться на легкое «прогулочное» чтение. Автор уже в первых параграфах «Культура речи и речевые ошибки», «Причины речевых ошибок», «Классификация речевых ошибок учащихся» вводит требующие глубокого осмысления положения о противопоставлении языка и речи (напомним, что издание предназначено для широкого круга читателей!), о давлении языковой системы на речь ребенка, об усвоении системы и нормы при овладении речью.

С. Н. Цейтлин постоянно обращается к терминам, понятиям, которые используются в книге, но при этом поясняет их, сравнивает с использованием подобной терминологии другими авторами (например, «хорошая речь», речевая ошибка, речевой недочет, детский язык, системные ошибки, вариативность на уровне системы, вариативность на уровне нормы, языковое чутье).

Вступительные параграфы, по сути, ключ ко всему дальнейшему содержанию книги. В них автор не просто описывает и классифицирует причины возникновения речевых отклонений детей, но тщательным образом анализирует их. Подобный подход выводит классификацию на уровень значимых теоретических обобщений. Так, две страницы текста, посвященные влиянию языковой системы на речь ребенка, являются кратким изложением теории речевой деятельности [9: 14–16].

Рассматривая факторы, способствующие возникновению речевых ошибок, С. Н. Цейтлин указывает на сложность механизма порождения речи. Это позволяет автору начать разговор о процессе порождения высказывания, о возникновении и воплощении замысла говорящего (пишущего), что является предметом рассмотрения современной психолингвистики. При этом проявляется уникальная способность и умение Стеллы Навумовны пояснить в доступной форме сложные теоретические вопросы читателю, не знакомому с психолингвистическими проблемами моделирования процесса производства и понимания речи.

Особое внимание следует обратить на ссылки в книге. Они обширны и дают представление о разных взглядах на вопросы речевого мастерства, природу речевых девиаций, особенности использования терминов разными учеными. На наш взгляд, несомненный интерес представляют ссылки на труды Л. В. Щербы, Э. Косериу, Ф. де Соссюра, Н. И. Жинкина, в которых содержатся замечания, подтверждающие размышления автора книги о соотношении языка и речи, овладении языком, о выборе нормативного / ненормативного варианта в речи. Можно допустить, что после знакомства с «Речевыми ошибками...» читатель обратится к ранее неизвестным ему работам А. М. Пешковского, В. А. Добромуслову, по-новому перечитает книгу К. И. Чуковского «От двух до пяти».

Композиция книги С. Н. Цейтлин подчиняется главной цели – дать четкую, стройную классификацию и анализ речевых ошибок детей (рассматриваются ошибки словаобразовательные, морфологические, синтаксические, лексические, фразеологические). Такой подход, как отмечает автор,

«объясняется соображениями практического характера: во-первых, оно отчасти соответствует членению лингвистического материала в школьном учебнике, что позволяет учителю учесть типичные случаи нарушения норм при изучении той или иной темы курса русского языка; во-вторых, это облегчает пользование пособием как справочником по речевым неправильностям» [9: 5].

Последний раздел издания «Принципы и методические приемы дифференциации, предупреждения и исправления речевых ошибок» адресован тем, кто на практике занимается проверкой и оценкой навыков речевой продукции детей. Автор книги совершенно справедливо отмечает, что одной из объективных трудностей этой работы является отсутствие «адресованных учителю справочных изданий, содержащих детальное описание языковых норм в области лексики, фразеологии, морфологии и синтаксиса» [9: 162]. В этом отношении книга С. Н. Цейтлин заполняет сложившуюся лакуну и дает ориентиры в работе учителям, воспитателям и всем, кто связан с подобной деятельностью.

Поскольку данное издание заявлено в качестве учебного пособия, то можно надеяться, что при последующих переизданиях автор обратится к новой редакции ФГОС, которые начнут действовать с 1 сентября 2022 года для 1–5-х классов. Одно из основных требований обновленных стандартов – применение полученных знаний на практике, в том числе речевой.

И в завершение: в данной книге, имеющей семь переизданий, заложен ряд основных положений науки, которую с 2006 года, по предложению С. Н. Цейтлин, стали называть онтолингвистикой. И самым значимым, на наш взгляд, является то, что ребенок рассматривается автором как творец, который создает свою систему языка путем речевого опыта и его переработки. Следовательно, и речевые отклонения должны рассматриваться не только через описанные в лингвистической литературе языковые нормы, многие из которых «не были еще объектом лингвистического изучения и... не сформулированы» [9: 163].

В 2017 году (переиздание 2020 года) в издательстве «Учитель» вышла книга Ф. П. Сергеева «Речевые ошибки и их предупреждение», серия «В помощь преподавателю» [12]. Надеемся, что книга С. Н. Цейтлин и пособие Ф. П. Сергеева будут востребованы новыми читателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Залевская А. А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 6–22.
2. Капинос В. И. Об оценке речевых навыков учащихся // Русский язык в школе. 1973. № 6. С. 73–76.
3. Ладыженская Т. А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся. М.: Педагогика, 1974. 256 с.
4. Львов М. Р. Речь младших школьников и пути ее развития. М.: Просвещение, 1975. 176 с.
5. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982. 143 с.
6. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб.: ИД «МиМ», 1997. 192 с.
7. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050300 «Филологическое образование». 3-е изд., испр. М., 2008. 187 с.
8. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050300 «Филологическое образование». 3-е изд., испр. М.: Кн. дом «ЛИБРОФАРМ», 2009. 188 с.
9. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Учебно-методическое пособие для вузов по направлению 050300 Филологическое образование. М.: URSS, 2013. 187 с.
10. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. 192 с.
11. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. Изд. стереотип. М.: Издательская группа URSS, Editorial URSS, издательство «Либроком», 2020. 192 с.
12. Сергеев Ф. П. Речевые ошибки и их предупреждение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.labirint.ru/books/514809/> (дата обращения 23.12.2021).

Поступила в редакцию 10.01.2022; принята к публикации 14.01.2022

Review

Natalia P. Pavlova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation)
npp55@mail.ru

The book review: Tseitlin, S. N. Speech errors and their prevention. Moscow, 2020. 192 p.

For citation: Pavlova, N. P. The book review: Tseitlin, S. N. Speech errors and their prevention. Moscow, 2020. 192 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):111–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.721

REFERENCES

1. Zalevskaya, A. A. Speech error as a tool of scientific research. *Journal of Psycholinguistics*. 2009;9:6–22. (In Russ.)
2. Kapinos, V. I. Assessment of students' speech skills. *Russian Language at School*. 1973;6:73–76. (In Russ.)
3. Ladyzhenskaya, T. A. Systematic development of students' coherent spoken language. Moscow, 1974. 256 p. (In Russ.)
4. Lvov, M. R. Speech of younger schoolchildren and the ways of its development. Moscow, 1975. 176 p. (In Russ.)
5. Tseitlin, S. N. Speech errors and their prevention: Manual for teachers. Moscow, 1982. 143 p. (In Russ.)
6. Tseitlin, S. N. Speech errors and their prevention: Textbook. St. Petersburg, 1997. 192 p. (In Russ.)
7. Tseitlin, S. N. Speech errors and their prevention: Educational and methodological guide for students of higher educational institutions (major 050300 “Philological Education”). Moscow, 2008. 187 p. (In Russ.)
8. Tseitlin, S. N. Speech errors and their prevention: Educational and methodological guide for students of higher educational institutions (major 050300 “Philological Education”). Moscow, 2009. 188 p. (In Russ.)
9. Tseitlin, S. N. Speech errors and their prevention: Educational and methodological guide for the higher education major 050300 “Philological Education”. Moscow, 2013. 187 p. (In Russ.)
10. Tseitlin, S. N. Speech errors and their prevention: Textbook. Moscow, 2017. 192 p. (In Russ.)
11. Tseitlin, S. N. Speech errors and their prevention. Moscow, 2020. 192 p. (In Russ.)
12. Sergeev, F. P. Speech errors and their prevention. Available at: <https://www.labirint.ru/books/514809/> (accessed 23.12.2021). (In Russ.)

Received: 10 January, 2022; accepted: 14 January, 2022

ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА КОЛЕСОВА

(25.04.1934 – 17.12.2021)

Кандидат филологических наук, доцент

С именем Л. Н. Колесовой связана целая эпоха в истории Петрозаводского университета: более 60 лет филологи слушали ее лекции о поэтике детской литературы, истории детских журналов, введение в литературоведение. В 1990-е годы усилиями Ларисы Николаевны, имевшей большой опыт не только преподавательской, но и редакторской деятельности (например, в редакции газеты «Петрозаводский университет» с самого ее основания в 1956 году), было создано отделение журналистики при филологическом факультете ПетрГУ. Своим студентам и дипломникам она прививала навыки, без которых невозможно стать профессиональным исследователем литературы, учителем-словесником, редактором или журналистом. Плоды этих многолетних штудий дали очевидные всем результаты: ее выпускники работают не только в карельских издательствах, на радио и телевидении, газетах, интернет-СМИ, но и в других городах (Москве, Санкт-Петербурге, Мурманске, Вологде, Архангельске) и странах: Белоруссии, Германии, Финляндии, Сингапуре и др.

Л. Н. Колесова была инициатором проведения многих мероприятий под эгидой ПетрГУ. Всем памятны ее выступления в Национальной библиотеке РК, Научной библиотеке ПетрГУ, детских городских и сельских библиотеках, беседы о С. Маршаке, С. Михалкове, детских журналах.

Л. Н. Колесова – автор известных монографий и учебных комплексов «Детские журналы России. XX век» (2009), «Проза для детей: XX век, вторая половина» (2013), учебных пособий «Нравственные искания в современной

прозе для детей» (1987), «Детские журналы Советской России 1917–1977» (1993), «Проза для детей. 1917–1987» (1999), «Детские журналы России (1785–1917)» (2014 – книга 1; 2015 – книга 2, 2019 – книга 3). Ею написано более 50 статей, она составитель сборника стихов поэтов-обэриутов «Игра» (Петрозаводск, 1988; М., 1993), ответственный редактор книг И. П. Лупановой «Минувшее проходит предо мною...» (Петрозаводск, 2007) и А. В. Дворецкого «Избранное» (Петрозаводск, 2005), сборников конференций «Проблемы детской литературы и фольклора» (совместно с профессором Е. М. Нёловым). Одно из открытий Ларисы Николаевны – идея циклизации в творчестве В. Крапивина – блестяще подтвердилось, когда сам автор с изумлением сообщил в личном письме, что она точно угадала композиционный замысел, смутно долгие годы вызревавший в душе прозаика.

За большой вклад в научную и учебно-методическую работу Л. Н. Колесова была награждена Почетной грамотой МО РФ, знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», «Почетный наставник» МО РК. Но ни одна из наград не была ей так дорога, как врученная в марте 2021 года по инициативе известнейшего детского прозаика Альберта Лиханова «Премия Детского фонда».

Светлая память останется в сердцах всех знавших Ларису Николаевну коллег, учеников, друзей, родных и близких.

*Н. В. Патроева,
профессор, зав. кафедрой русского языка ПетрГУ*

ПетрГУ – научно-дискуссионная площадка для обсуждения актуальных проблем преподавания русского языка как иностранного

В последние годы в отечественной лингвистической и лингводидактической науке неуклонно растет интерес к преподаванию русского языка как иностранного (РКИ). Это связано как с расширением контактов российских вузов с зарубежными партнерами и активизацией академической мобильности, так и стабильно высоким интересом к русскому языку и русской культуре в мире. В российских вузах увеличивается число иностранных обучающихся; проводятся летние и зимние языковые школы; организуются различные по длительности и тематике курсы повышения квалификации и программы стажировки для преподавателей русского языка за рубежом.

В мае 2018 года в Петрозаводском государственном университете на базе кафедры русского языка как иностранного (с 1 ноября 2021 года – кафедре русского языка как иностранного и прикладной лингвистики) Института филологии совместно с преподавателями кафедры русского языка и Подготовительного факультета ПетрГУ, а также коллегами с кафедры музыкальной педагогики и гуманитарных дисциплин, кафедры теории музыки и композиции Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова был проведен I Межвузовский научно-методический семинар «Актуальные проблемы преподавания РКИ в вузе».

Ровно через год, в мае 2019-го, был проведен II Научно-методический семинар «Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе – 2019». Мероприятие изменило свой статус: межвузовский семинар стал межрегиональным и международным, поскольку в его работе в очной и заочной форме принимали участие коллеги из различных вузов России, а также стран СНГ и дальнего зарубежья (Казахстана, Болгарии, Эстонии). По итогам работы семинара был подготовлен и издан электронный сборник материалов, размещенный в РИНЦ. Тематика представленных в нем статей была крайне разнообразна, что объясняется широким спектром тем и вопросов, связанных с преподаванием русского языка как иностранного.

В октябре 2020 года был проведен очередной, III Межвузовский межрегиональный (с международным участием) научно-методический семинар «Актуальные проблемы преподавания русского

языка как иностранного в вузе – 2020». За год система высшего образования в России и за рубежом столкнулась с неизвестной ранее угрозой – эпидемией коронавируса. В связи с этим преподавание РКИ (и не только) практически полностью переместилось в режим онлайн; формат проведения семинара также изменился: из очной формы он перешел в онлайн-режим на платформе Zoom. В работе семинара приняли участие преподаватели РКИ и руководители образовательных учреждений из России, Венгрии, Ирана, Китая, Мьянмы, Узбекистана. Изменились не только формат проведения, состав участников и их география; на первый план обсуждения вышли новые вопросы, связанные с преподаванием русского языка как иностранного в режиме онлайн и с возникающими в связи с этим проблемами. Практически все доклады имели преимущественно прикладной характер, были основаны на имеющемся у авторов значительном опыте преподавания РКИ. Еще до проведения семинара был издан электронный сборник научных трудов «Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе – 2020», размещенный в РИНЦ.

Интерес к семинару неизменно рос, и с учетом пожеланий коллег коллективом кафедры было принято решение о переводе мероприятия на качественно новый уровень с привлечением большего количества участников и расширением собственно лингвистической составляющей.

23–24 сентября 2021 года в ПетрГУ состоялась Международная научно-практическая и научно-методическая конференция «Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном образовании – 2021», которую следует рассматривать как обобщение предшествующего трехлетнего опыта и его логическое продолжение. В программный комитет конференции вошли ведущие исследователи в области РКИ из Санкт-Петербургского университета, Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, а также крупных университетов Венгрии и Китая.

Оргкомитет получил более 100 заявок на разные формы участия, из них с учетом соответствия тематики были отобраны около 70. В общей сложности в работе конференции приняли участие более 80 специалистов в области пре-

подавания русского языка как иностранного из крупных российских и зарубежных университетов и институтов, языковых центров и языковых школ России, Беларуси, Болгарии, Италии, Китая, Ливана, Польши, Словакии и Финляндии. В Петрозаводск приехали ведущие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Курска, Челябинска, Пятигорска, Тулы, Иванова, представляющие крупные вузы России, в том числе Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный университет русского языка им. А. С. Пушкина, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Тульский государственный университет, Пятигорский государственный университет, Юго-западный государственный университет, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Московский государственный строительный университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого и другие.

Целью конференции был обмен имеющимся опытом в сфере преподавания русского языка как иностранного в современном образовании, обсуждение актуальных вопросов преподавания РКИ и специальных дисциплин на русском языке в иноязычной аудитории. Работа конференции проходила в очном и онлайн-формате: пленарное заседание и секции «Цифровые технологии и профессионально ориентированное преподавание РКИ», «Проблемные зоны русской лексики и грамматики», «Профессионально ориентированное преподавание РКИ» проводились очно, секция «РКИ в современном образовании: проблемы, решения, перспективы» – в режиме онлайн. Следует отметить, что в работе конференции принимали активное участие студенты Института филологии, обучающиеся по программе бакалавриата «Русский язык как иностранный».

Спектр обсуждаемых во время конференции вопросов был крайне широк: концептосфера русского языка в аспекте преподавания РКИ, цифровое чтение, использование различных лингводидактических подходов в преподавании РКИ, создание и разработка новых элек-

тронных ресурсов, специфика преподавания РКИ онлайн, специфика преподавания РКИ в практике изучения русского языка за рубежом с учетом национальной и этноязыковой составляющей и проч.

Основные направления исследований, которые отражены в статьях данного по итогам работы конференции сборника статей:

1. Использование различных лингводидактических подходов в преподавании РКИ.
2. Проблемные зоны русской фонетики, лексики и грамматики в практике преподавания РКИ.
3. Стилистические аспекты в практике преподавания РКИ.
4. Использование современных информационных технологий в практике преподавания РКИ.
5. Специфика преподавания РКИ в режиме онлайн.
6. Создание и разработка электронных ресурсов по РКИ.
7. Этнокультурные аспекты преподавания РКИ и специальных дисциплин в иноязычной аудитории.
8. Преподавание специальных дисциплин на русском языке в иноязычной аудитории.

Участники отметили высокий уровень профессиональной дискуссии, прекрасную организацию мероприятия, которая, по мнению многих, должна стать ориентиром для мероприятий такого ранга. Принято решение обратиться в МАПРЯЛ о включении конференции в состав научных мероприятий под эгидой МАПРЯЛ и ежегодном проведении.

Вниманию читателей предлагаются статьи участников конференции, отобранные редколлегией сборника и рекомендованные для публикации в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета». Это лишь небольшая часть, которая, однако, демонстрирует уровень научного осмысления и сложность лингвистической проблематики преподавания РКИ на современном этапе.

*A. A. Котов, канд. филол. наук,
зав. кафедрой русского языка как иностранного
и прикладной лингвистики ПетрГУ
andrewcot1972@yandex.ru*

**Andrey A. Kotov, Cand. Sc. (Philology), Petrozavodsk State University
andrewcot1972@yandex.ru**

КРАЕВЕД-2022

Национальная библиотека Республики Карелия приглашает к участию в VIII Республика́нском конкурсе научно-исследовательских работ «Краевед-2022» (далее – Конкурс).

Учредители и организаторы Конкурса:

- БУ Национальная библиотека РК;
- ГАУ ДПО РК «Карельский институт развития образования»;
- Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук;
- ФБГУК Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»;
- БУ Национальный музей Республики Карелия;
- ГБОУ ДО РК РЦРДО Ровесник.

Работы на Конкурс принимаются с **5 октября 2021 по 28 февраля 2022 года**.

Цель Конкурса – выявление научно-исследовательского потенциала краеведов-любителей разных поколений, консолидация их усилий в изучении истории, культуры, этнографии, природы Республики Карелия.

Задачи Конкурса:

- Стимулировать исследовательскую и творческую активность краеведов РК;
- Определить актуальное содержание деятельности краеведов, его место и роль в образовательном пространстве населенного пункта, города, района РК;
- Способствовать формированию современных подходов к изучению родного края, преодолению стереотипов его восприятия;
- Содействовать реализации регионального компонента в содержании образования.

Участниками Конкурса могут стать:

- преподаватели общеобразовательных учебных заведений;
- преподаватели средних специальных учебных заведений;
- педагоги дополнительного образования;
- студенты и учащиеся высших и средних специальных учебных заведений;
- учащиеся среднего и старшего звена общеобразовательных школ;
- исследователи края в рамках профессиональной деятельности;
- краеведы-любители (возрастные рамки не ограничены).

Конкурсные работы предоставляются в срок до **28 февраля 2022 года**: в печатном виде по адресу: 185035, РК, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 5 или в электронном виде: kraeved@library.karelia.ru с отметкой «На конкурс “Краевед-2022”». Требования к оформлению и содержанию конкурсных материалов изложены в Положении о Конкурсе.

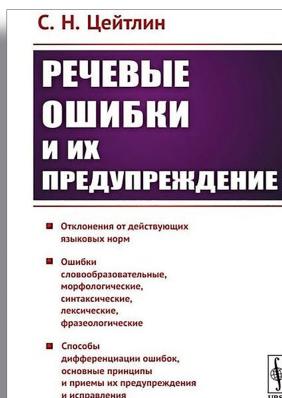
Церемония подведения итогов состоится в срок до **30 апреля 2022 г.**

Контактная информация:

Тел. 78-28-76, добавочный 141
e-mail: kraeved@library.karelia.ru

CONTENTS

Editorial note	7	Zykova I. V.
LINGUISTICS		FIELD PRINCIPLE FOR DESCRIBING THE MEANINGS OF TOPOONYMS (ILLUSTRATED BY THE TOPOONYM <i>KARELIA</i>)
<i>Lukin O. V.</i>		70
FILIPP FORTUNATOV AND THE NEOGRAM-MARIAN SCHOOL	8	
<i>Zhuravleva A. E.</i>		
CURRENT TRENDS IN THE PRONUNCIATION OF CONSONANT GROUPS.....	13	
<i>Novoselova V. A.</i>		
FIGURATIVE COMPARISONS AS EXPRESSESSES IN THE MEDIA TEXTS OF THE TV PROGRAM <i>VESTI NEDELI WITH DMITRY KISELYOV</i>	20	
<i>Chertousova S. V., Shumilina K. A.</i>		
SEMIOTIC HETEROGENEITY OF TEXTS IN THE TRANSLATION ASPECT	29	
<i>Kononchenko Yu. A.</i>		
ETHNOCULTURAL CONCEPT OF “NATURE” IN THE POETIC WORLDVIEW OF DONBASS WRITERS.....	36	
INTERNATIONAL CONFERENCE ON CURRENT ISSUES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE		
<i>Markova E. M.</i>		
STRUCTURE OF COGNITIVE CONTENT AND COGNITIVE KNOWLEDGE OF RUSSIAN VOCABULARY.....	43	
<i>Popova T. I.</i>		
INFORMATION WAVES AND THEIR TEXTUAL IMPLEMENTATION IN MEDIA DISCOURSE: LINGUISTIC AND DIDACTIC ASPECTS.....	50	
<i>Veselovskaya T. S.</i>		
FEATURES OF DIGITAL EDUCATIONAL TEXT ANALYSIS	56	
<i>Zakharova N. N.</i>		
INFORMATIVE, IMAGINATIVE AND PRAGMATIC FIELDS OF THE “TULA GINGER-BREAD” CONCEPT	63	
LITERARY STUDIES		
<i>Koblenkova D. V.</i>		
TYPOLOGY OF SWEDISH NOVEL FROM THE 1950s TO THE EARLY TWENTY-FIRST CENTURY	76	
<i>Sharypina T. A.</i>		
POETOLOGICAL FUNCTIONS OF AUTHORIAL MODALITY IN THE ARTISTIC PRACTICE OF FRANZ FÜHMANN AND BERNHARD SCHLINK.....	81	
<i>Aleksandrova M. A.</i>		
SCHOOLBOYS OF BULAT OKUDZHAVА: “LITTLE MAN” IN SEARCH OF NOBILITY	89	
<i>Tsurkan V. V.</i>		
CONCEPT OF “HAPPINESS” IN ANDREY BITOВ’S PROSE (1960s–1980s)	97	
<i>Surkova K. V.</i>		
BORDER CROSSING AS A WAY OF CHARACTERS INITIATION IN <i>THE ANNALS OF THE WESTERN SHORE</i> BY URСULA LE GUIN.....	104	
Reviews		
<i>Pavlova N. P.</i>		
The book review: Tseitlin, S. N. <i>Speech errors and their prevention</i>	111	
Memory		
<i>Patroeva N. V.</i>		
In memory of L. N. Kolesova.....	114	
Scientific information		
<i>Kotov A. A.</i>		
Petrozavodsk State University as an academic platform for discussing current issues of teaching Russian as a foreign language.....	115	
Scientific information.....	117	

С. Н. Цейтлин РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ И ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В книге рассматриваются отклонения от действующих языковых норм, типичные как для устной, так и для письменной речи учащихся. Последовательно описываются ошибки словообразовательные, морфологические, синтаксические, лексические, фразеологические, что соответствует расположению материала действующих учебников русского языка. Подробно рассматриваются методические вопросы: описываются способы диагностики ошибок, основные принципы и приемы их предупреждения и исправления.

Рекомендуется преподавателям, аспирантам и студентам филологических вузов; учителям начальных и средних школ; родителям, приобщающим детей к речевой культуре; широкому кругу читателей, которым эта книга поможет избежать ошибок в собственной речи и оценить речь собеседников.

Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение / С. Н. Цейтлин. – Изд. стереотип. – Москва : Издательская группа URSS, Editorial URSS, издательство «Либроком», 2020. – 192 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

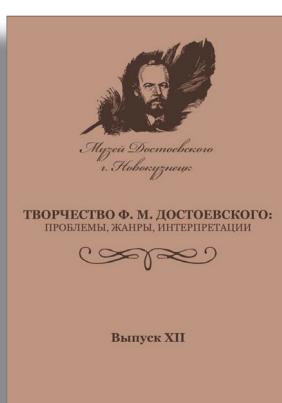

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

В сборник вошли тексты докладов и статьи Международной научно-практической и научно-методической конференции «Актуальные проблемы преподавания русского как иностранного в современном образовании – 2021», прошедшей в Петрозаводском государственном университете в 2021 году. Исследования участников посвящены актуальным вопросам преподавания русского языка для иностранных граждан в вузах, языковых центрах и школах в России и за рубежом. Адресовано преподавателям, аспирантам, специалистам в области РКИ, студентам гуманитарных факультетов.

Актуальные проблемы преподавания РКИ [Электронный ресурс] : материалы Международной научно-практической и научно-методической конференции «Актуальные проблемы преподавания русского как иностранного в современном образовании – 2021» / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Электрон. дан. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2022.

В данном номере журнала опубликована подборка статей по результатам конференции

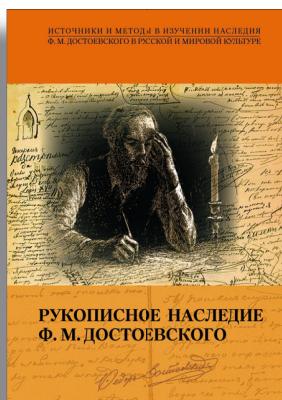
ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ПРОБЛЕМЫ, ЖАНРЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Сборник научных статей посвящен неизвестным страницам жизни и творчества Ф. М. Достоевского, проблеме «Достоевский и Сибирь», рецепции творчества Ф. М. Достоевского, специфике языка и стиля произведений великого писателя и соотношения художественного мира с культурно-историческим контекстом, раскрывает философско-религиозные аспекты творчества Достоевского, особенности проблематики и поэтики его произведений. Так же в сборнике представлен раздел, связанный с изучением творчества Ф. М. Достоевского в вузе и в школе.

Сборник содержит работы ученых из России, Украины, Беларуси, Словакии, Казахстана, Таджикистана и предназначен для филологов, философов, культурологов, сотрудников музеев, преподавателей школ и вузов, студентов и аспирантов гуманитарных вузов и всех тех, кто интересуется жизнью и творчеством Ф. М. Достоевского.

Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Выпуск XII : сборник научных статей / науч. ред. Е. Д. Трухан ; отв. ред. А. А. Балакай ; М-во образования и науки РФ, Новокузнецк, ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та ; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). – Новокузнецк : НФИ КемГУ ; Красноярск : Ситал, 2020. – 408 с.

Сборник открывается статьей сотрудника ПетрГУ Т. В. Панюковой

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Настоящее издание представляет собой новое систематизированное описание всех известных на сегодняшний день автографов Ф. М. Достоевского, а также копий и стенограмм его художественных и публицистических текстов, сделанных рукой жены писателя А. Г. Достоевской. Оно включает в себя десять разделов, в которых описаны записные книжки и тетради, рукописи произведений, записи в альбомах и на отдельных листах, записи, связанные с редакторской и издательской деятельностью, письма, официальные документы и деловые бумаги, записи и пометы на книгах, письмах корреспондентов и официальных документах, дарственные надписи на книгах и фотографиях, шуточные стихи в записях А. Г. Достоевской.

Описание адресовано ученым, преподавателям, студентам, всем, интересующимся русской литературой и историей, жизнью и творчеством Ф. М. Достоевского.

Рукописное наследие Ф. М. Достоевского / отв. ред. И. С. Андрианова. – СПб.: Изд-во РХГА, 2021. – 560 с.